

***СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ***

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уфимский университет науки и технологий»

**СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ**

*Материалы
II Всероссийской научно-практической конференции
(г. Уфа, 23 апреля 2026 г.)*

Научное электронное издание сетевого доступа

Уфа
Уфимский университет
2026

УДК 81'1+004
ББК 81+16
С75

*Публикуется по решению кафедры лингводидактики
и переводоведения ВШЗФЛиП УУНУТ.
Протокол № 9 от 20.04.2026 г.*

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, профессор **Р. А. Газизов** (*отв. редактор*);
д-р филол. наук, профессор **Е. А. Морозкина** (*зам. отв. редактора*);
д-р филол. наук, профессор **Н. П. Пешкова**;
д-р филол. наук, профессор **А. С. Самигуллина**;
канд. филол. наук, доцент **Р. И. Камалов** (*отв. секретарь*)

Сравнительно-сопоставительная лингвистика и интеллектуальные техно-
С75 **логии: перспективы интеграции:** материалы II Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 23 апреля 2026 г.) / отв. ред. Р. А. Газизов [Электронный ресурс] / Уфимск. ун-т науки и технологий. – Уфа: Уфимский университет, 2026. – 153 с. – URL: <https://uust.ru/media/documents/digital-publications/2026/169.pdf> – Загл. с титула экрана.
ISBN 978-5-7477-6437-8

В сборник включены научные статьи, объединенные общей тематикой исследования языковых единиц в свете современных научных парадигм. Рассматривается широкий круг актуальных проблем, отражающих различные аспекты указанной проблематики в междисциплинарной перспективе.

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

УДК 81'1+004
ББК 81+16

ISBN 978-5-7477-6437-8

© Уфимский университет, 2026

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ
И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ**

УДК 81'373.4

Агеева А.В.

д-р филол. наук, профессор КФУ

г. Казань, Россия

Диярова К.И.

г. Казань, Россия

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ФРАНКОЯЗЫЧНОГО АРТ-ДИСКУРСА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЖАНРАХ**

В статье рассматривается лексико-семантическая организация в публицистических и художественных жанрах франкоязычного арт-дискурса. В статье выявлены лексико-семантические маркеры в соответствии с особенностями и задачами жанра. Представлен сравнительно-сопоставительный анализ лексических единиц.

Ключевые слова: язык, арт-дискурс, жанр, лексика, семантика, символ.

Искусство современности, нацеленное на трансляцию смыслов во внешний мир, требует интерпретации. При этом интерпретация произведений искусства есть акт словесной интерпретации, так как слово неизбежно сопровождает и комментирует всякий акт понимания [3]. Согласно А.В. Оляничу искусствоведческим дискурсом является виртуальный, постоянно разворачивающийся во времени и в пространстве корпус высказываний на тему искусства, реализуемых в рамках искусствоведческих наук в различных типах текста и коммуникативных сферах [4]. Лексико-семантические маркеры представляют собой языковые единицы, функционирующие на лексическом и семантическом уровнях языка и служащие для высказывания тех или иных форм, признаков и явлений. Лексико-семантические маркеры создают связность и когерентность (соотнесенности) текста, а также помогают читателю или слушателю ориентироваться в логике аргументации и могут быть классифицированы по различным критериям [6].

В наших предыдущих работах мы предпринимали попытки выявить специфику передачи цвета во франкоязычном искусствоведческом дискурсе [1], зафиксировать отношения лексических параллелей во франко- и англоязычной цветовой номенклатуре [2], описать лексико-

семантическую стратификацию литературоведческого дискурса во французском языке [5]. Целью настоящей статьи является сопоставление лексико-семантических маркеров во франкоязычных разножанровых текстах, интерпретирующих сферу искусства.

Для установления лексико-семантической организации публицистического жанра в качестве материала выбрана статья «*La vie d'un designer graphique freelance: entre liberté artistique et réalités du terrain*», опубликованная в журнале «*Étapes*». Письменный жанр статьи относится к аналитической классификации публицистики посвящена не только творчеству графического дизайна, но и трудностям работы в сфере искусства. Среди наиболее актуальных для корпусного лингвистического анализа фраз можно выделить следующие: «*Le freelancing (1) m'a offert une liberté artistique (2) que je n'avais pas en agence*», «*La vie de designer freelance (3), comme nous l'a montré Éloïse, est un voyage fascinant (4) rempli de liberté créative (5) et de défis personnels (6)*», «*Travailler (7) avec des clients passionnés (8) et voir mes créations prendre vie (9) est extrêmement satisfaisant (10)*». Автор статьи, при помощи языковых средств (англицизмов, которые сами по себе являются мощным средством маркирования текста (1,3), эпитетов (4,10), инфинитивов и инфинитивных оборотов (7,8,9) и устойчивых выражений (2,5,6) превращает профессиональный опыт в универсальный нарратив о творческом пути, свободе художественной экспрессии и самовыражения. Это указывает на то, что публицистическим жанрам характерно возводить личный опыт в ранг общего, предавая социально значимые смыслы, апеллирующие к ценностям аудитории, тем самым напрямую обращаясь к читателю.

Схожей по содержанию оказалась статья «*Rachelle Cunningham: "Instagram est pour moi la plus vaste des galeries d'art"*» из журнала «*L'officiel*». Данная статья относится к разговорному стилю жанра письменной коммуникации, так как воспроизведена в формате интервью. Она раскрывает тему работы, образования и продвижения современных художников в социальных сетях. Текст содержит общеупотребительную лексику, которая тем не менее обладает довольно яркой эмоциональной коннотацией (1,2,4,5,7), либо тематической отнесенностью (3,6,8): «*L'art m'a en quelque sorte sauvé la vie (1), et j'ai décidé de me former davantage aux disciplines artistiques*», «*Avant, l'art se cantonnait (2) bien souvent aux musées et aux galeries. Grâce aux réseaux sociaux, notre page Instagram devient notre propre galerie virtuelle (3), qui peut potentiellement attirer l'attention (4) de n'importe qui dans le monde. C'est véritablement un atout (5) pour les artistes, et j'apprécie particulièrement l'interactivité (6) et les échanges inattendus (7) que cette plateforme (8) permet*». Примеры из обеих статей примеры указывают на использование определенных слов, выражающих эмоциональную составляющую. Авторы, базирясь на личном опыте в профессиональной деятельности, дополняют арт-дискурс эмоционально-

оценочными языковыми единицами лексики, такие как *liberté artistique* ‘творческая свобода’, *fascinant* ‘очаровательный’, *satisfaisant* ‘приятно’, *sauvé la vie* ‘спасло жизнь’, *apprécier* ‘ценить’, которые в том числе относятся к лексико-семантическим маркерам в контексте темы нашего исследования.

В качестве анализа лексико-семантической организации художественного стиля было выбрано произведение «L’oeuvre» автора Эмиль Золя в жанре письменности роман. Основной идеей произведения является столкновение творчества и жизни, показывающее, как одержимость художника приводит к разрушению его личности, семьи и связи с миром. На протяжении всего романа исследуется такое направление искусства как импрессионизм. Наиболее яркими по содержанию маркеров арт-дискурса оказались отрывки, подобные нижепротитированным: «*Mais ce dont elle s’effrayait surtout, c’était des esquisses pendues aux murs, sans cadres, un flot épais (1) d’esquisses qui descendait jusqu’au sol (2), où il s’amassait en un éboulement de toiles (3) jetées pêle-mêle. Jamais elle n’avait vu une si terrible (4) peinture, rugueuse (5), éclatante (6), d’une violence de tons (7) qui la blessait (8) comme un juron de charretier (9), entendu sur la porte d’une auberge (10). Elle baissait les yeux, attirée pourtant par un tableau retourné, le grand tableau auquel travaillait le peintre, et qu’il poussait chaque soir vers la muraille, afin de le mieux juger le lendemain, dans la fraîcheur (11) du premier coup d’œil*». «*Elle eut, malgré elle, un regard autour de l’atelier, sur les esquisses terrifiantes (12), dont les murs flambaient (13); et, dans ses yeux clairs, un trouble reparut, l’étonnement inquiet (14) de ce tableau brutale (15). De loin, elle voyait à l’envers (16) l’étude que le peintre avait ébauchée d’après elle, si consternée (17) des tons violents (18), des grands traits de pastel sabrant les ombres (19), qu’elle n’osait demander à la regarder de près*». Эти цитаты показывают, какие чувства у человека вызывает искусство, насколько сильно оно может повлиять на настроение и внутреннее состояние. Художественному тексту свойственно преобладание метафор (1,2,3,7,8,1,13,16,19), сравнительных конструкций (9), гипербола (2,4,17), эпитетов (1,4,5,6,12,14,17), и других художественных средств выразительности (троп), что наделяет лексико-семантические маркеры символикой и присваивает им скрытый смысл. Посредством восприятия лексических единиц, читатель может ощущать те же чувства, что и герой произведения. Это напрямую доказывает теорию о том, что эмоции могут являться эффектом языкового акта, но одновременно с этим на формирование самого дискурса влияет персональное сенсорное отношение человека к чему-либо. Из приведенных выше цитат можно сделать вывод, что лексико-семантическими маркерами в этом типе жанра могут выступать яркие эпитеты и метафоры, такие как *l’étonnement inquiet* ‘тревожное изумление’, *la fraîcheur du premier coup d’œil* ‘свежесть первого взгляда’, *éclatante* ‘ослепительная’ в связи с тем, что они

устанавливают семантическую связь разных элементов дискурса и влияют на психологическое восприятие читателя. Также маркерами в этом жанре письменности являются синонимы, например *peinture* ‘картина’, *toile* ‘холст’ и *tableau* ‘полотно’; *esquisses* ‘эскизы’ и *l'étude* ‘этюд’, так как они обогащают арт-дискурс, делают его разнообразным менее предсказуемым, что особенно свойственно для художественного текста.

Посредством сравнительно-сопоставительного анализа и установить характерные черты лексико-семантической организации франкоязычного арт-дискурса. Основной целью и функцией публицистических жанров является стремление к воздействию на читателя, пробуждая интерес к теме искусства. Среди лексико-семантических маркеров особенно преобладают те, что имеют эмоционально окрашенную лексику, делая акцент на выражении чувств и субъективном отношении автора. Так как публицистика направлена на создание убеждений, формирующих общественное мнение, используются общие слова и выражения, подходящих для понимания читателя любого возраста. Благодаря этому широкая аудитория приобщается к сфере искусства, а лексико-семантические маркеры арт-дискурса становятся более современными, доступным и понятными. Таким образом ключевыми лексическими маркерами становятся разговорная лексика, метафоры и эпитеты, а также эмоционально-окрашенные выражения. Семантическая организация имеет социально-прагматический компонент, текст строится как прямая коммуникация с читателем.

Художественные тексты при помощи языковых единиц в арт-дискурсе оказывают эстетическое и эмоциональное воздействие, так как художественным жанрам характерно наличие описательной лексики, создание образности и выразительности. В отличие от публицистических жанров, в художественных текстах можно отметить сложность в восприятии образов, так как каждый маркер имеет свою символику в зависимости от контекста. Таким образом ключевыми лексическими маркерами являются слова-символы, метатекстовые элементы и оценочно-экспрессивная лексика. Специфика семантической организации характеризуется наличием большого количества синонимических рядов, а значение маркеров раскрывается через сюжет, подтекст и отношение автора.

Таким образом можно сделать вывод, что каждый жанр письменной коммуникации имеет четкую цель и характерные задачи воздействия на читателя в разном направлении. Достижение этой цели происходит посредством выбора определенных лексико-семантических маркеров арт-дискурса. Для того, чтобы коммуникация состоялась корректно необходимо знать особенности и различия стилей, в которых выступает тот или иной жанр письменности.

Список литературы

1. Агеева А.В., Абдуллина Л.Р. Семасиологические отношения лексических параллелей в английской и французской колор-номинации // Научный диалог. – 2025. – Т. 14. № 3. – С. 9-24.
2. Диярова К.И., Агеева А.В. Лексико-семантические маркеры цвета во франкоязычном арт-дискурсе // Романия: языковое и культурное наследие – 2025. Ма-лы IV Междунар. науч. конф. – Минск: Изд-во БГУ, 2025. – С. 18-21.
3. Епифарцева Н.Г., Еплов С.С. Образовательный дискурс (французский и русский языки в сопоставлении) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Лингвистика. – 2022. – № 6. – С. 91-100.
4. Олянич А.В. Искусствоведческий дискурс // Дискурс-Пи. – 2015. – № 2. – С. 160-162.
5. Юркова В.Н., Агеева А.В. Семантическая стратификация лексики во франкоязычном литературоведческом дискурсе // Иноязычное образование в современных реалиях: проблемы и векторы развития. Мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. – Казань: КГЭУ, 2026. – С. 365-368.
6. Griffiths P. An Introduction to English Semantics and Pragmatics. – Edinburgh: University press, 2006. – 171 p.

© Агеева А.В., Диярова К.И., 2026

УДК 1:81'42

Камалов Р.И.

канд. филол. наук, доцент УУНУТ
г. Уфа, Россия

КАТЕГОРИЯ ПРОСТРАНСТВА: ОТ ФИЛОСОФИИ К ЛИНГВИСТИКЕ

В данной работе анализируется представление о пространстве с точки зрения философии и лингвистики. Исследуются субстанциальная и реляционная модели понимания пространственных категорий, а также рассматриваются актуальные подходы в современной философской мысли. Обосновывается, что пространственные отношения не ограничиваются физико-географическими характеристиками, а включают аспекты человеческого восприятия, вербализации и ментального конструирования. В лингвистическом контексте пространство трактуется как фундаментальная когнитивная категория. В завершение исследуется влияние цифровой среды и виртуальных миров на трансформацию традиционной пространственной логики и естественного языка.

Ключевые слова: пространство, когнитивная лингвистика, языковая картина мира, пространственные предлоги, восприятие реальности, реляционный подход, субстанциальная концепция

Осмысление категории пространства в лингвистике невозможно вне философского контекста, поскольку именно философия задаёт её онтологический статус. В современном научном дискурсе пространство трактуется двояко: с одной стороны, как форма чувственного восприятия и организации опыта, с другой — как универсальный способ существования материи, неотделимый от времени. Такая двойственность отражает длительную историю формирования представлений о пространстве [5].

В рамках материалистической традиции пространство рассматривается как фундаментальная характеристика бытия, объективно существующая и не зависящая от человеческого сознания. Оно выступает необходимым условием существования материи, однако не мыслится вне неё. Подобная позиция противопоставляется идеалистическим концепциям, где пространство интерпретируется как продукт сознания или форма субъективного восприятия.

Исторически сложились две базовые философские модели понимания пространства — субстанциальная и реляционная, истоки которых восходят к античной мысли. В рамках субстанциального подхода пространство трактуется как самостоятельная сущность. Данная линия развивалась в трудах античных атомистов, а в Новое время получила завершённое выражение в концепции абсолютного пространства. Ньютон в своём труде «Математические начала натуральной философии» рассматривал пространство в качестве некой самостоятельной сущности, полностью независимой и не связанной с течением процессов природы. Учёный считал пространство «абсолютным», существующим самим по себе, отсюда и произошёл философский термин «абсолютное пространство» [6].

Альтернативный — реляционный — подход исходит из того, что пространство не имеет самостоятельного существования и возникает лишь как система отношений между объектами. Эта идея была сформулирована ещё в античности и получила развитие в философии Нового времени. В рамках данной концепции пространственные характеристики определяются через взаимодействие и соотнесённость материальных тел.

Критика субстанциального понимания пространства усилилась в немецкой классической философии, где подчёркивалась неразрывная связь пространства, времени и движения. В дальнейшем научные открытия начала XX века, в частности развитие неевклидовой геометрии и теории относительности, привели к переосмыслению пространственно-временных представлений: пространство стало рассматриваться как динамическая система, зависящая от физических процессов.

В современной философии пространство определяется как форма организации материального мира, характеризующаяся протяжённостью, структурностью и трёхмерностью. При этом подчёркивается его объективный характер, хотя способы его осмысления и репрезентации зависят от уровня познания. Как указывается в «Логическом словаре-справочнике» Кондакова: «пространство существует реально, вне и независимо от нашего сознания, то есть оно объективно, присуще самим предметам материального мира» [3].

К числу ключевых свойств пространства обычно относят его трёхмерность, наполненность объектами и возможность описания через категории открытости и замкнутости. Вместе с тем в новейших исследованиях добавляются такие характеристики, как многомерность (в контексте физики и математики) и когнитивная конструируемость (в гуманитарных науках).

Переход к лингвистическому осмыслению категории пространства связан с признанием языка как средства моделирования реальности. Пространственные отношения занимают центральное место в языковой картине мира, поскольку именно через них структурируется человеческий опыт. В XX веке пространство становится объектом системного изучения в различных направлениях языкознания — от семантики до теории текста и когнитивной лингвистики.

Одним из первых шагов к анализу пространства в языке стало развитие логико-философского подхода, в рамках которого язык рассматривался как формальная система, способная репрезентировать структуру мира. В дальнейшем внимание исследователей сместилось к внутренним механизмам языковой репрезентации, включая роль грамматики, лексики и контекста.

Существенную роль в формировании научных представлений о языковом пространстве сыграли исследования в области сравнительного языкознания. Именно в их рамках было обосновано положение о том, что различные языковые системы по-разному организуют и интерпретируют действительность, создавая уникальные модели пространственного восприятия мира. Данное наблюдение стало методологической основой для последующего развития таких направлений, как теория перевода, межкультурная коммуникация и лингвокультурология.

В современной лингвистической науке пространство рассматривается как многослойное явление, включающее несколько взаимосвязанных уровней. Так, Е.Е. Яковлева выделяет следующие понятия пространства: «объективное», «воспринимаемое» и «языковое». «Объективное пространство — пространство окружающего человека мира. Воспринимаемое пространство — субъективные представления человека об объективном пространстве. Языковое пространство — относительное отражение знаний о пространстве в естественном языке». [7, 11]. Подобное

разграничение позволяет учитывать как универсальные закономерности, так и культурно обусловленные особенности пространственной концептуализации.

С позиций лингвистики текста репрезентация пространства интерпретируется как специфический тип дискурсивной организации. Пространственное описание, как правило, имеет внутреннюю структуру: начальный фрагмент задаёт параметры описываемой области, тогда как последующая часть направлена на её развёрнутое представление. Следует отметить, что языковая репрезентация пространственных отношений характеризуется значительным разнообразием используемых средств. В частности, к ним относятся как служебные элементы (например, предлоги), так и развернутые синтаксические конструкции, а также метафорические модели. Представляется очевидным, что указанные средства обеспечивают возможность точной и дифференцированной передачи пространственных характеристик.

Так, пространственные отношения выражаются на всех уровнях языка:

1. на лексическом уровне пространство может быть представлено существительными (город, село, поле), наречиями (наверху, вблизи, вдали), глаголами движения (идти, плыть, бежать, путешествовать, лететь, входить).
2. на морфологическом уровне – падежными системами (предложный падеж), которые указывают на нахождение внутри, на поверхности чего-нибудь или движение к цели.
3. на синтаксическом уровне – предложно-падежные конструкции, выступающие в функции обстоятельств места.

Особое внимание уделяется пространственным предлогам. Предлоги «в» и «на» в русском языке не просто указывают на координаты, они описывают тип контакта. «В столе» — включенность в объем, «на столе» — опора на поверхность. Однако язык часто метафоричен: мы говорим «на вокзале», но «в аэропорту», хотя физическая суть объектов схожа. Здесь вступают в силу исторические и концептуальные традиции.

Как известно, в рамках когнитивного подхода пространство рассматривается в качестве ментальной категории, формируемой в процессе познавательной деятельности человека. При этом, по мнению ряда исследователей, к числу базовых концептов, посредством которых осуществляется структурирование действительности, относятся «объект» и «место». Следует подчеркнуть, что данные концепты находят системное отражение в языке, проявляясь в лексико-грамматических средствах и определяя способы концептуализации пространственных отношений.

Вместе с тем необходимо указать на то, что современный этап развития научного знания характеризуется усилением междисциплинарных исследований, интегрирующих достижения лингвистики, психологии,

нейронаук и цифровых технологий. Особое внимание, как представляется, уделяется трансформациям пространственного восприятия в условиях цифровой среды. Так, виртуальные пространства, пользовательские интерфейсы и навигационные системы формируют новые модели ориентации, что, в свою очередь, оказывает влияние на языковые способы описания пространства.

Кроме того, с позиций дискурсивного анализа пространство интерпретируется не только как отражаемая, но и как конструируемая категория. Следует подчеркнуть, что языковые практики выступают инструментом формирования представлений о границах, центрах и периферии, что находит выражение в различных типах дискурса, включая политический, культурный и медийный.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод о том, что категория пространства обладает универсальным и многоплановым характером. С одной стороны, в философском контексте она соотносится с фундаментальными характеристиками бытия, с другой — в лингвистике выступает средством репрезентации и интерпретации нашей действительности.

В заключение следует отметить, что современные исследования свидетельствуют о том, что пространство не ограничивается исключительно физическим измерением, а формируется в процессе взаимодействия субъекта с окружающей средой и опосредуется языком, культурой и когнитивными механизмами.

Список литературы

1. Аюпова С. Б. Категории пространства и времени в языковой художественной картине мира (на материале художественной прозы И. С. Тургенева: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Аюпова Светлана Будимировна. – М., 2012. – 668 с.
2. Камалов Р. И. Пространственная модель «внутреннее-внешнее» в языковой структуре художественных текстов и их переводов (на материале произведений Н. Готорна): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Камалов Ренат Ильгизович. – Уфа, 2013. – 170 с.
3. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 717 с.
4. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
5. Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М.: Мысль, 2010. – Т. 3
6. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. Перевод с латинского и примечания А. Н. Крылова. – М.: Наука, 1989. – 688 с.

7. Яковлева Е. Е. Выражение категории пространства в современном русском языке: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Яковлева Елена Евгеньевна. – Тамбов, 2003. – 204 с.

© Камалов Р.И., 2026

УДК 81'36

Лю Гэнцзюнь

аспирант Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина,
г. Москва, Россия

ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВИДОВЫХ ПАР РУССКОГО ГЛАГОЛА: КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ПРОФИЛИРОВАНИЯ СОБЫТИЙНЫХ ГРАНИЦ

В статье с когнитивных позиций обосновывается градуальный характер категории видовой парности. Выдвигается гипотеза о том, что распределение корреляций по шкале прототипичности определяется сложностью ментальной операции по профилированию границ события. Центр категории образуют регулярные суффиксальные пары; различные отклонения от идеализированной модели смещаются к периферии пропорционально возрастанию когнитивной нагрузки.

Ключевые слова: *видовая пара, прототип, идеализированная когнитивная модель, профилирование, граница события, когнитивная обработка.*

Вопрос о том, какие глаголы следует считать видовой парой, а какие нет, сопровождает русскую аспектологию на протяжении всей истории её существования. На первый взгляд, задача кажется тривиальной: видовая пара – это два глагола, которые обозначают одно и то же действие, но различаются значением вида – один представляет действие в его целостности и завершённости (совершенный вид, СВ), другой – в его течении или повторяемости (несовершенный вид, НСВ). Однако попытка применить это интуитивно ясное определение к реальному языковому материалу немедленно порождает лавину вопросов.

Почему «делать – сделать» – это бесспорная видовая пара, а «писать – написать» уже вызывает споры? Можно ли считать видовой парой «есть – съесть», если «съесть» явно добавляет к значению есть идею полноты охвата объекта? Как быть с глаголами «говорить – сказать», у которых нет никакой формальной общности, но которые любой носитель языка без колебаний назовёт видовой парой? И что делать с так называемыми видовыми тройками типа «читать – прочитать – прочитывать», где одному глаголу СВ соответствуют сразу два глагола НСВ?

Традиционная аспектология, вооружённая структурно-семантическим методом, пыталась решить эти проблемы путём выделения чистых и нечистых видовых пар, введения понятия семантического инварианта и жёстких критериев тождества лексического значения. Однако ни одна из предложенных классификаций не смогла охватить всего многообразия языковых фактов.

Когнитивная лингвистика предлагает сменить оптику. Вместо того чтобы спрашивать каковы необходимые и достаточные условия принадлежности к категории видовой пара? она задаёт другой вопрос: как устроена эта категория в сознании носителя языка и какие ментальные механизмы обеспечивают её функционирование? Ответ на этот вопрос, как мы постараемся показать, лежит в отказе от классической, «аристотелевской» модели категоризации с её жёсткими границами и равным статусом членов и переходе к прототипической модели, предполагающей наличие центра и периферии, а также градуальных переходов между ними [1, 98].

Чтобы понять, как работает механизм вида в русском языке, нужно ответить на фундаментальный вопрос: что именно делает говорящий, когда выбирает между СВ и НСВ? Какую когнитивную операцию он совершает?

Ответ, который даёт когнитивная лингвистика, звучит так: говорящий профилирует (выделяет, делает когнитивно выпуклой) либо границу события, либо его внутреннюю структуру (процесс). Этот механизм базируется на фундаментальной концептуальной метафоре, впервые детально описанной Л. Яндой: «ситуация – это материальная сущность». В рамках этой метафоры:

СВ концептуализирует ситуацию как дискретный твёрдый объект. У такого объекта есть чёткие границы, он обладает целостной формой и может быть схвачен взглядом целиком. Когда мы говорим Он написал письмо, мы представляем действие как законченный, упакованный в границы начала и конца объект, который теперь существует как свершившийся факт.

НСВ концептуализирует ситуацию как текучее вещество. У вещества нет собственных чётких границ, оно не имеет фиксированной формы и может быть разлито во времени. Когда мы говорим Он писал письмо, мы представляем действие как процесс, погружаемся внутрь него, не фиксируя его начальную и конечную точки [2, 475].

Таким образом, выбор вида – это не просто грамматическая формальность. Это выбор способа видения ситуации. И центральным параметром этого выбора является наличие или отсутствие профилирования границ.

Языковое значение конституируется не только концептуальным содержанием, но и способом конструирования этого содержания,

важнейшим аспектом которого является выделение, высвечивание определённого компонента ситуации на фоне остальных. Применительно к русскому виду, профилирование границы означает, что в фокусе внимания говорящего и слушающего оказывается именно предел действия – момент его завершения (или, реже, начала). При отсутствии профилирования границы в фокусе оказывается сам процесс, его протяжённость во времени.

Эта операция может быть простой или сложной. Потому что язык предоставляет разные инструменты для её выполнения. И, как мы увидим далее, когнитивная цена использования каждого из этих инструментов напрямую влияет на то, насколько хорошим, прототипическим представителем категории видовой пары будет считаться полученная корреляция.

Понятие идеализированной когнитивной модели (ИКМ), разработанное Дж. Лакоффом, подразумевает, что наши знания о мире организованы в виде гештальтов – сложных структурированных целых, которые могут в разной степени соответствовать реальным ситуациям [3, 68]. ИКМ – это не точный слепок с действительности, а её упрощённое, схематизированное отображение, основанное на регулярном, повторяющемся опыте. Именно этот идеализированный характер модели позволяет объяснить, почему реальные языковые факты часто отклоняются от неё, не разрушая при этом саму категорию.

Прототипическая ИКМ видовой пары формируется на основе наиболее частотного и когнитивно прозрачного опыта носителя языка. Она конституируется простым и однозначным когнитивным сценарием, обеспечивающим быстрое и безошибочное распознавание видовой корреляции. Этот сценарий включает следующие взаимосвязанные аспекты:

Однозначное соответствие ментальных пространств: Глаголы СВ и НСВ активируют одно и то же ментальное пространство, репрезентирующее конкретную ситуацию. Различие касается исключительно способа представления этой ситуации: как целостного, ограниченного объекта (СВ) или как неограниченного процесса (НСВ).

Регулярный и продуктивный механизм переключения: Формальная связь между глаголами осуществляется с помощью высокопродуктивной и семантически прозрачной операции – суффиксальной имперфективации. Этот механизм усваивается как универсальное правило преобразования дискретного объекта в текущий процесс. Суффиксы «-ыва- / -ива-», «-ва-», «-а-» являются специализированными операторами этого преобразования.

Минимальные когнитивные усилия при обработке: Для идентификации членов такой пары как видовых коррелятов носителю языка не требуется привлекать дополнительные контекстуальные знания или сложные инференции. Связь между ними является непосредственной, автоматической и не зависит от конкретного лексического наполнения.

Этим условиям в максимальной степени удовлетворяют регулярные суффиксальные пары типа «переписать – переписывать», «решить – решать», «укрепить – укреплять», «дать – давать». Именно они представляют собой прототипический центр категории видовой пары.

Отступления от прототипической ИКМ ведут к увеличению когнитивной сложности обработки и, как следствие, к смещению конкретной корреляции на периферию категории. Рассмотрим несколько типов периферийных явлений через призму вовлекаемых когнитивных механизмов.

Классическим примером здесь является пара «писать – написать». Формально связь регулярна и даже продуктивна. Однако приставка «на-», в отличие от суффикса имперфективации, не является семантически пустой. Её прототипическое пространственное значение – «направление на поверхность, накопление на поверхности» – метафорически переосмыслено здесь как указание на результат, накопленный на «поверхности» времени или объекта. Таким образом, для осознания написать как видовой пары к писать, носителю языка необходимо подавить пространственную метафору и активировать метонимическую связь «действие – результат действия». Эта необходимость выбора между конкурирующими когнитивными моделями и делает такую пару менее прототипичной, относя её к ближней периферии.

Более того, её статус может колебаться в зависимости от контекста. В одних контекстах связь «действие – результат» актуализируется, и глаголы функционируют как видовая пара (*Он писал письмо и наконец написал его*). В других контекстах пространственная метафора выходит на первый план, и написать воспринимается как самостоятельная лексема с собственным лексическим значением (*написать картину*). Эта контекстная зависимость и мерцание семантики являются прямым следствием когнитивной неоднозначности.

Такие как «читать – прочитав – прочитывать», представляют собой ещё более сложный случай. Здесь мы имеем дело не с парой, а с сетью отношений. Глаголы «читать» и «прочитав» образуют два исходных ментальных пространства. Первое представляет неограниченный процесс, второе – его целостное, завершённое воплощение. В результате их интеграции в смешанном пространстве возникает новое, эмерджентное значение – идея кванта длительного процесса. Он может быть завершён и возобновлён. Это не просто процесс или единичный факт, а сложная структура. Она сочетает черты обоих исходных пространств.

Именно это эмерджентное значение нуждается в формальном выражении. И это приводит к появлению вторичного имперфектива прочитывать. Этот глагол не просто дублирует исходный НСВ «читать», а профилирует итеративность. Она состоит из отдельных завершённых актов, каждый из которых подобен прочитав. Когнитивная сложность

такого «трёхчастного» представления ситуации. Это требует построения и оперирования смешанным ментальным пространством, и объясняет, почему видовые кластеры находятся на дальней периферии категории видовой парности.

Супплетивные пары (брать – взять, говорить – сказать, класть – положить) представляют собой крайнюю периферию. Связь между членами пары устанавливается исключительно на семантическом уровне. Можно сказать, что связь между этими лексемами устанавливается не через активацию общего грамматического пути, а за счёт сильной прямой ассоциативной связи. Такая связь сформируется исключительно высокой частотностью их совместного употребления в речи. Она является уникальной для каждой такой пары и требует отдельных когнитивных усилий по запоминанию. И это делает их наименее прототипичными представителями категории. Отсутствие формальной мотивированности делает эти пары когнитивно непрозрачными, что затрудняет их усвоение и автоматическую обработку.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что градуальная природа видовой парности в русском языке представляет собой прямое отражение когнитивных механизмов обработки аспектуальной информации. Степень прототипичности видовой корреляции прямо пропорциональна когнитивной простоте установления связи между её членами. Прототипический центр формируют суффиксальные пары, связь в которых осуществляется автоматически, на основе регулярного грамматического правила, и не требует привлечения дополнительных ментальных операций.

Периферийные же случаи (префиксальные пары с семантическими приращениями, видовые кластеры, супплетивизм) характеризуются вовлечением более сложных когнитивных процедур: необходимостью выбора между конкурирующими концептуальными метафорами и метонимиями, построением и обработкой смешанных ментальных пространств в процессе концептуальной интеграции, а также опорой на уникальные, лексически специфичные ассоциативные связи. Эта дополнительная когнитивная сложность и является причиной их неидеальности, нестабильности и маргинального положения в структуре категории.

Список литературы

1. Ван Инь. Когнитивная лингвистика. – Шанхай: Шанхайское издательство обучения иностранным языкам, 2007. – 683 с.
2. Janda L.A. A metaphor in search of a source domain: The categories of Slavic aspect // *Cognitive Linguistics*. – 2004. – Vol. 15, № 4. – P. 471-527.
3. Lakoff. G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. – Chicago: The University of Chicago Press, 1987. – 373 p.

© Лю Гэнцзюнь, 2026

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ УСТУПИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: КОГНИТИВНЫЙ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

*В статье рассматриваются средства выражения уступительных отношений в современном немецком языке в когнитивном и историко-этимологическом аспектах. Показано, что такие единицы, как *obwohl*, *obgleich*, *obschon*, *obzwar* и *trotzdem*, не являются полностью взаимозаменяемыми: они различаются по способу синтаксической организации, профилированию причины и распределению информационного фокуса. На основе этимологических данных и когнитивного анализа уточняется внутренняя мотивировка рассматриваемых средств и объясняется их функциональная неоднородность.*

Ключевые слова: *немецкий язык, уступительность, когнитивная лингвистика, когнитивная модель, союз, дискурс.*

Уступительные конструкции традиционно рассматриваются как языковое выражение когнитивной схемы «нарушенного ожидания», при которой предполагаемый результат не реализуется, несмотря на наличие условий для его осуществления. В рамках когнитивной лингвистики данная схема интерпретируется как взаимодействие конкурирующих сил: причина формирует ожидание определённого исхода, однако фактический результат вступает с ним в противоречие [2].

В немецком языке уступительные отношения выражаются рядом союзов и коннекторов, среди которых наиболее частотными являются *obwohl*, *obgleich*, *obschon*, *obzwar* и *trotzdem* [5]. В традиционных описаниях они, как правило, рассматриваются как функционально близкие или взаимозаменяемые единицы, различающиеся преимущественно по стилистическим или синтаксическим параметрам. Однако подобный подход не позволяет объяснить ряд наблюдаемых фактов, в частности ограниченную взаимозаменяемость данных средств, их различное поведение в дискурсе, а также типичные ошибки употребления [1].

Цель статьи состоит в том, чтобы показать, что немецкие уступительные средства реализуют не одну, а несколько когнитивных моделей, различающихся степенью синтаксической интеграции, способом профилирования причины и характером связи между причиной и результатом.

В когнитивной лингвистике уступительные отношения интерпретируются как частный случай более общей концептуальной схемы «нарушенного ожидания». Данная схема предполагает наличие причинного основания, которое в типичном сценарии должно приводить к определённому результату, однако в конкретной ситуации этот результат не реализуется [2]. С точки зрения теории силовой динамики, предложенной Л. Талми, подобные ситуации могут быть описаны как взаимодействие двух сил: иницирующей (причины), задающей направление развития ситуации, и противодействующей, приводящей к иному исходу [7].

Для описания немецких уступительных средств важно различать два типа реализации уступки. Первый тип – синтаксически интегрированный: причина и результат оформляются внутри одного сложного предложения. Второй тип – дискурсивный: уступительное значение создаётся на уровне связи между двумя самостоятельными высказываниями. Эти модели различаются не только формально, но и когнитивно: в первом случае говорящий конструирует единую ментальную сцену, во втором – связывает отдельные фрагменты дискурса. [3].

Когнитивный анализ уступительных союзов позволяет выявить, что они реализуют различные способы концептуализации отношения между причиной и результатом в рамках общей схемы «нарушенного ожидания». Различия проявляются в степени интеграции причины, характере её интерпретации и распределении фокуса внимания в высказывании.

Союз *obwohl* является наиболее нейтральным и частотным средством выражения уступительных отношений в немецком языке [5]. Союз образован в XVII веке путём сращения союза *ob* («ли») с наречием *wol* (совр. *wohl* - «вероятно», «по-видимому»), в XVI веке существовали отдельные варианты *obwoln*, *ob wol*, а в XV веке – *ob(e) ... wol(e)* [6]. Исходная семантика конструкции, по-видимому, носила гипотетически-допустительный характер и была близка к значению «даже если», которая затем трансформировалась в уступительную: допускаемое условие стало противопоставляться фактическому результату. Когнитивная специфика *obwohl* заключается в том, что причина интегрируется в структуру сложного предложения и представляется как объективно заданный факт. Говорящий одновременно вербализует основание и фиксирует несоответствие между ожидаемым и фактическим исходом. Уступительное отношение при этом не выносится в отдельный дискурсивный блок, а остаётся встроенным в синтаксическую конструкцию.

Союзы *obgleich* и *obschon* образованы в XVI веке от сочетаний *ob* с компонентами *gleich* («равно», «одинаково») и *schon* («уже»). До XVIII века наряду со слитным написанием употреблялись отдельные варианты *ob gleich* и *ob schon*, а также конструкции с разрывом *ob ... gleich*, *ob ... schon* [6]. Исходная семантика данных союзов связана с идеей сопоставления, равенства или тождества ситуации («пусть даже одинаково,

что...») и допущения уже существующего положения вещей («хотя уже...») соответственно. В дальнейшем эта модель была переосмыслена как уступительная: независимо от наличия основания результат оказывается иным. В современном языке союзы сохраняют книжный и несколько архаизованный оттенок, поэтому чаще используются в письменной и аргументативной речи. С когнитивной точки зрения отличие *obgleich* и *obschon* от *obwohl* состоит в большей степени абстракции причины. Если *obwohl* чаще вводит непосредственно наблюдаемое обстоятельство, то *obgleich* и *obschon* склонны кодировать основание как логически осмысленный аргумент. Причина в подобных конструкциях интерпретируется не столько как конкретное обстоятельство, сколько как логическое основание или аргумент, допускающий возможное возражение. Это создаёт эффект дистанции между фактом и его интерпретацией, что и обуславливает книжный характер данных союзов.

Союз *obzwar* в современном немецком языке практически не функционирует, что подтверждается его отсутствием в актуальных корпусных и медиатекстах. Однако его анализ позволяет реконструировать ранее существовавшую когнитивную модель уступки. Этимологически *obzwar* содержит компонент *zwar*, который восходит к средневерхненемецкому *ze wære* («к истине», «действительно») [6], что указывает на исходное совмещение собственно уступки с подтверждением реальности допускаемого положения дел. Соответственно, исходная модель может быть описана как признание истинности некоторого факта, который тем не менее не отменяет основного вывода: говорящий сначала фиксирует факт как несомненный, после чего противопоставляет ему неожиданный результат. В современной языковой системе данная модель утратила продуктивность и была вытеснена другими средствами, прежде всего конструкциями с *zwar ... aber*.

Союзное наречие *trotzdem* [5] принципиально отличается от рассмотренных выше как с синтаксической, так и с когнитивной точки зрения, так как функционирует на уровне дискурса, связывая два самостоятельных высказывания. Также *trotzdem* имеет принципиально иное происхождение: он развивается из предложной конструкции *trotz dem, daß* («вопреки этому»), связанной с существительным *Trotz* («сопротивление», «упрямство») и глаголом *trotzen* («сопротивляться») [6]. В дальнейшем в течение XIX века сочетание грамматикализовалось сначала в наречие *trotzdem*, а затем начинает использоваться и как союз, сохранив исходную семантику сопротивления. Это определяет его современную функцию: акцент не на причине как таковой, а на результате, реализующемся вопреки ей. Причина при этом задаётся в предшествующем контексте и не включается в синтаксическую структуру последующего высказывания. Именно поэтому *trotzdem* следует рассматривать как дискурсивный коннектор [4]. Аргументом в пользу

дискурсивного статуса является компонент *-dem*, который связывает текущее высказывание с предшествующим контекстом анафорически: сначала вводится основание, затем – результат, который противоречит ожидаемому сценарию. Тем самым уступительность реализуется не как грамматическая подчинённость, а как текстовая связь.

Особое значение для понимания системы уступительных союзов немецкого языка имеет сопоставление *obwohl* и *trotzdem*, поскольку именно они наиболее часто воспринимаются как взаимозаменяемые. Однако проведённый анализ показывает, что данные единицы реализуют принципиально различные когнитивные модели уступки. Союз *obwohl* функционирует в рамках синтаксически интегрированной конструкции, в которой причина и результат образуют единое высказывание. Причина вводится как часть структуры предложения и интерпретируется как объективно заданное основание, на фоне которого фиксируется неожиданный результат. Таким образом, уступительное отношение формируется внутри одной ментальной сцены, где причинно-следственная связь сохраняет целостность. Напротив, *trotzdem* реализует дискурсивную модель уступки. Причина выражается в предшествующем высказывании и не включается в синтаксическую структуру последующего. Сам коннектор маркирует переход к результату, который интерпретируется как противоречащий ранее заданному ожиданию. В этом случае уступительное отношение возникает между двумя самостоятельными ментальными сценами. Данное различие может быть представлено следующим образом: *obwohl* организует высказывание по принципу «причина – неожиданный результат» в рамках единой структуры, тогда как *trotzdem* реализует последовательную модель «ожидание – нарушение ожидания», где основной акцент переносится на результат.

Проведённый анализ показывает, что немецкие уступительные средства нельзя сводить к простому набору синонимов. *Obwohl*, *obgleich*, *obschon* и *obzwar* представляют разные варианты синтаксически интегрированной уступки, тогда как *trotzdem* реализует дискурсивную модель. Их различия определяются не только стилистикой, но и когнитивной организацией смысла, в частности способом указания причины и распределением фокуса внимания. Этимологические данные подтверждают, что современная функциональная неоднородность этих единиц связана с их историческим происхождением. Для союзов *obwohl*, *obgleich*, *obschon* и *obzwar* исходная семантика допущения, сопоставления или подтверждения была переосмыслена в уступительном направлении, в то время как у *trotzdem* сохраняется идея противодействия и преодоления препятствия. Таким образом, когнитивный и этимологический анализ позволяют более точно описать систему немецких уступительных коннекторов как совокупность разнородных, но семантически связанных средств.

Список литературы

1. Зуева, Е. В. Прецедентный характер уступительных коннекторов в немецком языке / Е. В. Зуева // Вестник НГЛУ. 2018. № 42. С. 45-58.
2. Кибрик, А. А. Очерки по когнитивной лингвистике / А. А. Кибрик. М.: Языки славянских культур, 2021. 256 с.
3. Плунгян, В. А. Введение в грамматическую семантику / В. А. Плунгян. М.: Наука, 2022. 208 с.
4. Breindl, E. Konzessivität und konzessive Konnektoren im Deutschen / E. Breindl // Deutsche Sprache. 2004. 32 (1). S. 2-31.
5. Duden: Die Grammatik: unentbehrlich für richtiges Deutsch 8., überarb. Aufl. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2009. 1343 S.
6. Pfeifer, W. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / W. Pfeifer. 8. Aufl. München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1997. 1696 S.
7. Talmy, L. Force dynamics in language and cognition / L. Talmy // Cognitive Science. 1988. Vol. 12, No. 1. P. 49-100.

© Павлова О.Ю., 2026

УДК 81'42

Пургин Е.А.
аспирант УУНУТ
г. Уфа, Россия

РЕДУПЛИКАЦИЯ И РЕКУРСИИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В МЕТАПОВЕСТВОВАНИИ

Данная статья рассматривает феномен метаповествования в литературных текстах на примере работ Алана Мура. Метаповествование – это важный тип повествования, встречающийся во всех видах литературного искусства. Изучение метанарратива необходимо для понимания постмодернистской культуры, частью которой является нынешняя художественная литература. Актуальность и уникальность настоящей статьи состоит в том, что метаповествованию уделено мало внимания в немногочисленных исследованиях, посвященных этой теме. В качестве материалов исследования изучались работы Алана Мура, который считается одним из писателей, оказавших огромное влияние на жанр комиксов. Основой исследования послужил анализ работ автора, которые являются наиболее явными примерами использования метаповествования в графических романах, а также сопоставление их переводов на русский язык. Внимание уделяется редупликации и рекурсии, как приёмам, помогающим достичь необходимого эффекта в графическом романе. Значимость работы состоит в изучении редупликации и рекурсии в

рамках метапоевествования в художественных текстах. Основные выводы могут быть использованы в практических курсах по изучению оригинальных художественных текстов и их переводов.

Ключевые слова: метанарратив, метаповествование, Алан Мур, комикс, рекурсия, редупликация.

Метаповествование является одним из способов рассказа в художественном тексте. Существует достаточное количество метанарративных произведений, но лишь единичные тексты содержат качественное раскрытие темы и захватывающий сюжет. Главная проблема состоит в том, что метанарратив включает в себя комментирование общих идей и развитие определённого жанра, а также его деконструкцию. Метаповествование – важная часть постмодернизма, несмотря на то, что его начало обнаруживается ещё в культуре модерна. «Дон Кихот» Мигеля де Сервантеса иногда считается не только первым романом европейской традиции, но и ранним примером модернистской литературы, в котором содержится метаповествование, раскрывающееся посредством пародии на рыцарские романы того времени. Олицетворением метаповествования является одноимённый герой Сервантеса – Дон Кихот.

Чтобы разобраться, как функционируют метанарративные произведения, следует проанализировать приёмы, которые активно задействованы в подобных работах. Двумя часто используемыми инструментами в арсенале автора выступают редупликация и рекурсия. Эти приёмы наиболее ярко характеризуют тот тип повествования, в котором содержатся комментарии о самом тексте. Редупликация и рекурсия помогают раскрыть метаповествовательные мотивы, содержащиеся в графическом романе [2].

Редупликация представляет собой повторение элементов сюжета, призванное конструировать метанарратив за счёт параллелизма художественных образов. Сам термин восходит к области лингвистики и описывает феномен удвоения части слов или целого слова, встречающегося в ряде языков. Например: слово *bestest*, используемое в молодёжном слэнге английского языка и обозначающее "самый лучший" (юмористический или эмоциональный окрас). Стоит заметить, что часто в художественных текстах редупликация выражена повтором целых предложений и таким образом отзеркаливает конкретный образ или событие [1, 76-78].

Рекурсия также связана с повторением сюжетных элементов, однако они могут быть задействованы на разных уровнях художественного текста. Она может работать как на уровне метатекста, так и на уровне сюжета. Метатекстовая рекурсия заключается в обращении автора к созданию собственного текста. Сюжетная же рекурсия обыгрывает фабульную составляющую произведения внутри самого текста, раскрывая заложенные

автором, но неприметные для читателя, детали повествования. В этом плане она может быть тождественна редупликации, но ею не является [3]. Главное отличие редупликации и сюжетной рекурсии – это природа повторения текста. Редупликация требует как можно более точного дублирования слов и образов, в то время как рекурсия – это результат схождения частей текста на смысловом уровне. В последующих параграфах приводятся примеры, которые наиболее явно иллюстрируют суть данных художественных приёмов в работах Алана Мура.

В визуальных, графических текстах эти приёмы передаются посредством визуальных средств. В истории живописи достаточно художников, которые таким креативным образом писали свои автопортреты. Самым известным примером является «Портрет четы Арнольфини» Яна ван Эйка. Важнейшая деталь картины – зеркало, благодаря которому достигается эффект рекурсии: присмотревшись, можно увидеть не только чету Арнольфини, но и всю комнату с другими людьми. Этот шедевр эпохи Возрождения демонстрирует, что зеркальное отражение – отличный способ передать рекурсию в статичной обстановке [5, 332].

Как видим, рекурсия требует использования зеркала, и для достижения визуальной редупликации зеркало также представляется наиболее подходящим предметом. В «Тройном автопортрете», написанном Норманом Роквеллом, в том числе используется отражение момента работы над картиной. В данном случае повторяется лицо художника, которое видно с разных ракурсов. Вышеописанные примеры дают представление, как рекурсия и редупликация могут быть использованы в графических романах.

Метаповествовательный элемент произведений Алана Мура заключается в комментировании состояния индустрии комиксов. Как и вышеупомянутый Мигель де Сервантес, Мур занимается деконструкцией конкретного типа историй. Именно в этом направлении работает его графический роман «Хранители», который становится неким манифестом о возможности существования супергероя в контексте реальной действительности. Этот комментарий и заложен в глубоком контексте событий и образов, поэтому внимания заслуживает та его часть, которая в том числе раскрывает контекст, в котором происходят сюжетные события.

Важное различие между вымышленным миром комикса и современной действительностью проявляется в наличии костюмированных героев, для которых развлечением считаются истории, которые также отвлекают от мировых проблем. Таким образом, «История чёрной шхуны» – комикс внутри графического романа – даёт необходимый контекст, который не только служит описанием установленной культуры, но и передаёт внутреннее состояние одного из главных персонажей, который повторяет слова из пиратского комикса, что можно отнести к приёму

редупликации в работе Алана Мура. Сравним цитаты из комикса и графического романа: "East, borne on the naked backs of murdered men." – "... I've struggled across the backs of murdered innocents..." В русском переводе сохраняется данный образ: "На восток, попирая ногами обнажённые тела мертвецов" – "... Я знаю, что попираю ногами трупы невинных жертв..." Кроме этого, таким образом автор использует рекурсию, которая усиливает фундаментальную связь между произведением и вымышленным комиксом, которые вместе образуют метатекстуальный слой текста «Хранителей» [4, 188-191].

Если этот пример можно считать частичной редупликацией в связи с неполным повторением фразы, то на страницах этого же текста Алана Мура встречается и другой вариант редупликации, которая в большей степени подходит необходимым критериям. Следующая фраза повторяется один в один персонажами романа и комикса внутри него: "Gradually, I understood what innocent intent has brought me to, and, understanding, waded out beyond my depth." – "Шаг за шагом я осознавал, куда завели меня благие намерения, и каждый шаг увлекал меня глубже в бездну". Как было упомянуто ранее, подобным приёмом автор дорисовывает портрет одного из героев сюжета. В итоге, следует подчеркнуть, что рекурсия в творчестве Алана Мура играет весьма важную роль.

Таким образом, редупликация и рекурсия служат фундаментальными приёмами, с помощью которых автор выстраивает метаповествование. Будучи составной частью постмодернистской традиции, метанарратив оказывается необходимым инструментом для описания культуры, частью которой является автор художественного текста.

Список литературы

1. Морозкина Е.А. Целостность переводческого преобразования художественного текста: монография / Е. А. Морозкина, А. Р. Габдуллина; М-во науки и высш. образования РФ, Уфим. ун-т науки и технологий – Уфа: РИЦ УУНТ, 2024. – 161 с.

2. Морозкина Е.А., Насипов И.С. Актуализация когнитивной стратегии автора в оригинале и переводе художественного текста // Мир науки, культуры, образования. – 2024, №6. – С. 490-493.

3. Морозкина Е.А., Исхакова Э.В., Янгирова Г.В. Актуализация рекурсии как вида языковой аномалии при переводе художественного текста (на материале оригинала и перевода романа Дж. Барнса «Попугай Флобера») // Филология: научные исследования. – 2025. – №10. – С. 159-164.

4. Муравьева Л.Е. Нарративная редупликация как фигура авторефлексии литературного дискурса: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2017. – 233 с.

5. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. Вступительная статья Н.С. Автономовой. – СПб., А-сэд, 1994. – 407 с.

© Пургин Е.А., 2026

УДК 81'25

Сафина З.М.

канд. филол. наук, доцент, УУНУТ

г. Уфа, Россия

Зираншина К.Ф.

г., Уфа, Россия

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «КРАСОТА» В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Настоящая статья посвящена анализу концепта «красота» и его языковой репрезентации в русском и китайском языках. Данная лингвокультурная категория вербализуется посредством системы лексем, каждая из которых акцентирует различные смысловые аспекты понятия. Сопоставительный анализ позволяет выявить общие черты и различия в его восприятии носителями двух лингвокультур. Результаты исследования показывают, что совокупность лексических единиц со значением «красота» в китайском и русском языках является отражением культурных ценностей и национальных картин мира.

Ключевые слова: *концепт «красота», когнитивная лингвистика, языковая картина мира, лингвокультура, китайский язык, русский язык.*

Когнитивная лингвистика как одно из ведущих направлений современного языкознания сформировалась в конце 1960-х годов, предложив принципиально новый взгляд на природу языка и его роль в познавательной деятельности человека. Ее возникновение связано с именами Дж. Лакоффа, Р. Лангера, Л. Талми, Ч. Филлмора и других исследователей. В отечественном языкознании когнитивный подход активно развивался в работах Е.С. Кубряковой, Н.Н. Болдырева, В.И. Карасика, В.А. Масловой, З.Д. Поповой и И.А. Стернина, которые адаптировали западные теории к традициям русской лингвистической школы. Центральным понятием когнитивной лингвистики является «концепт» - термин, пришедший в лингвистику из философии и логики, но получивший в ней новое, специфическое наполнение.

В когнитивной лингвистике языковая картина мира рассматривается как результат организации концептов в более крупное смысловое единство — концептосферу [1, 347]. Такое понимание связано с тем, что сам концепт мыслится не как простая словарная единица, а как форма представления человеческого знания и опыта. Именно в этом ключе Е.С.

Кубрякова определяет концепт как «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека» [2, 245]. Вместе с тем единая и окончательно закреплённая трактовка данного явления в современной лингвистике отсутствует. Причина заключается в многослойности самого феномена и в различии исследовательских перспектив, через которые он осмысливается.

Актуальность настоящего исследования обусловлена недостаточной изученностью лингвокультурного концепта «красота» в русской и китайской языковых картинах мира. Понимание семантических нюансов и контекстуальных особенностей употребления соответствующих лексем переходит «лингвистические границы, захватывая сферу кросс-культурного диалога в передаче идеи автора с одного языка на другой» [3, 546]. Ошибочный выбор лексической единицы способен не только исказить исходный смысл высказывания, но и привести к коммуникативным сбоям, затрудняющим взаимопонимание.

Более того, анализ данных лексем открывает путь к более глубокому постижению китайской философии, эстетики и системы ценностей, поскольку именно в эстетической лексике фиксируются уникальные культурные коды. Изучая то, как китайцы говорят о красоте, мы приближаемся к пониманию их мировосприятия, выстраиваем более осмысленный диалог между культурами и закладываем основу для дальнейших сопоставительных исследований в области лингвокультурологии и переводоведения.

Цель данного исследования – выявить смысловые различия между словами 美 / 美丽 (красивый, хороший), 漂亮 (прекрасный), 好看 (красивый, приятный), 俊 (красивый, выдающийся) в китайском языке и красота, красивый, прекрасный в русском языке, определить их основные значения, контексты употребления и культурные коннотации. Данное понимание различий способствует предотвращению лексических неточностей в переводе и улучшает качество понимания как письменных, так и устных текстов на китайском языке.

Материалом для исследования послужили Толковый словарь Ожегова и Словарь современного китайского языка.

Иностранный источник, онлайн-словарь современного китайского языка предлагает определение лексемы 美/美丽 (красивый, хороший): 好看; 漂亮, 即在形式、比例、布局、风度、颜色或声音上接近完美或理想境界, 使各种感官极为愉悦. Данное слово переводится как «красивый», «хороший», «отличный» в значении внешности, при описании природы или абстрактных понятий [6]. Иероглиф 美 состоит из двух частей: верхняя часть - 羊 (овца или коза), нижняя часть 大 (большой). Форма иероглифа 美

напоминает человека с головным убором в виде овцы или козы. В своё время такой головной убор считался очень красивым.

Например:

美丽的女孩 [5] (прекрасная девушка);

心灵美 [5] (красивая душа);

这里美丽的景色让我们心旷神怡 (Красивые пейзажи здесь заставили нас почувствовать себя спокойно и радостно) [6].

Определение лексемы 漂亮 (*прекрасный*): 好看;美观;鲜明;出色,精彩;喻通情达 - переводится как «красивый», «прекрасный», «хорошо выглядящий» [7]. Данная лексема делает акцент на внешней привлекательности, опрятности, эффектности. Чаще всего его используют, когда речь идет о женщине, девушке. По отношению к мужчине 漂亮 нельзя употреблять, так как это будет означать, что он женоподобный и не мужественный. Также данное слово можно использовать для похвалы и описания неодушевленных предметов. Лексема 漂亮 состоит из двух иероглифов: 漂 означает «элегантный» или «отполированный» и 亮 в значении «светлый» или «яркий».

Например:

你的汉字写得很漂亮 (Ты пишешь иероглифы очень красиво) [5];

她不但漂亮, 而且聪明 (Она не только красива, но и умна) [6].

美丽 обычно обозначает возвышенную, глубокую, гармоничную красоту. Она может описывать как внешность, так и душу, чувства и природу. В отличие от 漂亮, которое акцентирует внешнюю, яркую, эффектную сторону и чаще относится к визуальному впечатлению.

Определение лексемы 好看 (*красивый, приятный*): 美观;看着舒服, также переводится как «красивый», «прекрасный», «приятный», однако не имеет возвышенных коннотаций 美丽 и больше употребляется в повседневной речи [7]. Главное отличие 好看 от 漂亮 и 美丽 заключается в том, что данное слово регулярно используется для оценки книг, фильмов, телепередач и других объектов визуального или зрительского восприятия. 好看 состоит из иероглифов 好 (хороший) и 看 (смотреть).

Например: 你昨天买的衣服的颜色很好看 (Цвет одежды, которую ты вчера купил, очень красивый) [5].

Определение лексемы 俊 (*красивый, выдающийся*): 才智出众的人;容貌美丽 [7]. Данное слово используется для описания мужской красоты, переводится как «умный», «красивый»; «выдающийся», «талантливый». В китайском языке, в отличие от русского, существует четкое разграничение лексем для описания женской и мужской красоты. 俊 является основным прилагательным для мужской красоты, акцентируя не просто внешность, но и ум, талант, благородство.

Например: 那个男演员长得特别俊秀 (Этот актер очень красивый) [5].

Вторым этапом исследования стало рассмотрение русскоязычного концепта «красота».

Согласно Толковому словарю Ожегова, лексема «красота» - все красивое, прекрасное, все то, что доставляет эстетическое и нравственное наслаждение [4]. В русской традиции красота связана с духовностью, часто противопоставляется внешнему, телесному; красота может быть «неземной», «божественной», или, напротив, «демонической», «губительной».

Например: Судьба одарила её красотой.

Для русского языкового сознания показательно разграничение слов «красивый» и «прекрасный», поскольку в этом сопоставлении проявляется двойственная оценка явлений внешнего и внутреннего порядка. Лексема «прекрасный» связана не только с исключительно высокой степенью красоты, но и с представлением о превосходстве, значительности и возвышенном содержании: так обозначают нечто необыкновенно красивое, а также очень хорошее, исполненное высокого смысла [4].

Иное смысловое устройство обнаруживает слово «красивый». Оно соотносится прежде всего с тем, что приятно для зрения благодаря внешней выразительности, стройности и гармонии, то есть характеризует лицо человека, пейзаж или различные предметы — например, когда говорят «красивое лицо» или «красивый пейзаж». Вместе с тем в его семантике присутствует и другой оттенок: речь может идти о чем-то эффектном и привлекающем взгляд, но лишенном глубины содержания [4]. Оно несет этическую и духовную нагрузку, отсутствующую у «красивого»: «прекрасная душа», «прекрасное будущее». Это различие уникально для русского языка и не имеет прямых аналогов в китайском языке.

К близким по смыслу словам можно отнести следующие лексемы: «краса» - традиционно-поэтическое или народно-поэтическое обозначение красоты (во всей красе, краса и гордость науки), «великолепие» - пышная красота, роскошь (великолепие южной природы), «очарование» - чарующая сила, прелесть кого-нибудь или чего-нибудь (поддаться чьему-нибудь очарованию, очарование осеннего леса), «грация» - изящество, красота в движениях (грациозная девушка) [4].

Лексема красота является важнейшей категорией культуры, которая может передавать множество значений - от внешних характеристик до внутренней красоты человека.

Когда переводчик сталкивается с русским словом «красота», в китайском языке ему не соответствует одна столь же широкая единица. Здесь разные стороны эстетической оценки разведены по самостоятельным лексемам: 美/美丽 обозначают возвышенную, гармоничную красоту, 漂亮 — внешнюю, эффектную, 好看 — визуально воспринимаемую, 俊 —

мужскую. Уже на этом уровне обнаруживается несходство не только словарного состава, но и тех языковых картин мира, которые стоят за двумя системами.

Для русского языка характерно иное устройство: одно слово охватывает обширное понятийное поле, тогда как уточнение нужного оттенка переносится в контекст, эпитеты и другие сопутствующие средства. В китайском, напротив, сам концепт расчленен и закреплён рядом специализированных обозначений. Каждый значимый нюанс красоты получает отдельную лексическую форму; за этой лексической распределённостью проступает установка на детализацию и точность эстетической квалификации. На этом фоне различие уже не удерживается в пределах собственно языка и затрагивает сферу кросс-культурного диалога, где авторская идея переходит из одной языковой среды в другую.

Переводческая практика особенно ясно показывает цену таких расхождений. Передавая русскую лексему «красота» на китайский язык, переводчик вынужден соотносить её с конкретной ситуацией употребления и выбирать соответствующий иероглиф. Обратное направление ставит иную задачу: при переводе с китайского на русский нередко приходится прибегать к описательным конструкциям или эпитетам, поскольку часть смысловых различий в русском слове не закреплена лексически. Не случайно перевод лексемы «красота» «представляет собой некий изобретательный и сложный процесс, который требует от переводчика отличного знания языка и хорошего уровня культурной и страноведческой подготовки» [3, 546].

Список литературы

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
2. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: МГУ, 1996. – 245с.
3. Сафина З.М. Стратегии перевода культурно-маркированной лексики // Доклады Башкирского университета. – 2019. – Т. 4, № 5. – С. 542-547.
4. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23480> (дата обращения: 28.03.2026)
5. Trainchinese.com [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trainchinese.com> (дата обращения: 27.03.2026)
6. Zhonga.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zhonga.ru> (дата обращения: 27.03.2026)

7. 现代汉语词典 (Словарь современного китайского языка) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zdic.net/> (дата обращения: 27.03.2026)

© Сафина З.М., Зираншина К.Ф., 2026

УДК 81'42

Чжан Хэлинь

аспирант Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина,
г. Москва, Россия

МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОМОНИМИЧЕСКОГО КАЛАМБУРА В РЕКЛАМЕ

В статье анализируются механизмы омонимического каламбура на материале рекламы русского языка, в том числе омонимическое связывание бренда, нативная адаптация иноязычных заимствований, трансформация фразеологизмов и графодеривация. Приёмы требуют от адресата одновременного удержания двух семантических планов. Заключается, что омонимия в рекламе становится междисциплинарным объектом.

Ключевые слова: омонимия, каламбур, рекламный дискурс, прагматика.

Каламбур является одним из важных риторических приёмов в русской телевизионной рекламе. В «Большой энциклопедический словарь» каламбур – это стилистический оборот речи или миниатюра определенного автора, основанные на комическом использовании одинакового звучания слов или групп слов, либо разных значений одного и того же слова или словосочетания [1, 252]. А.А. Щербина провела систематическое исследование русских каламбуров и, основываясь на семантико-фонетическом принципе, разделила их на три типа в соответствии с их специфическими составными частями: каламбуры, образованные полисемией; каламбуры, образованные всеми типами омонимии, такими как полные омонимы, омографы, омофоны, омоформы и омонимы слов или словосочетания; каламбур, состоящий из сходства в звучании слов или словосочетания [2, 14].

Омонимический каламбур – важная разновидность каламбура в русском языке. Богатство русской омонимии предоставляет широкие языковые возможности для рекламного творчества. Реклама активно использует совпадения для привлечения внимания и снижения усилий на запоминание.

1. Омонимическое связывание бренда со словом

Наиболее распространённый приём – встраивание названия бренда в конструкцию, оно звучит как значимое слово. Классический пример – слоган IKEA в России: «*Есть идея – есть IKEA*». Название бренда рифмуется и ассоциативно связывается со словом «идея». А синтаксический параллелизм «Есть X – есть Y» принудительно активизирует два слоя – общий и коммерческий.

2. Нативная адаптация иноязычных заимствований

В русской телевизионной рекламе часто используются английские заимствования. Их произношение на русский лад совпадает с исконно русскими словами. Например, «*Пыле SOS*». Буквально это выражение означает «Пыль, сигнал бедствия!». Однако при произнесении фраза «Пыле SOS» звучит как слово «пылесос». Реклама привлекает внимание необычной формой. Читатель слышит знакомое слово и понимает скрытый смысл: «Пора купить пылесос». В таких примерах важную роль играет визуальное оформление. Написание «SOS» заглавными буквами служит сигналом для читателя. Он понимает, что здесь есть скрытый смысл, и начинает его искать.

3. Фразеологическая трансформация омонимом

Один из продуктивных приёмов – замена компонента устойчивого выражения на омофон, связанный с товаром. Реклама репеллента: «Комар носа не подточит». Исходный фразеологизм означает «безупречно, идеально» (буквально: «комар носа не подточит»). В рекламе комар из метафоры превращается в реальное насекомое, а фраза приобретает буквальный смысл: средство настолько эффективно, что даже комар не сможет укусить.

4. Омонимический каламбур, образованный изображением и звучащей речью

Характерной особенностью телевизионной рекламы является то, что каламбур может создаваться совместными усилиями изображения и звучащего слова. Графодеривация превращает омонимическую аттракцию из чисто акустического явления в мультимодальный знак, где письмо само становится частью смыслопорождения [3, 124]. Изображение обычно передаёт поверхностный смысл. Например, в рекламе пива «*Толстяк*» на экране появляется полный мужчина (по-русски такого мужчину называют «толстяк»), что совпадает с названием бренда «Толстяк». Изображение передаёт мысль: «С толстяком весело», а реальный глубинный смысл: «С пивом «Толстяк» не соскучишься».

Омонимический каламбур в русской рекламе реализуется через четыре основных механизма: омонимическое связывание бренда с общеупотребительным словом, нативную адаптацию иноязычного заимствования, замену компонента фразеологизма на омонимы и графическую вариативность. Их суть заключается в случайном звуковом

совпадении двух разных слов, благодаря чему одно высказывание несёт два не связанных друг с другом смысла, порождая юмор и усиливая запоминаемость. Проведённый анализ показывает, что омонимическая аттракция в русскоязычной рекламе реализуется на нескольких языковых уровнях: фонетическом, лексическом, фразеологическом и графическом. Каждый из этих механизмов опирается на способность адресата к одновременному удержанию двух семантических планов. Именно эта когнитивная сложность, соединённая с лаконичностью и высоким прагматическим потенциалом, превращает использование омонимов из второстепенного тропа в объект междисциплинарных исследований – от когнитивной лингвистики до мультимодального дискурс-анализа.

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд, перераб. и доп.. – М., СПб.: Большая Рос. энцикл., Норинт, 2000. – 1434,[21] с.
2. Щербина, А.А. Сущность и искусство словесной остроты (каламбура): к вопросу о специфике языкового мастерства в русской советской комедии / Акад. наук Укр. ССР. Ин-т языковедения им. А.А. Потебни. – Киев: Изд-во Акад. наук УССР, 1958. – 68 с.
3. Kim H. Grapho-derivation as a method of forming occasional innovations in newspaper and advertising discourses // Journal of Linguistic Studies. 2025. Vol. 28. №1. P. 119-135.

© Чжан Хэлинь, 2026

УДК 81'44

Шафиков С.Г.

*д-р филол. наук, профессор УУНУТ,
г. Уфа, Россия*

СЕМАНТИКА СНА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКОВЫХ УНИВЕРСАЛИЙ

В статье рассматриваются семантические структуры разноразличных лексем, выражающих инвариантный смысл “спать”. Эмпирическим материалом служат эквивалентные глаголы в английском, немецком, французском, испанском, русском, польском, башкирском и турецком языках. Типология процессуальных номинаций сна включает главным образом универсалии в виде семантических корреляций между инвариантным и производными смыслами, которые захватывают все языки сравнения. Значительно реже наблюдаются типы семантических корреляций, захватывающих большинство или меньшинство языков сравнения.

Ключевые слова: маргиналия, семантическая корреляция, смысл, типология, универсалия, фреквенталия, эталон, язык.

Изучение лексики как системы. Изучение лексики любого языка как системы предполагает – среди прочего – установление разных типов семантических корреляций между лексическими единицами, связанными общей семантической темой. В эмпирических исследованиях такая семантическая тема обычно называется *семантическим полем*.

Реальность семантического поля «подтверждается действием мнемонических процессов памяти» [6, 36]. При этом каждое поле обычно характеризуется родовым наименованием (ср.: «одежда», «размер», «жилище» и т.д.), хотя мышление способно оперировать совокупностями без обобщающего имени. Так, можно представить себе категорию с такими объектами, как дети, драгоценности, телевизоры, фотоальбомы в силу того, что следует выносить из жилища в первую очередь при пожаре [5, 58].

Аналогичным образом можно представить себе семантическое поле, связанное с обозначением физиологических процессов в организме человека, таких как прием пищи, утоление жажды, сон, отдых и т.д. Эти процессы, доставляющие удовольствие и улучшающие самочувствие, можно рассматривать как «одну из форм сублимации» [1, 15].

Универсалии языка и возможные семантические универсалии. Представляется очевидным, что своеобразие системного характера любого языка раскрывается наиболее наглядно через сравнение с системами других языков. Метод семантического поля позволяет сравнивать эквивалентные семантические поля разных языков независимо от их генетической и структурной близости.

Результатом сравнительного исследования служит типология эквивалентных структур, отражающих общий семантический континуум языков сравнения. В лингвистической типологии, которая занимается сравнительными исследованиями, такие эквиваленты называются *универсалиями языка*.

Проблематика универсалий языка охватывает массу вопросов, связанных с теорией и методикой сравнительных исследований [2; 4; 7; 9; 10].

Ввиду невозможности сравнения всех естественных языков для установления языковых универсалий, типолог обычно ограничивается материалом так называемых *возможных универсалий* (термин Х.Я. Зайлера). Установление возможных универсалий проводится на материале ограниченного числа языков, что позволяет в дальнейшем экстраполировать эти универсалии на другие языки. С большой долей вероятности можно полагать, что возможные универсалии отражают общие черты всех мировых языков [3, 262].

Предметом рассмотрения данного исследования служат полисемантические универсалии в семантическом поле «спать», выделяемые по совпадению производных смыслов эквивалентных номинаций в языках сравнения.

Языковой материал исследования. Фактическим материалом исследования служат глагольные номинации сна в ряде европейских языков, а именно в русском языке (Р.Я.), польском языке (П.Я.), английском языке (А.Я.), немецком языке (Н.Я.), французском языке (Ф.Я.), испанском языке (И.Я.), башкирском языке (Б.Я.) и турецком языке (Т.Я.) (всего 8 языков). Таким образом, языковой материал представляет индоевропейскую семью языков в трех группах (славянской, германской, романской), а также тюркскую семью языков; при этом каждая группа языков представлена парно (Р.Я. + П.Я.; А.Я. + Н.Я.; Ф.Я. + И.Я.; Б.Я. + Т.Я.).

Такой выбор языкового материала представляется наиболее логичным и достаточно репрезентативным для типологии процессуальной лексической категории [СОН] в языках разного строя и генезиса.

Методология исследования. Объект сравнения необходимо *типизировать*, то есть отождествить со средствами его представления в языках сравнения. Процедура типизации представляет собой процесс и результат взаимной сверки смыслов *эквивалентных полей* для построения эталона, моделирующего эти смыслы в качестве семем.

Принцип объективности требует проверки толкования каждого смысла с помощью речевых примеров, которые включают анализируемые глаголы в языках сравнения. Поиск таких примеров можно облегчить благодаря интернет-сервисам со встроенным искусственным интеллектом. Например, пассивное состояние лица, сравнимое с процессом сна, может определяться как «бездействие», или «безделье», или «нахождение в неподвижном состоянии», либо в виде общего определения, которое объединяет частные определения. В данном случае каждое из приведенных определений соответствует определенному денотату. Если смысл эквивалентного глагола, актуализируемый хотя бы в одном из языков сравнения, опускается в другом языке, дискурсивный анализ позволяет установить объективный или субъективный характер такой лакунизации. Так, объективный характер семантической корреляции «заниматься сексом» ← «спать», которая выделяется в определениях части языков сравнения (А.Я. *sleep* = Н.Я. *schlafen* = И.Я. *dormir*), позволяет экстраполировать эту корреляцию на часть других языков (Ф.Я. *dormir* = Р.Я. *спать* = П.Я. *spać*).

Язык-эталон, то есть объективная мера сравнения эквивалентных полисемантов определяется суммой всех производных смыслов репрезентантов семантического поля «спать» (всего 8). Соотношение производных смыслов репрезентанта и инварианта позволяет установить

коэффициент полисемантической (КП) каждого эквивалента. Обычно КП выражается в виде дроби; чем больше значение этой дроби, тем ближе к эталонной степени полисемантической данной номинации (см. таблицу № 1).

Таблица № 1

Коэффициент полисемантической номинации «спать» в языках сравнения

языки сравнения	А.Я.	Н.Я.	Ф.Я.	И.Я.	Р.Я.	П.Я.	Б.Я.	Т.Я.
КП	0,9	0,9	0,75	0,6	1	1	0,9	0,9

Таким образом, языки сравнения можно распределить по порядку убывания степени полисемантической следующим образом: {Р.Я. (1) + П.Я. (1)} → {А.Я. (0,9) + Н.Я. (0,9) → {Ф.Я. (0,75) + Б.Я. (0,75) + Т.Я. (0,75)} → И.Я. (0,6).

Сводная таблица (см. таблицу № 2) представляет семантические структуры эквивалентных полисемантов, которые характеризуются совпадением производного смысла (знак +) или отсутствием такого совпадения (знак –).

Таблица № 2

Репрезентация инвариантного смысла «спать» в языках сравнения

языки сравнения	А.Я.	Н.Я.	Ф.Я.	И.Я.	Р.Я.	П.Я.	Б.Я.	Т.Я.
производные смыслы	<i>sleep</i>	<i>schlafen</i>	<i>dormir</i>	<i>dormir</i>	<i>спать</i>	<i>spać</i>	<i>йоклау</i>	<i>иуитак</i>
«ночевать»	+	+	+	+	+	+	+	+
«бездействовать»	+	+	+	+	+	+	+	+
«бездельничать»	+	+	+	+	+	+	+	+
«быть неподвижным»	+	+	+	+	+	+	+	+
«быть невнимательным / пропускать мимо ушей»	+	+	+	<i>dormir se</i>	+	+	+	+
«медлить / копаться»	+	+	+	–	+	+	+	+
«иметь интимную связь»	+	+	<i>coucher</i>	+	+	+	–	–
«быть мертвым»	–	–	–	–	+	+	–	–

Для сравнительных исследований целесообразно использовать понятие «семантическая аттракция» для выражения общего числа совпадений между инвариантом и производными смыслами [8, 700]. По степени семантической аттракции можно выделить разные типы корреляций, а именно *универсалии*, *фреквенталии* и *маргиналии*. Универсалии захватывают все языки сравнения (в данном исследовании 8 языков), фреквенталии захватывают большинство языков сравнения (то есть в данном случае более 4 языков), маргиналии захватывают меньшую часть всех языков (то есть в данном случае менее 4 языков).

Как следует из таблицы, преобладающим типом семантических корреляций являются универсалии; ср. следующие производные смыслы, общие для всех языков сравнения: 1) «ночевать», «бездействовать», «бездельничать», «быть неподвижным». «Почти-универсалией» можно считать смысл «быть невнимательным / пропускать мимо ушей», поскольку в испанском языке для выражения этого смысла используется не активная, а возвратная форма глагола (*dormirse*). К фреквенталиям относятся смыслы «медлить / копаться», который отсутствует в семантической структуре испанского глагола *dormir*, и «иметь интимную связь» (этот смысл отсутствует в семантических структурах башкирского и турецкого эквивалентов, а во французском языке выражается лексемой *coucher* «лежать / укладывать»). Единственную маргиналию представляет смысл «быть мертвый», который актуализируется только в русском и польском языках.

Резюмируя, можно заключить, что языки-репрезентанты эталонного семантического поля «спать» обнаруживают поразительно высокую степень совпадения производных смыслов своих эквивалентов. В целом такая степень «солидарности» языков сравнения может объясняться ясной внутренней формой семантического деривата, связанного с основным смыслом самоочевидной метафорической или метонимической связью.

Возможные погрешности могут объясняться, с одной стороны, несовершенством искусственного интеллекта в отношении примеров, на которых строится семантическая структура каждого из эквивалентных полисемантов, с другой стороны, невозможностью точно разграничить языковые и речевые употребления слова.

Можно также отметить, что границы между возможным и невозможным в языке являются довольно зыбкими. Так, отсутствие смысла «быть мертвым» в большинстве языков сравнения (за исключением русского и польского языков) частично компенсируется фразеологией; ср. Р.Я. *спать как убитый* = Ф.Я. *dormir du dernier sommeil* «спать вечным сном», *dormir pour toujours* «заснуть вечным сном» = Б.Я. *үлән йоклау* «спать как убитый» = Т.Я. *üzerine ölü toprağı serpilmış gibi uyumak* «спать мертвецким сном» (дословно «спать словно заваленный могильной землей»). В других языках сравнения смысл «спать мертвым

сном» может актуализироваться через сравнение с неживым объектом; ср.: А.Я. *to sleep like a log* («спать как бревно») = Н.Я. *schlafen wie ein Stein* («спать как камень») = Ф.Я. *dormir comme une souche* (дословно «спать как пень») = И.Я. *dormir como un leño* (дословно «спать как бревно»). Таким образом, метафоризация значения расширяются не только за счет переносных смыслов основного (инвариантного) значения, но и за счет фразеологических единиц с лексическим компонентом «спать».

Список литературы

1. Головницкая Н.П. Лингвокультурные концепты «пища» и “das Essen” в сопоставительном освещении (семантика русских и немецких глуттонических номинаций) // Известия ВГПУ. – 2007. – С. 14-18. URL: <file:///C:/Users/SuperUser/Desktop/lingvokulturnye-kontsepty-pischa-i-das-essen-v-sopostavitelnom-osveschenii-semantika-russkih-i-nemetskih-glyuttonicheskikh-nominatsiy.pdf>
2. Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Д. Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике. – Вып. V. – М., 1970. – С. 31-44.
3. Мечковская Я.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 312 с.
4. Успенский Б.А. Языковые универсалии и лингвистическая типология. – М.: Наука, 1969. – 342 с.
5. Фрумкина Р.М., Мостовая А.Д., Михеев А.Б. Семантика и категоризация. – М.: Наука, 1991. – 167 с.
6. Шафиков С.Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц. – Уфа: Изд-во БашГУ, 1999. – 88 с.
7. Шафиков С.Г. Лингвистическая типология в комментариях и извлечениях: Учебное пособие. – Уфа: Изд-во БашГУ, 2008. – 176 с.
8. Шафиков С.Г. Типология полисемантических универсалий в европейских языках // Казанская наука. 2025. № 10. С. 698-702.
9. Comrie B. Language Universals and Linguistic Typology: Syntax and Morphology. – Chicago: University of Chicago Press, 1989. – 264 p.
10. Goddard C., Wierzbicka A. Semantic and Lexical universals: Theory and Empirical Findings. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 1994. – 510 p.

© Шафиков С.Г., 2026

Янгирова Г.В.

канд. филол. наук, доцент УУНУТ,

г. Уфа, Россия

Байгускарова А.Р., Нафикова Л.К.

г. Уфа, Россия

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ РЕЧЕВОГО АКТА ИЗВИНЕНИЯ

В статье рассматривается теория речевых актов как базовое направление лингвистической прагматики, в рамках которого речевая деятельность понимается как совокупность целенаправленных действий. Особое внимание уделяется извинению как гибричному экспрессивному акту, сочетающему сожаление, признание вины и попытку восстановления коммуникативного равновесия. На материале сериалов «Отчаянные домохозяйки», «Шерлок» и «Друзья» и их русских дубляжей анализируются способы передачи иллокутивной силы извинения при аудиовизуальном переводе.

Ключевые слова: теория речевых актов, извинение, иллокутивная сила, прагматическая адаптация, аудиовизуальный перевод

Теория речевых актов является ключевым направлением лингвистической прагматики, в рамках которого речевая деятельность рассматривается как совокупность целенаправленных действий, реализуемых посредством языка. Речевой акт представляет собой минимальную единицу коммуникации, через которую говорящий осуществляет определенную интенцию и воздействует на собеседника, руководствуясь принятыми в обществе нормами речевого поведения [2, с.165].

Основателем теории речевых актов является Дж. Остин, который ввел понятие перформативов — высказываний, не просто описывающих действительность, но самих по себе являющихся действием [3]. Остин предложил трехчастную структуру речевого акта: локутивный уровень (непосредственное произнесение), иллокутивный уровень (коммуникативное намерение) и перлокутивный уровень (реальный эффект, производимый на адресата).

Развивая идеи предшественника, Дж. Серль создал развернутую классификацию речевых актов, базирующуюся на трех критериях: иллокутивная цель, направление соответствия между словами и миром, а также выражаемое психологическое состояние [5]. В результате были выделены пять основных типов:

- репрезентативы, фиксирующие положение дел;

- директивы, побуждающие собеседника к действию;
- комиссивы, налагающие на говорящего обязательства;
- экспрессивы, выражающие внутреннее состояние говорящего;
- декларации, своим произнесением изменяющие реальность.

Среди названных типов экспрессивы занимают особое положение, поскольку их главная функция — передача эмоционального отношения говорящего к происходящему как отклик на поведение собеседника или сложившуюся ситуацию. Их границы размыты: они включают разнородные акты — от приветствий до оскорблений. Синтез подходов позволяет выделить две разновидности: социативы (извинение, благодарность) и инфлуктивы (похвала, оскорбление) [6].

В ряду экспрессивов извинение традиционно выступает образцовым представителем данного класса. Р. Ратмайр предлагает разграничивать извинения по вызывающей их причине [4]:

- метакоммуникативные (за слова);
- конвенциональные (за нарушение принятых норм);
- извинения «по существу» (за реально нанесенный ущерб), допуская при этом возможность их совмещения в пограничных случаях.

Вопрос о классификационной принадлежности извинения остается дискуссионным: если Дж. Серль трактует его как экспрессив, не имеющий направления приспособления [5], то Р. Ратмайр склонна видеть в извинении директивный акт, призванный изменить положение дел, восстановив равновесие после причиненного урона [4]. Компромиссным вариантом может служить понимание извинения как полиинтенционального (гибридного) образования, включающего наряду с возможным директивным компонентом такие интенции, как оправдание, признание вины и отрицательная эмоциональная самооценка говорящего.

Успешность извинения требует осознания ущерба, искреннего сожаления и направленности на восстановление равновесия. Необходимость извинения зависит от статуса: нижестоящий извиняется чаще. За неконтролируемые действия извиняются развёрнуто, за умышленные — кратко. Согласно правилу искренности, извиняющийся должен действительно сожалеть; клишированность не означает неискренности, а служит средством коммуникативной коррекции. Ритуал без сожаления — ситуативно неискренний акт, граничащий с ложью [6].

Материалом исследования послужили эпизоды сериалов «Отчаянные домохозяйки», «Шерлок» и «Друзья» и их русский дубляж. Выбор обусловлен насыщенностью диалогами и разнообразием коммуникативных ситуаций. Перевод аудиовизуального текста требует прагматической и культурной адаптации, что особенно важно для речевых

актов извинения, от успешной реализации которых зависит восстановление социального баланса между персонажами [1, с. 110].

(1) Оригинал: *Oh, right, I was talking to Susan on the phone, and I left it in a little longer than I should've. Sorry* [8].

(1) Перевод: *Да, болтала со Сьюзан по телефону и передержала мясо в духовке. Увы* [8].

В данном эпизоде сериала «Отчаянные домохозяйки» персонаж Линетт по невнимательности (разговор по телефону) пережарила мясной рулет, предназначенный для ужина. В данном примере оригинальное извинение Линетт содержит прямой перформативный маркер «*Sorry*» и признание вины, что обеспечивает успешность речевого акта. Однако в русском переводе маркер извинения заменён на междометие «Увы», в результате чего иллокутивная сила существенно снижается: высказывание воспринимается не как извинение, а как констатация досадного факта. Таким образом, при переводе произошла прагматическая нейтрализация, что может затруднить восстановление коммуникативного равновесия между персонажами.

(2) Оригинал: *I'll do my best. Well...thanks for your help. And again, I'm very sorry* [9].

(2) Перевод: *Ну вот...Люси, спасибо вам за помощь. Мне правда очень жаль* [9].

В приведенном примере из эпизода телесериала «Шерлок» речевой акт извинения реализуется Джоном Ватсоном в ситуации соболезнования: он выражает сожаление по поводу необходимости задавать болезненные вопросы невесте погибшего. Прямой перформативный маркер «*I'm very sorry*» (в переводе «мне правда очень жаль») усиливается наречием *again*, указывающим на повторное извинение, что повышает иллокутивную силу высказывания. Согласно типологии Р. Ратмайр, это извинение метакоммуникативного характера (за слова и вторжение в личное пространство), а не за реальный материальный ущерб. В русском дубляже прагматика сохранена: фраза «мне правда очень жаль» адекватно отражает искреннее сожаление говорящего, соблюдая правило искренности и условие направленности на восстановление эмоционального равновесия.

(3) Оригинал: *OK, here we go. Honey, I'm sorry, they were all out of apple pie, someone just got the last piece* [7].

(3) Перевод: *Так, держи кофе. Извини, пирога нет, кто-то только что взял последний кусок* [7].

Теперь рассмотрим пример из эпизода телесериала «Друзья», где Рэйчел в типичной бытовой ситуации обслуживания сообщает клиенту, что яблочный пирог закончился. Прямой перформатив «*I'm sorry*» выражает сожаление по поводу невыполнимого запроса. Возвращаясь вновь к типологии Р. Ратмайра, это конвенциональное извинение за нарушение ожиданий клиента, не связанное с реальным ущербом. В

русском дубляже прагматика сохранена: обращение «Извини» и краткое пояснение адекватно передают иллокутивную цель.

Таким образом, исследование подтверждает, что речевой акт извинения занимает центральное место в классе экспрессивов и обладает полиинтенциональной природой, сочетая выражение сожаления с попыткой восстановления равновесия. При переводе извинений критически важна передача иллокутивной силы, искренности и социокультурного контекста, иначе нарушается коммуникативный баланс между персонажами.

Список литературы

1. Бодулева А.Р., Янгирова Г.В. Передача языковой игры в аудиовизуальном переводе (на материале сериала «Sherlock») // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 10-2. – С. 110-113.

2. Новодран Т.В., Янгирова Г.В. Реализация речевого акта «угроза» в аспекте перевода // Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки. Уфа: Уфимский университет науки и технологий. – 2025. – С. 165-167.

3. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 22-129.

4. Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / Пер. с нем Е. Аралрвой. – М.: Языки славянских культуры, 2003. – С. 272.

5. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 170-194.

6. Трофимова Н.А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: Монография. – СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. – 376 с.

7. «Друзья» в оригинале и дубляже [Электронный ресурс]. URL: <https://lordfilms-druzya.ru/> (дата обращения: 25.03.2026).

8. «Отчаянные домохозяйки» в оригинале и дубляже [Электронный ресурс]. URL: <https://perfect-housewife.org/> (дата обращения: 04.04.2026).

9. «Шерлок» в оригинале и дубляже [Электронный ресурс]. URL: <https://sherlok-lordfilms.ru/> (дата обращения: 21.03.2026).

©Янгирова Г.В., Байгускарова А.Р., Нафикова Л.К., 2026

ПЕРЕВОД КАК СИНТЕЗ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

УДК 81'25

Камалов Р.И.

канд. филол. наук, доцент УУНУТ
г. Уфа, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ АТРИБУТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ВНУТРЕННЕЙ ПРЕДИКАЦИЕЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Настоящая работа посвящена анализу переводческих трудностей, возникающих при передаче английских атрибутивных словосочетаний, содержащих элементы внутренней предикации. В статье рассматриваются структурные параметры подобных единиц, их семантическая организация и функционирование в различных типах дискурса. На основе обобщения теоретических положений и анализа языкового материала предлагается система переводческих решений, обеспечивающих адекватную передачу содержания и стилистической нагрузки исходных конструкций.

Ключевые слова: перевод, атрибутивная конструкция, внутренняя предикация, компрессия, трансформация, экспликация.

Современная синтаксическая организация английского языка демонстрирует устойчивую тенденцию к экономии языковых средств, что проявляется, в частности, в широком использовании многочисленных атрибутивных конструкций. Значительная часть таких структур включает в себя так называемые элементы внутренней предикации, позволяя в сжатой форме передавать пропозициональное содержание, типичное для более развёрнутых предложений.

Для русского языка подобная модель является менее типичной: предикативные отношения в нём, как правило, получают эксплицитное выражение в форме придаточных предложений. Вследствие этого при переводе возникает необходимость преобразования исходной конструкции, что связано с рядом лингвистических, семантических и стилистических задач.

Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к проблемам синтаксической компрессии и межъязыковой трансформации, а также практической значимостью разработки эффективных стратегий перевода, ориентированных на сохранение не только содержания, но и функционально-стилистических характеристик текста.

Целью статьи является выявление закономерностей передачи атрибутивных конструкций с внутренней предикацией с английского

языка на русский и описание наиболее продуктивных способов их перевода, включая трансформационные схемы и типологические ограничения двух языков.

Внутренняя предикация представляет собой скрытое предикативное отношение, заключённое в составе атрибутивного компонента. Иными словами, внутри определения содержится пропозиция, которая может быть развернута в придаточное или отдельное предложение. Например, в конструкции “a don’t-look-back strategy” подразумевается «стратегия, при которой не оглядываются назад»; аналогично “a never-give-in policy” отражает установку «никогда не уступать в чём-то». В обоих случаях исходная предикативная основа субъект - предикат заключена в предикативную форму внутри атрибутивного элемента словосочетания.

Подобные структуры формируются в результате синтаксической компрессии, при которой предикативная основа теряет грамматическую развернутость, но сохраняет семантическое ядро, включая отношения управляемости, модальности и оценочности. С функциональной точки зрения такие конструкции выполняют не только номинативную, но и оценочную функцию, нередко выступая средством языковой экспрессии и авторской стилизации.

Рассматриваемый нами тип конструкций обладает рядом типичных формально-структурных признаков. Прежде всего, они характеризуются линейной компактностью: несколько смысловых компонентов (модальный глагол, глагол действия, отрицание, координация и т.п.) объединяются в единый атрибутивный блок, что резко повышает плотность информации. Для них характерно широкое использование дефисного соединения, которое формально маркирует целостность атрибутивной группы и одновременно сигнализирует о её компрессированной природе. Дефис в подобных английских конструкциях выполняет не только графико-орфографическую функцию, объединяя несколько компонентов в единый атрибутивный комплекс, но и отражает их семантическую неоднородность, возникающую при соединении разноплановых языковых элементов.

Для таких образований характерно препозитивное положение по отношению к определяемому существительному (“a take-it-or-leave-it statement”, “a win-at-all-costs attitude” и др.). Подобное расположение способствует синтаксической компрессии: сложное по смыслу содержание передаётся посредством компактной структуры. При этом внешняя лаконичность скрывает развернутые смысловые отношения, связанные с модальностью, оценочностью, а также временными и пространственными характеристиками высказывания.

Исследование примеров, зафиксированных в современных англоязычных текстах различных функциональных стилей, свидетельствует о широком распространении подобных конструкций. Они

активно используются в публицистических материалах, художественной литературе, рекламных текстах и повседневной разговорной коммуникации. В публицистических текстах подобные структуры нередко выполняют функцию усиления экспрессивности высказывания, позволяя акцентировать категоричность авторской позиции либо строгость предъявляемых условий (например, “no-questions-asked basis”). В художественной литературе они используются как средство создания индивидуализированной речевой характеристики персонажей и усиления стилистической выразительности текста.

Наиболее продуктивными оказываются модели, основанные на императивных конструкциях (“take-it-or-leave-it attitude”, “do-as-I-say approach”), формы с отрицательной семантикой (“I-don’t-care approach”, “don’t-look-back strategy”), а также координационные сочетания (“come-and-go pattern”, “hit-and-run tactic”). Широкое распространение данных структур объясняется их способностью компактно кодировать сложные смысловые отношения, что приобретает особую значимость в условиях высокой информационной плотности и ускоренного характера современного дискурса. При этом подобные конструкции часто приобретают устойчивый характер и становятся предметом фразеологизации, усиливая их идентификационную и стилистическую роль, они «делают речь выразительной и лаконичной» [3, с. 127].

При передаче подобных конструкций на русский язык переводчик сталкивается с несколькими типами трудностей. Во-первых, отсутствует прямое соответствие между синтаксическими моделями двух языков: английский допускает многокомпонентные препозитивные атрибутивы с встроенными предикативными элементами, а в русском языке приходится разворачивать предикативные отношения в придаточные предложения или деепричастные обороты, при этом возникает необходимость смыслового развёртывания, поскольку скрытая предикация должна быть выражена явно. В ряде случаев переводчику приходится восстанавливать эллиптический субъект, модальную или временную рамку, которая может выражаться в оригинале имплицитно. Поэтому переводчику необходимо правильно выбрать приём перевода, который «зависит во многом от нескольких факторов: структуры атрибутивного словосочетания, синтаксических связей между элементами атрибутивного композита, а также от контекста, в котором используется данная лексическая единица» [4, с. 101].

Также требуется учитывать стилистический эффект: многие конструкции обладают разговорной, иронической или экспрессивной окраской, которую в русском языке приходится воссоздавать средствами других синтаксических и лексических моделей. Наконец, значительную роль играет контекст, без которого корректная интерпретация оказывается затруднительной, поскольку одна и та же атрибутивная группа может

реализовывать разные пропозиции в зависимости от дискурсивной ситуации, откуда следует, что передача подобных конструкций на русский язык требует применения различных переводческих трансформаций, поскольку дословный перевод зачастую становится невозможным. Поэтому переводчику приходится часто прибегать к приёму смыслового развертывания, при котором имплицитно выраженная предикативность передаётся посредством придаточного предложения или описания главного компонента:

“a once-in-a-lifetime opportunity” – «возможность, которая выпадает только один раз в жизни».

Интересным представляется и приём семантического обобщения или так называемый подбор функционального эквивалента, при котором многочленная атрибутивная конструкция замещается устойчивым выражением, близким по смыслу и прагматическому воздействию:

“a do-or-die situation” — «критическая ситуация».

Таким же образом может использоваться приём компрессии, при котором сохраняется информационная ёмкость высказывания, например, это свойственно публицистике:

“win-at-all-costs policy” – «политика любой ценой».

Практика показывает, что наиболее результативным обычно становится сочетание нескольких переводческих приёмов одновременно, что даёт возможность учитывать не только фактическое содержание исходной единицы, но и её стилистическую окраску. Иногда переводчик обращается к фразеологизмам русского языка либо использует конструкции со сходной оценочной семантикой, благодаря чему сохраняется воздействующий эффект оригинального текста.

Особое значение передача подобных структур приобретает в художественном переводе. В данном случае необходимо сохранить выразительность авторской речи, особенности индивидуального стиля, а также разговорные, иронические и идиоматические оттенки. По этой причине дословный перевод часто заменяется компенсаторными средствами:

“a don’t-give-up spirit” — «стойкий, несгибаемый характер»;

“a think-before-you-act rule” — «правило: сначала подумай, потом действуй».

Для научного и официально-делового стиля, напротив, более характерно стремление к устранению излишней экспрессивности и переходу к нейтральным языковым средствам. В подобных случаях образность исходной конструкции обычно ослабляется, а перевод строится на основе более нейтральных описательных моделей:

“a heart-stopping moment” — «напряжённый момент»;

“a soul-searching decision” — «сложное решение».

Выбор конкретной переводческой стратегии определяется совокупностью факторов: структурой исходной единицы, её прагматической направленностью, жанровыми характеристиками текста и коммуникативной установкой автора. В связи с этим перевод подобных атрибутивных комплексов представляет собой многоаспектную задачу, требующую учёта как семантических, так и стилистических параметров.

Таким образом, атрибутивные конструкции с внутренней предикацией являются проявлением синтаксической компрессии, широко распространённой в английском языке. Их специфика заключается в способности передавать сложные предикативные отношения в предельно компактной форме. Сочетание дефисной организации компонентов и препозитивного расположения создаёт устойчивую структурную модель, обладающую высокой семантической ёмкостью. При переводе на русский язык подобные единицы, как правило, требуют различных трансформаций, направленных на раскрытие скрытых предикативных связей. К числу наиболее употребительных приёмов относятся развертывание содержания, синтаксическое преобразование, семантическое обобщение и компрессия, которые в реальной переводческой практике часто используются комплексно.

Список литературы

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
3. Пилявских Ю.А., Баскакова Е.С. Особенности перевода атрибутивных групп с английского языка на русский язык // Интерактивная наука. – 2016. – № 3. – С. 126-128.
4. Трегубова Ю. А. Атрибутивные словосочетания с внутренней предикацией в англоязычной художественной литературе: особенности и способы перевода на русский язык // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2023. – №3. – С. 96-102.
5. Хромых, А. А. Перевод препозитивных атрибутивных конструкций с предикативной связью (на материалах англоязычной художественной литературы) // Молодой ученый. — 2016. — № 16 (120). — С. 513-518. — URL: <https://moluch.ru/archive/120/33294>.
6. Ткаченко А. В. Когнитивные аспекты атрибутивных словосочетаний // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2020. – Том 13. – Выпуск 4. – С. 80-86.

© Камалов Р.И., 2026

Латыпова Л.Ч.

канд. филол. наук, доцент УУНиТ,

г. Уфа, Россия

Абдулкадырова А.П.

г. Уфа, Россия

ТИПЫ АНГЛИЙСКИХ СЛОВ-СЛИТКОВ И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В настоящей статье рассмотрены различные типы английских слов-слитков по способу слияния основ, исследованы различные термины, описывающие данное лингвистическое явление, обозначены функции слов-слитков, а также проанализированы наиболее частотные способы перевода данных слов на русский язык.

Ключевые слова: слово-слиток, бленды, слова-портмоне, морфотактические сочетания, морфонологические сочетания, морфосемантические сочетания, слияние.

Вторая половина XX столетия характеризуется интенсивным обогащением новых слов, поскольку стремительное развитие технологий и глобализация послужили созданию новых реалий, понятий и специальностей.

Наиболее ярко эту тенденцию можно проследить на примере английского языка, который, по некоторым подсчетам, добавляет новое слово примерно каждые 98 минут. В результате, словарь может пополняться на более, чем 5000 слов в год. Кроме того, возникла необходимость пересмотреть или дополнить значения для 210000 существующих слов.

Носители английского языка очень изобретательны, когда дело доходит до создания новых слов, комбинируя части уже существующих слов. Например, большинство людей знают, что *brunch* – это сочетание слов «*breakfast* (завтрак)» и «*lunch* (обед)», а *smog* происходит от слов «*smoke* (дым)» и «*fog* (туман)».

Одной из причин возникновения значительного количества новых слов называют распространённость английского языка в современном мире. По данным справочника *Ethnologue* за 2025 год, общее число говорящих на английском языке в мире (включая тех, для кого он не является родным) составляет более **полутора миллиардов человек**.

Но основной причиной является то, что английский язык по своему строению (типологии) является аналитическим языком. В аналитическом языке грамматические связи между словами выражены, тем через

изменение самого слова при помощи аффиксов и окончаний, а через изменение порядка слов и при помощи служебных слов, предлогов. В английском языке есть лишь два падежа – общий и притяжательный, порядок слов фиксированный. Слова в английском языке воспринимаются как отдельные единицы, в то время как слова в других европейских языках часто несут дополнительную информацию, и гораздо проще объединить две отдельные единицы, чем объединить два слова, несущих много дополнительной информации, часть которой неизбежно была бы потеряна при слиянии.

Словослияние – это процесс образования нового слова с помощью соединения двух или более основ исходных слов. Данное новообразование сохраняет элементы значений каждого из компонентов, образуя новое понятие. Уникальность описываемого явления заключается в том, что процесс интеграции не является случайным или стихийным, а регулируется определенными особенностями участвующих в соединении компонентов. [2; 88].

Для обозначения новых слов, образованных таким способом, лингвисты используют разные термины: бленды, слова-портмоне, **слова-телескопы, слова-сращения, слова-гибриды, слова-компози́ты**.

Термин *portmanteau word* («слова-портмоне») впервые был введен Луисом Кэрролом для обозначения авторских слов в своих произведениях «Алиса в стране чудес» и «Алиса в зазеркалье». Термин **«слова-сли́тки»** — это полный русский эквивалент английских терминов «*blends*» (бленды) или «*portmanteau words*».

Термин «слова-телескопы» также является полным синонимом вышеуказанных терминов. Термин «слова-сращения» также может выступать синонимом термина слова-сли́тки, но чаще используется для обозначения исторического слияния слов, нежели намеренного. Термин «слова-гибриды» относится к слиянию слов разноразличного происхождения. Термин «слова-компози́ты» имеет более широкое значение и включает любые слова, имеющие более одного корня.

Такое терминологическое разнообразие связано с некоторым неоднозначным пониманием сущности этого лингвистического явления и размытостью критериев его определения.

Сочетания двух или более слов могут быть могут разделяться на следующие типы: морфотактические, морфонологические и морфосемантические.

Морфотактические сочетания образованы путем присоединения аффиксов (приставок, суффиксов, окончаний) к корню слова и могут быть разделены на два вида: полные и частичные. **При полном слиянии** каждое из слов в новом слове сводится к простому фрагменту. Однако, не всякое слияние частей слов лингвисты считают «блендом» в узком смысле. Известный немецкий лингвист, специалист по словообразованию **Инго**

Плаг в своем исследовании вводит **дополнительные условия** для определения данного лингвистического явления. Согласно ученому, «правильные сочетания» — это полные сочетания, которые семантически согласованы, а остальные - «сокращенные» [4, 121].

Как правило, при слиянии слов за началом одного слова следует окончание другого, например: *boom* (грохот) + *hoist* (подъем) → *boost* (буст; усиление). Реже можно встретить другую последовательность: за началом одного слова может следовать начало другого, например: *American* (американец) + *Indian* (индеец) → *Amerind* (Америнд, американец индейского происхождения, коренной американец).

Нетипичен, тем не менее, встречается в английском языке следующий тип слияния: за окончанием одного слова может следовать окончание другого, например: *Hello Kitty* + *delicious* → *kittylicious*. Такой тип слияния можно увидеть в рекламе, как в случае вышеназванных примеров.

Еще одним вариантом слияния могут служить слова, придуманные Льюисом Кэрроллом в «Бармаглоте», где часть одного слова заменила часть другого, например: *chuckle* + *snort* → *chortle*, *flimsy* + *miserable* → *mimsy*. Подобные слова иногда называют интеркалятивными слияниями, они относятся к числу оригинальных образований, для которых и было создано это значение слова.

При частичном слиянии происходит слияние целого слова с фрагментом другого слова. Здесь встречаются разные сочетания, например:

1) за целым словом может следовать частица: *dumb* + *confound* → *dumbfound* (ошеломленный), 2) за частицей может следовать целое слово: *Brad* + *Angelina* → *Brangelina* (Бранджелина), 3) целое слово может заменять часть другого: *disgusting* + *gross* → *disgrossting* (используется для описания чего-то или кого-то, что вызывает отвращение, тошноту или является крайне неприятным) [3].

Рассмотрим примеры с разными типами наложения.

1. Усечение + целое слово, например: *netiquette* (сетевой этикет) - *net(work)* + *etiquette*: усечение *net* + целое *etiquette*,

2. По сохранности морфемных границ: 1) с соблюдением границ: *screenager* (скринейджер (подросток, живущий в экране)) - *screen* + *teenager*; 2) с нарушением границ: *Wikipedia* (Википедия) - *wiki* + *encyclor(a)edia*, *Encyclopedia* обрезана произвольно в середине слова,

3. начало + начало: *sitcom* (ситуационная комедия) - *sit(uation)* + *com(edy)*, начало + конец (самый частый тип): *fantabulous* (фантабулёрный (невероятно потрясающий)) - *fant(astic)* + *(f)abulous*, начало + целое: *cybercrime* (киберпреступность) - *cyber(netic)* + *crime*,

4. Современные и технологичные примеры: 1) усечение + целое слово: *vlog* (влог (видеоблог)) - *v(ideo)* + *blog*, 2) стык: *webinar* (вебинар

(онлайн-семинар)) - *web* + *seminar*, 3) наложение: *hangry* (голодозлость (раздражительность от голода) - *hungry* + *angry* (*han/gry*)).

Морфотактические модели, отработанные в английском, активно заимствуются другими языками, включая русский, и используются для создания собственных новых слов. Понимание этих моделей помогает легко «расшифровывать» значение даже незнакомых слов [3].

При морфонологическом типе слияния слова делятся на два вида: пересекающиеся и непересекающиеся.

Пересекающиеся слияния — это такие слияния, в которых согласные, гласные или даже слоги исходных компонентов частично совпадают. Их также называют гаплогическими слияниями. Совпадение может быть как фонологическим, так и орфографическим, но без каких-либо других сокращений, например: *anecdote* + *dotage* → *anecdottage*.

Встречается и разрывной тип пересечения, так называемые несовершенные слияния: 1) с двумя компонентами, например: *politician* + *pollution* → *pollutician*, 2) с тремя компонентами: *camisade* + *cannibalism* + *ballistics* → *camibalistics*.

Фонологическое совпадение не обязательно должно быть орфографическим: *back* + *acronym* → *backronym*. Если фонологическое, но не орфографическое, слияние охватывает весь короткий компонент, как в случае с *sham* + *champagne* → *shampagne*, то эффект зависит только от орфографии. Их также называют орфографическими слияниями. Орфографическое совпадение не обязательно должно быть фонологическим: *binary* + *unit* → *bit*.

По мнению некоторых лингвистов, пересечение является условием для слияния. **Непересекающиеся слияния** не имеют совпадений ни фонологических, ни орфографических и представлены несколькими типами.

1) *выпадение одного из двух одинаковых или похожих слогов/звуков на стыке*, устраняется «повтор» для благозвучия, например: *Turducken* (тёрдакен) (блюдо из индейки, утки и курицы)) - *tur(key)* + *(du)ck* + *chick(en)*.

2. *Вставка звука или буквы для облегчения произношения*, когда на стыке возникает «связующий» элемент, которого не было в исходных словах, например: *animatronics* (аниматроника) - *animat(e)* + *electronics*.

3. *Ассимиляция или изменение звука под влиянием соседнего*, когда звуки на стыке меняются для более легкого произнесения, например: *Sitcom* (ситком) - *sit(uation)* + *com(edy)*.

4. *Изменение ударения и звукового облика*, где новое слово приобретает собственную фонетическую целостность, которая отличается от исходных слов, *Pulsar* (пульсар) - *puls(ating)* + *(st)ar*. Ударение смещается на первый слог [1].

Морфосемантические слияния делятся на два вида: атрибутивные и координатные. При **атрибутивных слияниях** один из компонентов выступает главным элементом (ядром), а другой – атрибутом. Так, *portable light* означает переносной источник света, а не «светоизлучающий» или переносимый светильник; *свет* – это ядро.

Как и в случае с (обычными, не сочетаемыми) атрибутивными сочетаниями (среди которых, например, *bathroom* — это своего рода комната, а не ванна), атрибутивные сочетания в английском языке в основном являются конечными главными компонентами и в основном эндоцентрическими. Пример экзоцентрического атрибутивного слияния – *Fruitopia*, которое может метафорически перенести покупателя в фруктовую утопию (а не в утопический фрукт), однако это не утопия, а напиток.

Координативные слияния сочетают в себе два слова с равным статусом. Среди координативных слияний можно выделить те, что основаны на слиянии синонимов, например: *gigantic* + *enormous* → *ginormous*, и антонимов: *transmitter* + *receiver* → *transceiver* [3, 112].

Слова-слитки вызывают трудности при переводе на русский язык, поскольку требуют особого подхода и понимания контекста. И тому есть несколько причин. Прежде всего, это отсутствие прямого аналога в языке перевода, поскольку такое слово является уникальным и поначалу имеет статус окказионализма.

Зачастую значения нового слова не выводятся из сложения значений входящих в него слов (их частей), оно идиоматично, например: *brunch* не равно завтрак + обед, это социально-культурная практика, реалья английской культуры, которой нет в русском языке. Это означает, что переведенное слово-слиток может не иметь значения для говорящих на языке перевода.

Еще одной причиной служит сложность передачи юмора, игры слов, ради которой и создаются подобные слияния, особенно в рекламном и в юмористическом дискурсе.

Трудность обусловлена и уже упомянутыми различиями в грамматическом строе обоих языков. В русском языке легче образуются слова-композицы, нежели слова-слитки.

Что касается стратегий перевода этих единиц, могут существовать несколько вариантов в языке перевода. Классическим примером является слово *brunch*, которое в русском языке имеет два варианта перевода: транскрипция *бранч* и функциональный аналог *поздний завтрак*.

Слияние *frenemy* также можно перевести функциональным аналогом – оксюмороном *заклятый друг*, либо описательно «о человеке, с которым у вас внешне хорошие отношения, вы ладите и проводите вместе время, но при этом недолюбливаете друг друга или испытываете зависть». Слово *boost* переводится аналогом *усиление*, простым словом, при этом часть

значения английского слова (*boom*) не отражается в значении русского слова.

Калькирование – это менее продуктивный способ перевода слов-слитков на русский язык при работе с многосложными русскими корнями, так как получившиеся конструкции выглядят громоздко. А ведь одна из функций слов-слитков – компактность и емкость выражения. Либо же слова могут звучать неестественно для русского языка, например, слово *edutainment* на русский язык передано с помощью описательного перевода – *развлекательное обучение*. При переводе этого слова с помощью кальки, мы бы получили *образвлечение*.

Так как многие из этих слов относятся к окказионализмам, то у них не существует эквивалентов в русском языке. В этом случае переводчик выбирает способ перевода в зависимости от цели перевода. Если она состоит в передаче, прежде всего, оригинальной стилистики текста, то транслитерация поможет увидеть сцепку основ слов, оценить креативность автора, хоть и потребует дополнительного пояснения в виде описательного перевода, например: *glocalization* (*global* + *localization*) – *глокализация* (*глобальный* + *локальный*). Описательный перевод этой единицы: ***адаптация глобального продукта или идеи под локальные особенности***.

Одно и тоже слово может иметь несколько вариантов перевода на русский язык. Так, у английского слова *fantabulous* (*fant(astic)* + (*f*)*abulous*) есть варианты: 1) фантабулезный, переведен с помощью транслитерации и добавлением русского суффикса (аффиксация), образующего прилагательное. Передает игру слов, но непонятно для широкой аудитории. 2) потрясающе-невероятный – описательный, передает эмоциональную окраску, но теряется игра слов. 3) обалденный или шикарный – функциональный аналог, точная передача смысла, но также с потерей игры слов.

Таким образом, среди самых распространенных приёмов можно уверенно назвать транскрипцию, транслитерацию и функциональный аналог и описательный перевод. Описательный перевод помогает осуществить коммуникативную цель перевода, передать смысл, но не всегда удобен в силу потери лаконичности. Транслитерация/транскрипция выполняют стилистическую функцию, сохраняют игру слов, но требуют пояснения, если внутренняя структура непрозрачна. Перевод слов-слитков — это всегда компромисс между формой и содержанием, между необходимостью донести новый смысл и возможностями переводимого языка. Выбор того или иного варианта перевода обусловлен условиями и целями коммуникации, т.е. типом текста, необходимостью передать форму или содержание, или воспринимающей аудиторией. Удачный перевод такого слова — тот, который не нарушает коммуникацию и сохраняет инновационность оригинала. В эпоху глобализации и цифровых

технологий эта задача становится для переводчика одной из самых актуальных и творческих.

Список литературы

1. Гураль С.К., Гревцова В.И. Социолингвистическая сущность блендинга как продуктивного способа словообразования//Трансформация профессионального образования в современных реалиях: коллективная монография. 2025. С. 48-67.

2. Липилина Л.А. Лексические слияния в современном английском языке // Вестник Балтийского федерального университета им. Э. Канта. 2006. № 2. С. 83–90.

3. Elisa Mattiello, «Blends» Chap. 4 (pp. 111–140) of Extra-grammatical Morphology in English: Abbreviations, Blends, Reduplicatives, and Related Phenomena (Berlin: De Gruyter Mouton, 2013

4. Ingo Plag, Word Formation in English (Cambridge: Cambridge University Press, 2003; ISBN 0-521-81959-8, ISBN 0-521-52563-2), 121–126.

© Латыпова Л.Ч., Абдулкадырова А.П., 2026

УДК 81'26

Латыпова Л.Ч.

канд. филол. наук, доцент УУНУТ,

г. Уфа, Россия

Мухаммадеев Р.И.

УУНУТ, г. Уфа, Россия

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ЮМОРИСТИЧЕСКОГО СЕРИАЛА

Статья посвящена изучению лингвокультурных и прагматических аспектов перевода юмористического дискурса. На материале американского комедийного сериала «Все ненавидят Криса» (Everybody Hates Chris) и его адаптивной версии, выполненной студией перевода «Кураж-Бамбей», проводится анализ способов сохранения комического эффекта при переходе от исходной культуры к культуре перевода.

Ключевые слова: юмористический дискурс, лингвокультурная адаптация, ситком, доместикация, локализация, прагматическая эквивалентность.

Сегодня глобальное медиапространство играет существенную роль в общении между представителями разных культур. И здесь особое место занимает юмористический дискурс, так как юмор, это общепризнано, является универсальным средством межличностного общения и коммуникации.

По мнению В.И. Карасика, юмористический дискурс — это «текст, погруженный в ситуацию смехового общения» [3]. Среди специфических признаков этого типа дискурса можно назвать юмористическую тональность высказывания, коммуникативное намерение говорящего создать юмористическую ситуацию, готовность собеседника к восприятию юмора, модели смехового поведения, принятые в данной лингвокультуре, неформальное общение, обилие стилистических приемов для создания комического эффекта, использование оценочной лексики и сленга.

Целью настоящего исследования является анализ стратегий перевода юмористического дискурса в контексте видеоконтента (комедийных сериалов (ситкомов)). Перевод этого типа дискурса представляет особую сложность, так как перед переводчиком стоит задача сохранения шутки, а не только смысла высказывания. При этом необходимо подстраиваться под культурные особенности восприятия юмора в стране перевода. При буквальном переводе шуток, основанных на аллюзиях, игре слов, культурных кодах, они теряют свое значение для иностранного зрителя. Адаптация юмора является необходимым шагом на пути к успеху комедийного сериала у принимающей иностранной аудитории. Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью исследования юмора и переводческих стратегий для преодоления межкультурных различий в языковой и концептуальной картинах мира.

Исследование представляет собой сравнительный анализ оригинальных диалогов и их русскоязычных соответствий на материале сериала *Everybody Hates Chris* («Все ненавидят Криса»). На основе трудов ведущих отечественных и зарубежных лингвистов, таких как В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер, Л. Венути, Ю. Найда, рассматриваются переводческие стратегии доместикации, функциональной замены и динамической компенсации.

Проведенный анализ показывает, что в основе перевода текстового компонента сериала лежит выбор между сохранением иностранного колорита (форенизация) или его адаптацией для принимающей аудитории (зрителя) (доместикация). Ведущим подходом здесь выступает стратегия доместикации, позволяющая сократить дистанцию между двумя культурами, при этом оригинальные шутки адаптируются через знакомые зрителям бытовые детали.

Согласно В.Н. Комиссарову, данный вид перевода направлен на сохранение коммуникативной цели, что зачастую требует полной замены отдельных слов и/или структуры предложений оригинала [4]. Ярким примером служит адаптация сленга и угроз одного из персонажей сериала, когда резкие фразы Рошель (матери главного героя) переданы выражениями, типичными для образа «строгой матери» в русскоязычной культуре. В этом случае применена теория динамической эквивалентности

Ю. Найды, согласно которой качество работы оценивается степенью совпадения реакции аудитории переводного текста с реакцией оригинальной аудитории [6]. Только понятные образы, знакомые речевые конструкции, прозрачные аллюзии способны обеспечить равный эмоциональный отклик.

Прагматическая адаптация, по А.Д. Швейцеру, учитывает культурный компонент в переводе, и здесь переводчику отведена роль посредника: он заменяет американские реалии на те, что имеют схожий смысл в русскоязычной культуре [5]. В случае с игрой слов, наиболее сложного для перевода приема, часто применяется прием компенсации, так как несовпадение семантических структур эквивалентных слов в двух языках не всегда позволяет сохранить оригинальный вариант игры слов в переводе. Данная стратегия позволяет восполнить потерянный смысл в других частях текста.

Грамотная работа по переработке смыслов, наделение героев особыми речевыми чертами или добавление ироничных слов помогает поддерживать уровень юмора на протяжении всего комедийного сериала. Использование различных приемов (смысловое развитие, антонимический перевод) позволяет превратить местную социальную сатиру в понятный реципиенту комедийный продукт. Согласно Г.Тури, в видеоконтенте переводчики всё чаще ориентируются на то, чтобы текст был хорошо принят в новой культуре, даже если для этого нужно отойти от буквальной точности [8].

В настоящем исследовании мы анализируем конкретные примеры юмористического контента из сериала *Everybody Hates Chris* и их перевод в русскоязычной версии «Все ненавидят Криса», которые демонстрируют, как именно переводчик адаптирует оригинальные шутки в переводе.

Сюжет сериала «Все ненавидят Криса» основан на реальных событиях из жизни комика Криса Рока. Главная проблема для переводчика состоит в том, что юмор этого сериала тесно связан с жизнью в афроамериканской среде 1980-х годов и многие американские привычки и события 80-х годов незнакомы зрителю перевода. Основная задача переводчика перевести так, чтобы зрителю было смешно, даже если для этого приходится сильно менять исходный текст.

Официальный перевод интересен, прежде всего, тем, что речь идет не столько о локализации, сколько о полной замене реалий, имен персонажей, аллюзий с отсылком культурного наполнения времен СССР и постсоветской России, что, безусловно, находит близкий отклик у отечественного зрителя.

Нами выделено несколько групп, которые были адаптированы таким образом: сюда входят бытовые реалии, имена собственные, устойчивые выражения, специфическая этнолексика, сленговые выражения.

Обратимся непосредственно к выбранным для анализа примерам.

1) *адаптация бытовых реалий:*

«That's 49 cents of milk spilled on my table! Somebody's gonna drink this milk!» [9].

«Ты только что пролил на стол молока на три рубля восемьдесят копеек! Так, быстро взял трубочку и выпил всё до капли!» [10].

При переводе оригинального предложения применена стратегия доместикации и прием замены реалий: переводчик заменяет слово «цент» на слово «рубль», так как это позволяет акцентировать комически преувеличенную бережливость/скупость отца семейства, и сделать образ более осязаемым для русскоязычного зрителя. Согласно В.Н. Комиссарову, это эквивалентность на уровне цели коммуникации [4].

2) *прагматическая адаптация устойчивых выражений:*

«I don't need this, my husband has two jobs!» [9].

«Оно мне надо? У моего мужа две работы! Я женщина приличная, я могу и уйти!» [10].

Во втором примере используется прием синтаксического уподобления с элементами прагматического добавления (по А.Д. Швейцеру) [5]. Здесь переводчик добавляет фразу, типичную для образа «сильной и независимой женщины» в советском и постсоветском культурном коде, что, безусловно, добавляет экспрессии речевой характеристике героини.

3) *передачи сленга и этнолекта:*

«Yo, little dude, let me hold a dollar» [9].

«Слышь, племяш, выручи дядьку рублем». [10].

В этом примере видим использование функционального аналога в переводе. Афроамериканское «little dude» заменяется на простовато-фамильярное «племяш», а «hold a dollar» заменено устойчивым просторечием «выручи рублем». По Ю. Найде, это пример динамической эквивалентности, где реакция русскоязычного зрителя, а именно, узнавание типажа «дворового попрошайки», совпадает с реакцией зрителя оригинала [6].

4) *адаптация названия района Bed-Stuy (Bedford–Stuyvesant):*

«Bed-Stuy (Бруклин, Нью-Йорк)» [9].

«Бед-Стай» / «Райончик» [10].

В настоящем примере переводчик прибег к приему генерализации, использовав слово «райончик» для именованного специфического района для того, чтобы подчеркнуть камерность и «дворовый» характер повествования. Это соответствует «коммуникативному переводу» по П. Ньюмарку, где приоритет отдается передаче атмосферы, а не точному географическому названию, которое ничего не скажет российскому зрителю [7].

Проведенный анализ позволил определить способы, при которых возможно сохранение комического эффекта при столкновении разных языков и традиций. Сериал «Все ненавидят Криса» стал отличным образцом глубокой переработки текста под запросы русскоязычного

зрителя. Среди стратегий, применяемых при переводе проанализированного текста, наиболее частотными можно назвать функциональную замену специфических американских реалий на более понятные нам бытовые образы, а также использование приема компенсации. На конкретных примерах диалогов, имен персонажей и названий эпизодов наглядно видно, что переводчик приходится выступать в роли соавтора при переводе юмористического дискурса.

Таким образом, успех комедийного сериала в другой стране напрямую зависит от качественной локализации. Только путем отхода от буквального перевода юмористического компонента в оригинальном тексте в пользу передачи смысла и эмоций можно добиться того, чтобы иностранный юмор стал по-настоящему понятным и смешным для получателя перевода юмористического дискурса.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. «Язык и перевод». — Международные отношения, 1975.
2. Венути Л. «Невидимость переводчика: история перевода». — Рутледж, 1995.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. С. 304–305. Комиссаров В.Н. «Теория перевода (лингвистические аспекты)». — Высшая школа, 1990.
4. Комиссаров В.Н. «Теория перевода (лингвистические аспекты)». — Высшая школа, 1990.
5. Швейцер А.Д. «Теория перевода: статус, проблемы, аспекты». — Наука, 1988.
6. Найда Ю. «К науке переводить». — Брилл, 1964.
7. Ньюмарк П. «Подходы к переводу». — Пергамон Пресс, 1981.
8. Тури Г. «Описательное переводоведение и не только». — Джон Бенджаминс, 1995.
9. Все ненавидят Криса (Everybody Hates Chris). [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.imdb.com/title/tt0460637/>
10. Особенности локализации зарубежных комедийных сериалов. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-lokalizatsii-komediynyh-serialov>

© Латыпова Л.Ч., Мухамадиев Р.И., 2026

Латыпова Л.Ч.

канд. филол. наук, доцент УУНУТ,

г. Уфа, Россия

Нургалиева А.С.

г. Уфа, Россия

**ПЕРЕВОД СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
В СОВРЕМЕННОМ ЖЕНСКОМ РОМАНЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «МОЯ (НЕ)ИДЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ»)**

В настоящей статье рассматриваются основные жанровые и лингвистические особенности современного литературного направления Chick lit – разновидности женского романа. На материале романа жанра «чиклит» исследуются применяемые стилистические приемы и анализируются переводческие стратегии при передаче стилистических средств оригинала на русский язык.

Ключевые слова: *стилистические средства, женский роман, чиклит, переводческие трансформации.*

Женский роман вот уже несколько веков неизменно пользуется популярностью среди читательниц по всему миру. «Любовный роман – это один из старейших литературных модусов, который повествует об истории ухаживаний и помолвки главных героев» [2, 154], он ассоциируется с темами любви, отношений, семьи, дружбы и другими аспектами жизни женщин. Е.В. Улыбина отмечает, что «так называемый женский роман, он же любовный роман или розовый роман, относится к числу самых популярных жанров, и данное явление чрезвычайно близко по структурным и содержательным особенностям волшебной сказке» [4, 538].

Термин «женский роман» охватывает литературные произведения различных эпох, от Античности и Средневековья и до наших дней. Характерными признаками для произведений этого жанра являются повторяемость сюжетных линий, относительное постоянство состава главных и некоторых второстепенных героев. Это, прежде всего, история счастливой встречи, ухаживаний, любовных страданий, непреодолимых препятствий, и, наконец, воссоединения главных героев. Женский роман – это всегда история с двумя главными персонажами.

Современный женский роман, написанный в эпоху постфеминизма, имеет существенные отличия от классического любовного романа. Этот жанр получил название «чиклит» от англ. Chick-Lit - «литература для цыпочек». Термин первоначально имел сленговое происхождение, затем прочно утвердился в качестве обозначения нового направления в литературе.

Основоположницей жанра «чиклит» считается британская писательница Хелен Филдинг, автор романа «Дневник Бриджит Джонс». По словам Ю.Г. Ремаевой: «Хелен Филдинг обозначила ряд актуальных, судя по отклику читающей аудитории, тем для женщин на рубеже столетий. Произведение явилось хрестоматийным для последующих писательниц и положило начало возникновению феномена «чиклит»» [3, 13].

Авторами произведений этого жанра являются женщины, которые пишут для женской аудитории. Здесь только один главный персонаж, в отличие от классического любовного романа, – это, как правило, женщина от тридцати до сорока, независимая, одинокая, жительница большого города. Она стремится к успеху в карьере, но также надеется устроить личную жизнь. На протяжении всего повествования мы видим попытки совместить личную жизнь с профессиональной, с разной степенью успеха.

Все остальные персонажи в романе представлены как второстепенные, через призму восприятия главной героини, ведь повествование ведется от первого лица. Этот прием способствует созданию в романе доверительной атмосферы между автором и ее читательницами.

Героиня чиклита – это персонаж с недостатками, которые она осознает и над которыми иронизирует. Юмористический тон повествования, вообще, отличительная черта произведений жанра чиклит. Самоирония здесь один из ведущих стилистических приемов. Именно это качество роднит героиню с читательницами, которые видят в ней отражение их самих.

Произведения жанра чиклит не отличаются сложным языком, все аллюзии известны читателю и не требуют поиска дополнительной информации. В тексте множество диалогов, глаголов действия, эмотивной лексики, слов нейтрального стиля, что значительно упрощает восприятие текста.

Анализируемый нами роман «My Not So Perfect Life» [6] принадлежит перу известной британской писательницы Софи Кинселла, автора бестселлеров в жанре чиклит и современной женской прозы. Книга переведена на русский язык Е.Фрадкиной под названием «Моя [не]идеальная жизнь» [5].

Данное произведение — образец исследуемого жанра. Это остроумная и пронзительная книга о давлении социальных сетей, о погоне за идеалом и о смелости быть собой, даже если это не совсем то, что ожидают другие. Роман представляет собой яркое и актуальное исследование феномена конструирования идентичности в эпоху доминирования социальных сетей. Книга поднимает острые вопросы о влиянии виртуальной реальности на самовосприятие, личные отношения и профессиональные устремления.

Ключевым мотивом романа является противоречие между "идеализированной" онлайн-персоной главной героини, Кэти, и ее реальной, зачастую разочаровывающей, жизнью. С.Кинселла мастерски раскрывает психологические механизмы, посредством которых Кэти пытается компенсировать свою неуверенность и социальную незащищенность, создавая тщательно отредактированный образ успешной и вдохновляющей личности в виртуальном пространстве.

В этом романе автор использует большое количество разнообразных стилистических приемов, лексических и синтаксических. Цель настоящего исследования состоит в анализе способов передачи этих приемов на русский язык с опорой на классификацию переводческих трансформаций В.Н. Комиссарова [1].

В первом выбранном нами примере мы видим использование приема парцелляции: *But I studiously ignore it. And the girl. And the men.* - Но я старательно не обращаю внимания. И на девушку. И на двоих мужчин. В переводе данный прием передан полностью, сохранена синтаксическая структура предложения оригинала.

Flora also told me that Demeter had her sitting-room floor imported from France and it's reclaimed oak parquet and cost a fortune. – Флора также рассказала, что Деметра привезла из Франции дубовый паркет для своей гостиной, который стоил целое состояние.

В данном примере идиоматическое выражение *cost a fortune* переводится с помощью русского эквивалента (идиоматический перевод), которое полностью соответствует по смыслу идиоме оригинала.

Пример приема антитезы наблюдаем в следующем предложении: *She's perfect and she's a nightmare.* – Она идеальна – и в то же время она кошмар.

Здесь в одной фразе сталкиваются два противоположных определения *perfect* и *nightmare*, создавая яркий контраст для характеристики сложного, противоречивого образа. Автор перевода применил приём калькирования: *perfect* – идеальна, *nightmare* – кошмар. Кроме того, переводчик использовал прием добавления «и в то же время» для усиления логического противопоставления, тем самым сделав антитезу более явной.

It's a cool nickname. It's short and punchy. It's modern. It's London. It's me. Cat. Cat Brenner. – Потому что это крутое уменьшительное имя. Оно короткое и энергичное. Оно звучит современно. Оно лондонское. Это я. Кэт. Кэт Бреннер.

В данном примере встречаем сразу два стилистических приёма – анафору и парцелляцию. Повторение начального слова *It's* – Оно/Это в нескольких последовательных предложениях создает ритм и подчеркивает важность каждого из перечисленных качеств имени (и самой девушки). Также присутствует прием парцелляции, а именно, предложение *It's me. Cat. Cat Brenner* разбито на три части. Это разделение усиливает эффект

каждого элемента, акцентирует внимание на личности героини и создает впечатление спонтанности и эмоциональности. Каждое "обрубленное" предложение становится более весомым. Переводчик передал данные стилистические средства при помощи опущения *It's – Это*, а также применил фонетическую транслитерацию имени *Cat – Кэт, Brenner – Бреннер*. Для сохранения приема парцелляции автор обратился к синтаксическому уподоблению.

I'm soaked, bedraggled, seaweed-strewn, a total loser. – Я насквозь промокла, меня обвивают водоросли – и я абсолютный лузер.

В этом отрывке автор использовал такой стилистический прием, как нарастание (градация). Видно постепенное усиление негативных характеристик: *soaked* (промокий), *bedraggled* (неопрятный, потрепанный) – имеет более негативное значение, указывает на состояние неопрятности и усталости, *seaweed-strewn* (покрытый водорослями) – добавляет комичности и подчеркивает бедственное положение того, кто оказался в данной ситуации, *a total loser* (полный неудачник) – кульминация, окончательное и самое сильное определение. При переводе градации переводчиком были применены такие переводческие трансформации, как опущение: часть градации "потрепанный" (*bedraggled*) опущена при переводе; смысловое развитие: *seaweed-strewn* переведено как "меня обвивают водоросли", меняя акцент с простого обсыпания водорослями на более активное действие. Это немного смещает фокус с внешнего вида на ощущение попадания в какую-то ловушку, что также усиливает негативный эффект. Кроме того, автор перевода прибегнул к прямому переводу (калькирование): *a total loser* переведено как "абсолютный лузер", что является прямым эквивалентом и сохраняет финальную точку градации.

That I was showing her. Not some piece of crappy scrap paper. Should I say something? Should I stand up for myself? – Мой эскиз, который я ей показываю, – а не какой-то ненужный клочок бумаги. Должна ли я что-нибудь сказать? Следует ли мне постоять за себя?

Риторический вопрос в вышеприведенном примере передает внутренний монолог и размышления главной героини. Переводчик прибегнул к приему синтаксического уподобления, полностью передав стилистический прием оригинала.

"We shouldn't cover our faces!" a man exclaims. "We should cover the minutes of the meeting!" – Нам нужно закрывать не лица! – кричит мужчина. – Нужно закрывать протокол заседания!

В данном примере можем отметить игру слов (каламбур), которая возникает из-за использования одного и того же глагола *cover* (закрывать) в совершенно разных контекстах и с разным значением. При переводе полностью сохранена игра слов, применена такая переводческая трансформация, как синтаксическое уподобление. Также переводчик

применил приём перестановки: оригинальный *shouldn't* в переводе превратился в «нужно», а частица «не» переместилась перед словом «лица», что поменяло тема-рематическую организацию предложения.

My heart surges with joy. I'm remembering his sharp eyes, his restless bony hands, his infectious laugh. His dazzling smile. His thrusting hair, disheveled by the breeze on the roof. – Мое сердце поет от радости. Я вспоминаю его пронизательные глаза, беспокойные худые руки, заразительный смех. Его ослепительную улыбку. Каштановые волосы, которые растрепал ветер на крыше.

В этом небольшом отрывке видим сразу несколько эпитетов, также использован прием метафоры. При передаче последней автор перевода применил способ стилистической замены: *surges with joy* — буквально «вспыхивает от радости», «волнуется от радости» заменено на «поет от радости», идиоматическую метафору, характерную для русского языка (ср.: сердце поёт, душа поёт), так как русский читатель воспринимает «поёт» как естественное выражение радости.

При переводе эпитета *sharp eyes* переводчик прибег к контекстуальной замене: *sharp* имеет значения острый, пронизательный, резкий, суровый. В русском контексте «острые глаза» — звучит как физическая характеристика (например, «острые углы»), а не как черта характера. Это контекстуальная адаптация, так как в русском языке «пронизательные глаза» — устойчивое выражение, означающее умение видеть суть, читать мысли.

При переводе следующего эпитета *restless bony hands* переводчик прием калькирования — *беспокойные худые руки*. При переводе словосочетаний *infectious laugh* (заразительный смех), *dazzling smile* (ослепительная улыбка) использован прямой (буквальный) перевод.

А эпитет *thrusting hair* (торчащие волосы) заменен на «каштановые волосы», так в сочетании с причастием *disheveled* (взъерошенный) получается лексическая избыточность или тавтология.

В результате проведенного анализа можно заключить, в большинстве случаев передача стилистического наполнения оригинала, а именно стилистических приемов, не представляет особых трудностей. Это связано, прежде всего, с жанровыми характеристиками чиклита, простотой языка повествования, отсутствием сложных конструкций, узнаваемостью образов. Среди стилистических приемов преобладают эпитеты, ирония, простые метафоры. При переводе стилистических средств на русский язык переводчик прибегает к различным трансформационным способам (стилистическое уподобление, калькирование, функциональная замена) с целью сохранения этих единиц в тексте перевода.

Список литературы

1. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). — М.: Высшая школа, 1990. — 253 с.
 2. Куркова Д.И. Сравнение жанров «любовный роман» и «chick lit» в американской литературе// Филологический аспект, № 7, 2024. С.154-165.
 3. Ремаева Ю.Г. Постфеминистская проза Британии на рубеже XX – XXI вв. (феномен «чиклит»): автореферат дис. ... канд. филол. наук Н. Новгород, 2007 – 24 с.
 4. Улыбина Е.В. Субъект в пространстве женского романа // Пространства жизни субъекта. Единство и многомерность субъектнообразующей социальной эволюции. / Отв. ред. Э. В. Сайко. М.: Наука, 2004. — С. 538–555.
 5. С.Кинселла. Моя [не]идеальная жизнь.
<https://flibusta.one/books/67848-nmoya--ne-idealnaya-zhizn/reading/?ysclid=mn6be8d2hs315289705>
 6. Sofie Kinsella. My not so perfect life. https://www.bookfrom.net/sophie-kinsella/39221-my_not_so_perfect_life.html
- © Латыпова Л.Ч., Нургалиева А.С., 2026

УДК 81'26

Латыпова Л.Ч.

*канд. филол. наук, доцент УУНУТ,
г. Уфа, Россия*

Сафонова А.А.

г. Уфа, Россия

СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В ТЕКСТАХ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ

В настоящей статье рассматриваются основные характеристики окказионализмов английского языка и их отличие от иных лексических новообразований. На материале текстов жанра фэнтези анализируются словообразовательные модели исследуемых единиц, а также применяемые переводческие стратегии при передаче окказионализмов на русский язык.

Ключевые слова: окказионализмы, фэнтези, перевод, словообразование, переводческие трансформации, индивидуально-авторского неологизм.

Индивидуально-авторское словотворчество, то есть создание писателями новых слов и выражений для наименования различных явлений, событий, предметов, наиболее заметно проявляется в текстах

произведений жанра фэнтези. Для данного жанра характерно построение полностью вымышленных миров, в которых живут уникальные существа, используются необычные предметы и происходят нереальные события. Часто для обозначения таких реалий в языке просто не существует подходящих слов или терминов, в связи с чем писателям приходится специально создавать новые наименования – окказионализмы. «Языковые средства, используемые автором в произведении, становятся функционально значимыми элементами, анализ которых позволяет понять, каким образом автор создает мир, который воспринимается читателем одновременно как понятный и логичный, но в то же время невозможный» [3, 220].

Актуальность настоящего исследования обусловлена высокой частотностью окказионализмов в фэнтезийных текстах, а также сложностью их адекватного перевода на русский язык. Переводчик сталкивается с необходимостью не только передать значение нового слова, но и сохранить его экспрессивность, внутреннюю форму и функцию в художественном тексте.

В лингвистической литературе существуют разные термины для обозначения слов, впервые созданных и не входящих (или еще не входящих) в состав общеупотребительной лексики языка, – неологизмы, новообразования, окказионализмы, индивидуально-авторские лексические единицы и др. Однако, термин «окказионализм», которым мы оперируем, не синонимичен термину «неологизм», и необходимо разграничить эти понятия.

Сам термин впервые был введен лингвистом Н.И. Фельдман в статье «Окказиональные слова и лексикография»: «Под окказиональным словом я разумею слово, образованное по языковой малопродуктивной или непродуктивной модели, а также по окказиональной (речевой) модели и созданное на определенный случай либо с целью обычного сообщения, либо с целью художественной» [5, 67].

Окказионализмы рассматриваются лингвистами как частный вид неологизмов, поскольку оба характеризуются новизной. Но в отличие от неологизмов, новизна окказионализмов сохраняется независимо от времени их создания, так как они значительно реже приобретают статус общеупотребительных слов, а остаются привязанными к конкретному тексту и автору. «Окказионализм – языковая единица, возникшая «по okazji» – случаю, необходимая для решения коммуникативных задач в определенный момент речи. Их характеризует стилистическая экспрессия, неожиданность, яркость и, чаще всего, одномоментность» [1, 201].

Основная функция неологизмов – номинативная, в то время как окказионализмы, помимо номинативной, выполняют экспрессивную, стилистическую и характеризующую функции в тексте. Экспрессивная функция состоит в придании выразительности и образности реалиям, не

существующим во вне языковой действительности. Стилистическая функция окказионализма проявляется в его эмотивной и оценочной окраске. Авторское отношение к персонажу, которое автор желает донести до читателя, выражается характеризующей функцией окказионализма. Еще одной его функцией является экономия языковых средств, так как лаконичная форма нового слова может сделать текст более емким и глубоким за счет краткости описания [4].

Для переводчика особое значение имеет полное сохранение, по возможности, указанных функций окказионализмов в тексте перевода. Многочисленные исследования отмечают, что к способам перевода этих единиц можно отнести транскрипцию либо транслитерацию, калькирование, описательный перевод, перевод с помощью функционального аналога (культурная адаптация), замена общеупотребительным словом или термином [2] и создание собственного индивидуально-авторского неологизма (окказионализма).

Выбор способа перевода во-многом обусловлен пониманием внутренней формы новообразованного слова, т.е. его мотивацией. В лингвистике выделяют разные типы мотивации слова: фонетическую (звукоподражание), семантическую (через сравнение, метафору и др.) и морфологическую (словообразовательную, с помощью приставок, суффиксов, словосложения, словослияния и др.).

Окказионализмы могут быть образованы как в соответствии с языковыми закономерностями словообразования, так и с нарушением этих норм, с использованием продуктивных и малопродуктивных словообразовательных способов в современном английском языке.

Среди основных способов образования окказионализмов можно выделить несколько наиболее продуктивных, примеры которых встречаются в серии романов английской писательницы Джоан Роулинг о Гарри Поттере [7], [6]. Рассмотрим их подробнее с опорой на выбранный материал исследования.

1) Словосложение представляет собой способ образования новых лексических единиц путём объединения двух или более основ. Данный механизм обеспечивает создание слов с относительно прозрачной внутренней структурой. Примером служит лексема *house-elf*, которая в переводе М. В. Спивак получает соответствие «домовик». Здесь реализуется стратегия культурной адаптации: переводчик апеллирует к образу, знакомому русскоязычному читателю (использование функционального аналога), однако происходит частичная семантическая трансформация, поскольку английское и русское понятия не являются полностью эквивалентными, что приводит к определённым смысловым сдвигам.

2) Аффиксация заключается в присоединении приставок и суффиксов к существующим основам, что позволяет формировать новые

слова с дополнительными коннотациями и способствует повышению выразительности текста. При создании окказионализма *de-gnome the garden* автор также прибегает к приему аффиксации (префиксации). Переводчик использует описательный перевод, как наиболее оптимальный и не противоречащий нормам русского языка – «выдворить гномов из сада». Подобный способ перевода способствует декодированию семантики новообразования и обеспечивает его понимание, но при этом утрачивается одна из функций окказионализма – экономия языковых средств (лаконичность).

Еще одним примером аффиксации может служить лексема *Auror*, образованная путем присоединения к корневой основе *aur-* (с лат. свет, заря) суффикса агента действия *-or*. В переводе единица передана при помощи транскрипции «аврор». Такой подход обеспечивает сохранение формального облика оригинала, однако внутренняя мотивация слова, связанная с его этимологией, остаётся неочевидной для русскоязычного читателя, что может затруднять его интерпретацию вне широкого контекста.

3) Контаминация (или смешение основ) основана на объединении фрагментов разных слов в единую лексическую единицу. Окказионализмы, созданные этим способом, отличаются высокой степенью новизны и экспрессивности, но их интерпретация может вызывать определённые трудности. Так, слово *Pensieve*, образованное от *pensive* (adj. thinking in a quiet way, often with a serious expression on your face (задумчивый)) и *sieve* (tool with a mesh bottom for separating materials (сито)), в переводе М. Спивак получает соответствие «Омут памяти». Здесь наблюдается семантическая адаптация с элементами образной компенсации: словообразовательная игра и внутренняя форма оригинала утрачиваются, однако создаётся новый образ, позволяющий передать функциональное значение объекта. Таким образом, применение функционального аналога позволяет максимально приблизить текст перевода к оригиналу по смыслу и стилистическому эффекту.

4) Семантическое переосмысление предполагает присвоение общеупотребительным словам новых значений в рамках вымышленного мира. Этот способ позволяет автору оперировать уже известной лексикой, наполняя её оригинальным содержанием. В английском языке слово *mug* (UK informal – a person who is stupid and easily deceived) означает человека недалекого и легковверного. В переводе лексемы *Muggle* – «маггл», образованного от слова *mug* путем добавления суффикса *-le* (смешанный тип), в варианте перевода М. В. Спивак используется транскрипция. Как видим, данный приём перевода обеспечивает сохранение фонетического облика и узнаваемость лексемы, однако внутренняя форма и этимологические связи остаются нераскрытыми. Также, иронично-

пренебрежительная коннотация, присущая оригиналу, в русском варианте теряется, что свидетельствует о потере стилистической окраски.

5) В случае со образованием следующей единицы *He-who-must-not-be-named* (фразовый окказионализм), автор применяет смешанный тип словообразования – словосложение и синтаксическое оформление (синтаксическое словосложение), при этом придаточное определение становится именем собственным. В переводе используется калькирование «Тот-кого-нельзя-называть». Калькирование, как способ перевода, весьма эффективен в тех случаях, когда структура окказионализма прозрачна и его составные элементы легко воспроизводятся лексическими средствами языка перевода.

6) Полностью авторские новообразования не имеют очевидной связи с существующими словообразовательными моделями и часто используются для номинации имён собственных и уникальных реалий. Примером служит название школы магии *Hogwarts*, которое в переводе транскрибируется как «Хогвартс». Такой способ позволяет сохранить фонетический облик и подчеркнуть уникальность реалии, однако внутренняя форма слова остаётся нераскрытой для читателя. Аналогично название игры *Quidditch* передаётся как «квиддич», что обусловлено отсутствием у слова прозрачной структуры и необходимостью сохранить его уникальность как элемента вымышленного мира.

Анализ переводческих стратегий, применяемых при передаче окказионализмов в художественных текстах жанра фэнтези, свидетельствует о широком спектре используемых приёмов. Переводчик прибегает к транскрипции, калькированию, описательному переводу, семантической адаптации и культурной замене. Выбор конкретного способа детерминирован структурой окказионализма, степенью его семантической прозрачности, а также функциональной нагрузкой в оригинальном тексте.

Таким образом, можно заключить, что при грамотной переводческой интерпретации и правильно подобранной замене в языке перевода, окказионализмы оригинала сохраняют заложенные автором функции новообразованных единиц. В текстах жанра фэнтези это позволит читателю в полной мере погрузиться в созданный писателем вымышленный мир и увидеть этот мир и его жителей глазами автора.

Список литературы

1. Абубекова Д.Г. Неологизмы, окказионализмы, «ковидизмы»// Доклады Башкирского университета. 2021. Том 6. № 3. С. 200-204.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). — М.: Высшая школа, 1990. — 253 с.
3. Ложкина Д.Д. Языковые средства создания фантастического мира художественного произведения (на материале романа С. Логинова

«Многорукий бог Далайна») // Доклады Башкирского университета. 2019. Том 4. № 2. С. 220-225.

4. Пацула Ю.Н. Окказионализмы новейшего времени: Структурно-семантический и функционально-прагматический аспекты: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Рост. гос. пед. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2005. - 25 с.

5. Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. 1957. № 4. С. 64-73.

6. Роулинг Дж.К. Гарри Поттер (серия романов) / пер. М.В. Спивак. — М.: Махаон, 2014–2018.

7. J. K. Rowling. Series: Harry Potter. <https://www.bookfrom.net/j-k-rowling/?ysclid=mnih9f6ra896241351>

© Латыпова Л.Ч., Сафонова А.А., 2026

УДК 81.322

Мифтахова Р.Г.

к. филол. н., доцент УУНУТ

г. Уфа, Россия

Виноградов А.В.

г. Уфа, Россия

ПЕРЕВОД ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОЛЛОКАЦИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ

Статья посвящена решению проблем перевода этнокультурных коллокаций – устойчивых словосочетаний, содержащих национально-специфический компонент значения. Основное внимание уделяется возможностям корпусных технологий, в частности параллельных и однопольных корпусов, в поиске адекватных переводческих решений. Анализируются методики работы с корпусными данными, преимущества и ограничения их применения, а также приводятся конкретные примеры перевода этнокультурных коллокаций. Исследование показывает, что корпусы являются незаменимым инструментом для верификации гипотез и поиска контекстуальных соответствий, однако их эффективность зависит от репрезентативности и объема данных.

Ключевые слова: *этнокультурная коллокация, корпусная лингвистика, параллельный корпус, перевод безэквивалентной лексики, корпус.*

Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к переводу лингвоспецифичных единиц, которые не имеют прямых эквивалентов в другом языке и требуют от переводчика глубокого

понимания культурного контекста. К таким единицам относятся и этнокультурные коллокации.

Этнокультурные коллокации – особенный тип коллокаций, свойственный определенному языковому коллективу и отражающий социально значимые явления и устойчивые словосочетания [1], которые отражают национально-культурные особенности и часто вызывают трудности при переводе (например, *tea time*, *Thanksgiving dinner*, масленичные гулянья). Традиционные словари не всегда предоставляют достаточную информацию об их употреблении, что делает необходимым обращение к более динамичным и контекстуально насыщенным ресурсам – лингвистическим корпусам. Корпусная лингвистика, основанная на анализе больших массивов аутентичных текстов, за последние десятилетия стала важным инструментом в переводческой деятельности [4]. Корпусы позволяют не только изучать языковую норму и вариативность, но и решать практические задачи перевода, особенно когда речь идет о безэквивалентной лексике. В связи с этим целью данной статьи является анализ возможностей и ограничений корпусных данных при переводе этнокультурных коллокаций. Для достижения цели ставятся следующие задачи: дать определение этнокультурным коллокациям и охарактеризовать их место в классификации коллокаций; описать методики использования корпусных данных (параллельных и одноязычных) для перевода этнокультурных коллокаций; проанализировать конкретные примеры перевода с применением корпусных инструментов; выявить преимущества и ограничения корпусного подхода.

В работе используются методы контекстуального анализа, сравнительного сопоставления результатов работы с корпусом и словарями, а также индуктивный метод для обобщения выводов на основе анализа конкретных языковых пар.

Коллокация – термин, пришедший к нам из западных источников. Различные ученые дают разные трактовки этого понятия: Г. Пальмер: «последовательность двух или более слов, которые должны изучаться как неделимое целое»; Мортон Бенсон: «комбинации слов, которые неоднократно появляются вместе в определенном языке»; Кьеллмер: «грамматически правильная последовательность слов, которая встречалась более одного раза». [8] Коллокация так же понимается как устойчивое сочетание слов, характеризующееся регулярной совместной встречаемостью его компонентов. В классификации М. В. Влавацкой коллокации подразделяются на традиционные (*to give a speech*), экспрессивные (*exhausting day*), этнокультурные (*tea time*), терминологические и окказиональные. [2] Именно этнокультурные коллокации представляют особый интерес для переводоведения, так как они несут в себе специфический культурный компонент значения и часто

относятся к безэквивалентной лексике. Перевод таких единиц требует не только лингвистической, но и культурологической компетенции. Переводчик сталкивается с необходимостью найти решение, которое адекватно передаст смысл и культурный фон оригинала, сохранит его стилистическую окраску и будет естественно звучать в языке перевода.

Корпусная лингвистика берет начало в 1950-х годах, когда Ноам Хомский в своей работе «Теория трансформационной грамматики» предложил построение компьютерных формализмов и тем самым заложил основы этого направления [9]. В последние два десятилетия роль корпусов в переводческой деятельности получает сильную значимость. Ранее переводчики имели возможность обращаться только лишь к словарю, который давал лишь несколько примеров употребления единицы и мог быстро устареть. Ни один бумажные или электронные словари не мог полностью передать полную картину употребления или значения одной лексической единицы во всех ее сочетаниях, так как те ограничены в своих объемах, и не всегда могут обновляться. Лингвистический корпус определяется как репрезентативная совокупность текстов, собранная по определенным критериям для решения исследовательских задач [5].

Для переводческой практики наибольшую ценность представляют:

- Параллельные корпуса, содержащие тексты на исходном языке и их переводы. Они позволяют напрямую увидеть, как та или иная единица уже переводилась профессионалами в аналогичном контексте (например, Национальный корпус русского языка, Lingvo Live, Reverso Context)

- Национальные корпуса (например, BNC, COCA), которые помогают изучить особенности употребления слова или сочетания в аутентичных контекстах, понять его семантику, стилистику и частотность.

Корпусы выступают в роли «виртуального носителя языка», предоставляя переводчику не готовые ответы, как словарь, а богатый материал для самостоятельного анализа и принятия решений [4]. Работа с корпусными данными при переводе этнокультурных коллокаций может строиться по следующему алгоритму:

- Выявление и анализ коллокации в исходном языке. С помощью одноязычного корпуса определяется частота употребления, типичное лексическое окружение, стилистическая и семантическая нагрузка сочетания.

- Поиск переводческих соответствий в параллельном корпусе. Вводится исходная коллокация, и система выдает примеры ее перевода в различных контекстах. Это позволяет увидеть спектр возможных вариантов: от калькирования и транслитерации до описательного или трансформационного перевода

- Верификация вариантов в корпусе языка перевода. Найденные кандидаты проверяются в одноязычном корпусе целевого языка на предмет естественности и частотности.

– Контекстуальный анализ и выбор окончательного варианта. Сопоставляются контексты из параллельного корпуса и результаты верификации, после чего выбирается наиболее адекватное решение для конкретного переводимого текста.

Такой подход, основанный на реальных языковых данных (data-driven learning), развивает у переводчика индуктивное мышление и позволяет занять активную позицию в поиске оптимального решения [3]. Рассмотрим гипотетические примеры работы с этнокультурными коллокациями (с использованием классификации переводческих трансформаций Я.И. Рецкера [11]). При переводе на русский язык английской коллокации “kick the bucket” – нельзя использовать буквальный вариант «пнуть ведро», так как в этом случае эвфемизм будет звучать бессмысленно. При поиске в параллельном корпусе НКРЯ можно получить следующий вариант: “I hope I shall kick the bucket long before I'm as old as grandfather, he thought.” – «Надеюсь, что я отправлюсь на тот свет прежде, чем стану таким стариком, как дедушка, — подумал он.» [8] Использована лексическая трансформация компенсации – коллокации успешно подобран подходящий по смыслу эвфемизм «отправиться на тот свет» (оба означают «умереть»). Другой пример – “late bloomer” («поздно цветущий»), тот, кто поздно развивается в какой-либо сфере: “So what exactly does it mean to be a late bloomer? Simply put, a late bloomer is a person who fulfils their potential later than expected; they often have talents that aren't visible to others initially.” – «А что значит – быть поздним цветком? Попросту говоря, поздний цветок – это человек, который реализует свой потенциал позже, чем ожидалось.» [9] В данном случае использована трансформация модуляции – выражение «поздний цветок», подходящее по смыслу в контексте поздней реализации потенциала, при этом частично сохраняя оригинальную форму коллокации (метафора «цветения»). Дополнительно, рассмотрим пример перевода русской этнокультурной коллокации «бить баклуши» на английский язык: «Теперь прощайте, мне некогда-с, у нас ревизор-с, обязанности службы прежде всего; вам бить баклуши, а нам тут сидеть за делами-с.» – “Now, good-bye. I am busy. We have the Inspector here — the duties of the service before everything; you can kick up your heels, but we have to sit here at work.” [10] В данном случае использовалась трансформация компенсации – контекстуально подбирается выражение “kick up your heels”, примерно означающее «веселиться (беззаботно)», что в целом соответствует русской коллокации «бить баклуши» – бездельничать (иными словами – в обоих случаях «не заниматься чем-то полезным»).

Таким образом, корпусные данные подталкивают переводчика к выбору не буквального, а функционально-адекватного варианта, который передает смысл и ритуал, стоящий за исходным понятием.

Преимущества корпусного подхода очевидны: доступ к аутентичным примерам, возможность увидеть частотность и вариативность перевода,

развитие переводческой компетенции. Однако исследование Е.И. Архиповой указывает на существенные ограничения: использование параллельных корпусов возможно лишь для ограниченного количества этнокультурных коллокаций в силу недостаточного охвата этой специфической лексики в существующих корпусах. [3] Качество результатов также напрямую зависит от объема и репрезентативности корпуса, а работа с низкочастотными коллокациями требует более изощренных методик поиска и анализа. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что корпусные данные являются необходимым инструментом в арсенале переводчика, работающего с этнокультурными коллокациями. По сути, корпуса стали неотъемлемой частью переводческого процесса. Они предоставляют уникальную возможность подтверждать гипотезы о вариантах перевода, а также находить контекстуально обусловленные решения там, где традиционные словари бессильны. Они способны серьезно облегчить процесс переводческой деятельности. Однако потенциал корпусов полностью раскрывается лишь при осмысленном их использовании. Переводчик должен учитывать ограничения, связанные с покрытием лексики и объемом данных, и комбинировать корпусные методы с другими переводческими стратегиями, а также иметь в виду, когда использовать универсальные, или, в зависимости от тематики, корпуса узкой направленности. Перспективы дальнейших исследований видятся в разработке специализированных корпусов, ориентированных на культурно-специфическую лексику, и в создании более совершенных инструментов для их анализа, что позволит повысить качество и эффективность перевода этнокультурных коллокаций.

Список литературы

1. Arkhipova E. I., Vlavatskaya M. V. Ethnocultural Collocations in the Context of Combinatorial Linguistics // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2019. Vol. 333. Humanities and Social Sciences: Novations, Problems, Prospects (HSSNPP 2019).
2. Комбинаторная лексикология: функционально-семантическая классификация коллокаций // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2015. – № 11(53): в 3-х ч. – Ч. I. – С. 56-60.
3. Применение параллельного корпуса для перевода этнокультурных коллокаций, Архипова Е.И. // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2022. – Т. 15. – Вып. 2. – С. 554–558.
4. Изучение реалий и способов их перевода при помощи корпусов, Прошина У.М. // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2023. Т. XX. Вып. 1. С. 242–248.
5. Анализ и перевод низкочастотных коллокаций с помощью корпусов, Черноусова А.О. // *Сборник научных статей*. – Екатеринбург: УрФУ, 2019. – С. 140–147.

6. Черноусова Анна Олеговна К вопросу о коллокациях // Вопросы современной лингвистики. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kollokatsiyah>

7. Черноусова Анна Олеговна Исследование письменного перевода коллокации с русского языка на английский с применением корпусов английского языка // Вестник ТГГПИУ. 2018. №2 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-pismennogo-perevoda-kollokatsii-s-russkogo-yazyka-na-angliyskiy-s-primeneniem-korpusov-angliyskogo-yazyka>

8. John Galsworthy. In Chancery (1920) | Джон Голсуорси. В петле (М. Богословская, 1946)

9. Rich Karlgaard. Late Bloomers: The Power of Patience in a World Obsessed with Early Achievement (2019) | Рич Карлгаард. Поздний расцвет. Как взрослым добиться успеха в мире, одержимом ранним развитием (Ксения Свешникова, 2020)

10. Ф. М. Достоевский. Ползунков (1848) | Fedor Dostoevsky. Polzunkov (Constance Garnett, 1918)

11. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Международные отношения, 1974.

© Мифтахова Р.Г., Виноградов А.В., 2026

УДК 81'25

Мифтахова Р.Г.

канд. филол. наук, доцент УУНУТ

г. Уфа, Россия

Понамарев И.К.

г. Уфа, Россия

ПЕРЕВОД ПОЭЗИИ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Статья посвящена использованию вычислительных методов для решения классической дилеммы поэтического перевода — сохранению баланса между смыслом и метрикой. Описан алгоритм верификации стихотворного размера на основе фонетического словаря CMUdict и языка Python. На примере перевода фрагмента А. С. Пушкина «Зимний вечер» продемонстрировано, как технический инструментарий помогает переводчику подбирать эквивалентные соответствия, исключая метрические сбои и спондеи.

Ключевые слова: перевод поэзии, технические средства перевода, Python, CMU Pronouncing Dictionary, фонетический анализ, художественный перевод.

Перевод поэзии представляет собой наисложнейшую задачу для переводчика. Однако, помимо сложности самой задачи, на переводчике

лежит ответственность за доступное и грамотное воспроизведение оригинального текста на другом языке. От того как переводчик справиться с данной задачей, зависит дальнейшая судьба произведения, и то как его примут в другой культуре. Сейчас получили свое развитие различные технические средства, которые могут помочь в процессе перевода для поиска подходящих по смыслу и звучанию слов. Актуальность обуславливается сложностью задачи и развитием средств, помогающим воспроизвести текст оригинала на другом языке с большой точностью. Важно понимать, что данные средства лишь помогают в процессе перевода, а не работают за переводчика. Цель исследования заключается в том, чтобы показать, каким образом технические средства помогают в процессе перевода поэзии. В первую очередь, в ходе исследования будет рассмотрен язык программирования Python и инструментарий фонетического корпуса CMU Pronouncing Dictionary (CMUdict).

Прежде всего стоит обозначить различные подходы перевода поэзии, выявленные заслуженными переводчиками и лингвистами. Например, прозаический подход, который часто связывают с именем В.В. Набокова. В своем переводе произведения "Евгений Онегин" А.С. Пушкина, он использовал дословный перевод, чтобы не исказить смысл оригинала. В.В. Набоков считал, сохранение рифмы и звучания неизбежно ведет к искажению смысла. Из этого следует, что суть данного подхода в максимально точной передаче семантики, метафор и образов, однако, из-за этого происходит утрата рифмы и музыкальности оригинала. М.Л. Лозинский выявил свой подход – эквилинеарный и эквиритмический перевод. Суть данного подхода заключается в сохранении количества строк и точное воспроизведение стихотворного размера. Однако и у этого метода есть недостаток, русский и английский языки имеют разную среднюю длину слова. Из-за этого возникают моменты, когда смысл приходится втискивать в тесные рамки. Далее будет рассмотрен подход поэтической вольности или, другими словами, адаптации. Ярким представителем этого подхода был В.А. Жуковский. Именно он автор цитаты: «Переводчик в прозе — раб, переводчик в стихах — соперник». Смысл данного высказывания в том, что при переводе прозы переводчик ограничен в выборе слов, а при переводе поэзии у переводчика появляется больше свободы. Суть подхода в воспроизведении оригинального текста на родном языке, но с изменением образов на более близкие к культуре языка перевода, но есть риск потерять авторскую идентичность оригинала. Традиционно при переводе поэзии переводчик проходит одни и те же стадии: поиск синонима, проверка ударения, а затем подстановка и в случае, если слово не подходит, приходится начинать все сначала. Именно здесь в ход вступают технические средства, используя фонетическую базу CMUdict, можно просканировать тысячу лексем за секунды, и найти вариант, который будет безупречен с точки зрения ритма. Для

демонстрации данного подхода, стоит перейти к практическому примеру перевода произведения с русского на английский язык. На перевод будет взято стихотворение А.С. Пушкина «Зимний вечер». Следует обозначить этапы перевода, при использовании Python и CMUdict. В первую очередь, переводчик сам делает черновой вариант перевода всего стихотворения или отдельной строки, и затем, если он хочет добиться точного повторения формы оригинала, свой черновой вариант он загружает в Python и проверяет по базе данных CMUdict, в ней каждому слову сопоставлена последовательность фонем в кодировке ARPAbet, а позиция ударения обозначается цифровыми индексами (0 — безударная позиция, 1 — основное ударение, 2 — второстепенное ударение). Данная структура позволяет осуществлять не лемматизированный, а фонетически ориентированный поиск. Следует провести анализ ритмической структуры оригинального произведения. В нем используется четырехстопный хорей с чередованием женских и мужских рифм.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...

Черновой вариант перевода:

Storm is covering the sky with mist,
Snowy whirlwinds are spinning around;
Sometimes it howls like a wild beast,
Sometimes it cries like a small child.

Данный вариант перевода не сохраняет форму и звучание оригинала, поэтому следует обратиться к помощи баз данных, для поиска синонимов, подходящих под структуру четырехстопного хорея. В среду Python импортируются базы данных Wordnet для поиска синонимов и CMUdict для проверки их ритмического рисунка. Хорей в записи CMUdict будет выглядеть как 10, то есть ударение падает на первый слог, второй слог безударный. Ритмический рисунок оригинала 10 10 10 10, именно такой нужно получить в переводе. Ключевые слова первой строки:

Storm
Mist/Gloom
Sky/Heavens
Covering/Covers

Через функцию `get_rhythm` происходит проверка на пригодность этих слов. Результаты: Storm - соответствует хорее (1 - ударный слог), Gloom — соответствует (1), Covering - не соответствует (100 - 3 слога), Covers - идеально соответствует (10), Heavens - идеально соответствует (10). Исходя из проверки, первая строка должна звучать так: Storm with mist the heavens covers (10 10 10 10 - ритм совпадает с оригиналом). При анализе второй строки («Вихри снежные крутя») учитывалась необходимость

соблюдения мужского окончания (завершение фразы на ударный слог при общем количестве в 7 слогов). Использование лексем Whirlwinds, Snowy и Twisting (каждая — ритма 10) в сочетании с финальным акцентированным предлогом Round (ритм 1) позволило выстроить конструкцию «Whirlwinds snowy twisting round». Данная последовательность обеспечила требуемую схему 10-10-10-1. Третья строка («То, как зверь, она завоет») потребовала более детальной итерации. Первоначальный вариант «Like a wild beast it bellows» при программной проверке выявил ритмическую ошибку: стык слов wild beast создавал структуру 1-1 (спондей), что лишало строку необходимой легкости. Путем лексической замены была получена конструкция «Like a beast it starts to bellow». Программная валидация подтвердила ритм 1-0-1-0-1-0-1-0, что соответствует эталонным 10-10-10-10 с женским окончанием. Для завершающей четвертой строки («То заплачет, как дитя») была возвращена семисложная структура с финальным ударением. Проверка сочетания слов Whimpers (10) и Child (1) с конструкцией Like a подтвердила их пригодность. Итоговая строка «Then it whimpers like a child» получила ритмический код 10-10-10-1. Итоговый перевод четверостишия:

Storm with mist the heavens covers,
Whirlwinds snowy twisting round;
Like a beast it starts to bellow,
Then it whimpers like a child...

Подводя итог данной работы, прежде всего стоит отметить, что перевод поэтических текстов, несомненно, считается одной из сложнейших задач для переводчика, однако технические средства не стояли на месте и развивались достаточно быстро, и сейчас эта задача несколько облегчилась. Нельзя не упомянуть, что технические средства, которые были рассмотрены в ходе данного исследования, лишь помогают переводчику в процессе работы над произведением, а не делают работу за него. Если говорить в общем, то это всего лишь один из подходов перевода поэзии, и некоторые из этих подходов были рассмотрены в ходе работы. Цель исследования заключалась в рассмотрении и демонстрации подхода перевода поэзии с помощью технических средств. Для примера было выбрано стихотворение А.С. Пушкина «Зимний вечер», и для сохранения благозвучия и ритмического рисунка оригинала были использованы базы данных и инструментарий среды Python. Таким образом, цель исследования была достигнута: предложенный метод позволил не только сохранить формальную структуру оригинала, но и продемонстрировать, как автоматизированный поиск лексики с заданным ритмическим рисунком способен органично дополнить творческий процесс переводчика, обеспечивая высокую точность воспроизведения звучания без ущерба для смысловой нагрузки произведения.

Список литературы

1. Высокое искусство [Текст]: принципы художественного перевода / Корней Чуковский. – Москва: Азбука: Авалонь, 2011. – 442, [1] с.; 18 см. – (Азбука-классика); ISBN 978-5-389-01401-5.
2. Комментарий к роману А. С. Пушкина "Евгений Онегин" / Владимир Набоков; Пер. с англ. [Е. М. Видре]. – СПб.: Искусство-СПБ: Набоковский фонд, [1998]. – 924, [1] с.: ил.; 26 см.; ISBN 5-210-01490-8.
3. Тезисы доклада М. Лозинского "Искусство стихотворного перевода" [Текст]. – [Москва]: стеклогр. Цедрама, [1935]. – 3 с.
4. Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. — М.: Советский писатель, 1963.
5. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002.
6. Jurafsky D., Martin J. H. Speech and Language Processing. — Pearson, 2023, pp. 63-67.
7. Bird S., Klein E., Loper E. Natural Language Processing with Python — O'Reilly Media, 2009.
8. The CMU Pronouncing Dictionary. Carnegie Mellon University. // URL: <http://www.speech.cs.cmu.edu/cgi-bin/cmudict> (дата обращения: 29.03.2026).

© Мифтахова Р.Г., Понамарев И.К., 2026

УДК 81'25

Морозкина Е.А.

*д-р филол. наук, профессор УУНУТ,
г. Уфа, Россия*

Вашенко А.П.

г. Уфа, Россия

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Изучение каузативных глаголов в аспекте переводоведения является одной из актуальных задач современного сопоставительного языкознания. В статье изучается изменение синтаксической валентности каузативных глаголов при переводе художественного текста с английского на русский язык. В ходе исследования рассматриваются основные расхождения в валентностной структуре данного класса предикатов.

Ключевые слова: синтаксическая валентность, каузативность, каузативные глаголы, перевод.

Каузативность является одной из основных грамматических категорий, выражающих причинно-следственную связь. Особый научный интерес в современной лингвистике представляют каузативные глаголы. При сравнении каузативного глагола и его некаузативного коррелята в рамках одного языка можно говорить о проблеме увеличения или уменьшения его синтаксической валентности, которая связана с тем обстоятельством, что при изменении диатезы глагола с активной на каузативную появляются актанты, которые приносят во фразу дополнительную валентность. Сопоставительное исследование каузативных глаголов в разных языках, имеющих существенные расхождения в плане выражения грамматических отношений, позволяет изучить данный класс предикатов и проанализировать изменение валентностной структуры глагола. Как справедливо отмечалось Е. А. Морозкиной, Токаревым М. В., Терентьевым О. С., перевод художественных текстов «отличается высоким уровнем сложности» [7, 96]. При переводе таких текстов необходимо учитывать каузативные конструкции, перевод которых представляет собой определенную трудность, ввиду различий в способах выражения причинно-следственных связей в разноструктурных языках. Несмотря на наличие теоретических работ отечественных и зарубежных ученых по данной теме, на сегодняшний день малоизученными остаются вопросы передачи каузативных глаголов с английского на русский язык, а также сохранения их синтаксической валентности при возможных переводческих трансформациях, что определяет актуальность данного исследования.

Цель настоящей статьи предполагает изучение закономерностей преобразования синтаксической валентности каузативных глаголов при их переводе с английского на русский язык. На примере текста оригинала романа Джорджа Оруэлла «1984» [11] и его русскоязычной версии перевода, выполненного В. П. Голышевым [8], предполагается продемонстрировать изменения в числе актантов предикатов данной категории в процессе перевода. Полагаем, что при переводе с английского на русский язык синтаксическая валентность каузативных глаголов должна сохраняться.

Предложение может состоять из разных структурных элементов, при этом обязательным является наличие синтаксической связи, которая объединяет все компоненты. Синтаксические связи, в свою очередь, образуют узлы, то есть совокупность подчиняющего и подчиняющегося слова. Центральным узлом называют тот, которому – прямо или косвенно – подчиняются все слова в предложении; обычно такой узел образует глагол в сочетании с другими частями речи [9, 26]. Так, справедливо говорить, что глагол – это ядро любого, за исключением односоставного назывного, предложения. Глагол подчиняет себе актанты – субъекты и объекты действия, выраженные именем существительным, и сирконстанты

(при наличии таковых в предложении), которыми обычно являются наречия. Количество актантов глагола варьируется в зависимости от значения самого предиката.

В своем труде «Основы структурного синтаксиса» французский ученый Л. Теньер разграничивает диатезу активную, пассивную, возвратную (рефлексив) и взаимную (реципрок), причем говорит и о существовании в языке каузативной диатезы, что, по мнению лингвиста, представляет собой операцию, которая заключается в увеличении на одну единицу числа актантов. Обратной операцией является диатеза рецессивная, то есть уменьшение на одну единицу числа актантов [9, 273].

Каузативность в английском языке – это грамматическая категория, которая используется для описания ситуации, когда субъект не выполняет действие самостоятельно, а кто-то выполняет эти действия для субъекта или по его заказу, что является семантикой воздействия. Г. А. Золотова определяет каузативность как «выражение причинно-следственных отношений, в которых воздействие субъекта или события вызывает действие, состояние, изменение качества другого субъекта», и считает, что «значение воздействия субъектов, вызывающее изменения в предметах, предопределяющее появление новых ситуаций, называют в лингвистике каузативным» [3, 267]. Например, *разбить* – значит оказать такое воздействие, чтобы что-либо разбилось и т. п. Глаголы в каузативной диатезе называют каузативными глаголами. Е. Я. Гордон считает, что каузативным является глагол, имеющий соотносительный некаузативный коррелят и означающий побуждение к совершению действия или к изменению состояния, признака или качества [2, 77]. Каузативный глагол – это основное средство выражения категории каузативности. К данному классу предикатов в английском языке относят глаголы *let, make, get, force, have*.

В русском языке каузативные глаголы – это переходные глаголы со значением причинности. Они, как правило, обозначают одновременно и причину – воздействие, и её следствие – изменение. При этом не все переходные глаголы являются каузативными. Например, в словосочетании «строить дом» *строить* – глагол переходный, но не каузативный, так как не обозначает воздействия на какой-либо объект. Рассматривая пару глаголов *бояться/пугать*, можно заметить, что *бояться* – это непереходный глагол со значением «испытывать страх», а переходный глагол *пугать* обозначает «оказать такое воздействие, чтобы кто-то испытал страх», что позволяет назвать его каузативным.

Значение волевого воздействия в русском языке передаётся только небольшой группой глаголов, значение которых связано только с выражением волевого воздействия. В русском языке к ним относятся глаголы: *дать, заставить, позволить, приказать, велеть, просить, принуждать* и др [10].

Согласно семантической классификации каузативных глаголов, предложенной Е. Е. Корди в 2004 г., данный класс предикатов можно разделить на следующие виды: фактитивные, когда субъект инициирует объект к действию, причем конструкции данного типа характеризуются бóльшей активностью со стороны субъекта каузации или же каузатора; пермиссивные, когда субъект позволяет объекту осуществить действие; ассистивные, когда субъект помогает объекту в совершении действия [5].

Л. Теньер утверждает следующее: «Если число актантов увеличить на одну единицу, то новый глагол будет каузативным по отношению к исходному» [9, 273]. Исходя из данного выше определения, можно заключить, что основной характеристикой каузативного глагола является появление дополнительного актанта, иными словами, каузативная деривация, которая, в свою очередь, приводит к расширению актантной структуры глагола. Так, когда изменяется диатеза, меняется и число актантов глагола, что ведет к расширению его синтаксической валентности.

Термин «синтаксическая валентность» в языкознание ввел Л. Теньер, позаимствовав понятие «валентность» из химии. По количеству актантов, подчиняющихся глаголу, Л. Теньер различает четыре вида глаголов: безвалентные (в традиционной грамматике – безличные), одновалентные (в традиционной грамматике – непереходные), двухвалентные (переходные – в традиционной грамматике) и трехвалентные.

В отечественной лингвистике теория синтаксической валентности нашла отражение в работах многих выдающихся ученых. С. Д. Канцельсон определял синтаксическую валентность как заключающуюся в лексическом значении слова синтаксическую потенцию, т. е. способность присоединить к себе другое категориально вполне определенное полнозначное слово [4, 20]. С. Д. Канцельсон отмечал необходимость различать два вида синтаксической валентности: формальную и содержательную. Если в первом случае валентность связана с определенной словоформой и обусловлена элементами синтетической морфологии в данном языке, то во втором случае валентность зависит, исключительно, от значения слова и, следовательно, ни в каком подчинении морфологии языка не находится [4, 21]. Структура синтаксической валентности, по мнению Б. А. Абрамова, включает в себя два основных компонента: качественный и количественный. Количественный компонент, называемый также количественной валентностью, содержит информацию о количестве подлежащих выявлению членов окружения [1, 74]. Качественный компонент представляет собой семантику актанта. Как было упомянуто ранее, число актантов зависит от семантических и структурных свойств глагола.

Так, в англоязычном исследуемом тексте каузативные глаголы выражены преимущественно структурно, при переводе на русский язык

количество актантов, которые им подчиняются, должно сохраняться. В настоящем исследовании из пяти наиболее распространенных каузативных глаголов в английском языке были выбраны глаголы *let*, *make*, *force*. Для изучения валентности каузативных глаголов в найденных примерах представим следующее предложение и его перевод в виде стемм: «*...let me die /... дайте умереть*».

let die
|
me

дайте умереть
|
мне
(имплицитно)

Стемма 1.1

Стемма 1.2

На стемме 1.1 можно заметить, что английский каузативный глагол разрешения *let* подчиняет себе один актант, который является каузируемым объектом – дополнение *me*. В переводе (стемма 1.2) каузируемый объект опускается, но мы понимаем, что он выражен имплицитно. Так, синтаксическая валентность каузативного глагола при переводе сохраняется, однако актантная структура в английском и русском языках имеет разный вид. В данном случае можно говорить о том, что в языке перевода допускается опущение каузируемого объекта. В следующем примере *they can make you say anything...* – *сказать что угодно они тебя заставят...* каузативный глагол *make* / *заставить* также сохраняет все два актанта: каузатор действия – *they* / *они* и каузируемый объект – *you* / *тебя*. При сопоставлении следующих предложений *Ceremony...Katherine had forced him to go through...* / *...пройти через церемонию ...к которой его принуждала Кэтрин...* можно наблюдать идентичные актантные структуры каузативного глагола *force* / *принуждать*. В английском языке предикат подчиняет себе два актанта. Первый – подлежащее *Katherine*, которое является каузатором действия, и второй актант – каузируемый объект, в предложении выполняет роль дополнения *him*. В переводе каузативный переходный глагол *принуждать* также двухвалентный, о чем говорит его актантная структура: он подчиняет себе каузатора действия – подлежащее *Кэтрин* и каузируемый объект – дополнение *его*. Следовательно, синтаксическая валентность данного каузативного глагола при переводе с английского на русский язык сохраняется.

В ходе анализа были выявлены случаи потери каузативного значения глагола при переводе. Например, в тексте оригинала в предложении *He tried to make her understand* каузативный глагол *make* выражает причинно-следственную связь, обозначая «воздействовать на нее так, чтобы она поняла». В переводе *Он постарался объяснить ей* каузативный глагол

опущен, значение причинности пропадает. В данном случае «перевод демонстрирует смещение значений» [6, 116].

Проанализировав приведенные выше примеры, можно отметить, что при переводе каузативных глаголов с английского на русский язык наблюдается сохранение синтаксической валентности данного класса предикатов. В ряде случаев каузация оказывается опущенной при переводе, что, полагаем, весьма нежелательно, поскольку это может привести к семантическому сдвигу, который, в свою очередь, может отрицательно повлиять на восприятие текста реципиентом. Для достижения адекватности перевода необходимо сохранять причинно-следственные связи в тексте перевода и при передаче каузативных глаголов учитывать структурные различия языков.

Список литературы

1. Абрамов Б. А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Б. А. Абрамов; под ред. Н. Н. Семенюк, О. А. Радченко, Л. И. Гришаевой. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. 286 с.
2. Гордон Е. Я. Семантические особенности каузативных глаголов чувства в русском языке // Русский язык. Теория и методика преподавания. Душанбе, 1980 С. 77-82.
3. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.
4. Кацнельсон С. Д. К понятию типов валентности // Вопросы языкознания. – 1987. – Выпуск № 3 С. 20-32.
5. Корди Е.Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. – М.: УРСС, 2004. – 168 с.
6. Морозкина Е. А., Рамеев О. Б. Репрезентация концепта Nature/Природа в оригинале и русскоязычном переводе трактата Г. Д. Торо «Уолден, или жизнь в лесу» / Е. А. Морозкина, О. Б. Рамеев // Доклады Башкирского университета. – 2025. – Т. 10, № 2. – С. 114-120. – DOI 10.33184/dokbsu-2025.2.13. – EDN IUFRMK.
7. Морозкина Е. А., Токарев М. В., Терентьев О. С. Сравнительный анализ тональности оригинального текста и его перевода с помощью языка программирования «Питон» (на материале рассказа О. Генри «Дары Волхвов») / Е. А. Морозкина, М. В. Токарев, О. С. Терентьев // Доклады Башкирского университета. – 2025. – Т. 10, № 4. – С. 96-100. – DOI 10.33184/dokbsu-2025.4.11. – EDN AAMRNA.
8. Оруэлл Дж. 1984: роман / пер. с англ. В. П. Голышева – Москва: Блок- Принт, 2025. – 288 с.: ил. – (Серия «Роман с книгой»).

9. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса: Пер. с франц. Редкол.: Г.В. Степанов (пред.) и др.; Вступ. ст. и общ. ред. В.Г. Гака. М.: Прогресс, 1988. 656 с. (Языковеды мира).

10. Дадужева Е. А. Общая характеристика каузативных глаголов [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-harakteristika-kauzativnyh-glagolov/viewer> (дата обращения: 19.02.2026)

11. George Orwell. Nineteen Eighty-Four [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1771329743&tld=ru&lang=en&name=Nineteen%20Eighty-Four%20-%20George%20Orwell.pdf&text> (дата обращения: 17.02.2026)

© Морозкина Е.А., Ващенко А.П., 2026

УДК 81'42

Морозкина Е.А.

*д-р филол. наук, профессор УУНУТ,
г. Уфа, Россия*

Гераськина Е.М.

г. Уфа, Россия

ПЕРЕВОД ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье поднимается вопрос перевода явлений прецедентности, в частности, вводится определение этого феномена, а также производится поиск примеров в оригинале и англоязычном переводе художественного текста. Поднимается тема соотношения прецедентности и интертекстуальности.

Ключевые слова: *прецедентные явления, прецедентность, художественный текст, интертекстуальность, классификация, перевод.*

Прецедентные явления неизменно находятся в центре внимания лингвистов и филологов, поскольку представляют собой важный элемент взаимодействия культуры и сознания. В современном культурно-языковом пространстве прецедент понимается как «феномен первичного образца, необходимый для оценки или сопоставления, чтобы какое-либо явление было вторично создано благодаря опоре на тот образец, который уже был» [4]. Он выступает в роли устойчивого, легко узнаваемого образа, закрепленного в коллективной памяти определенной социальной или культурной группы.

Необходимо также разграничивать термин «прецедентность» и термин «интертекстуальность». Хотя оба эти термина отражают отношения между текстами и культурными явлениями, существуют принципиальные различия в природе и механизмах их действия. Согласно Н.А. Кузьминой, «интертекстуальность» — это творческая информационная реальность, которая постоянно меняется, следуя ходу времени. В ней нет ни одного самостоятельного произведения: любой текст является интертекстом, поскольку всегда несет в себе узнаваемые следы других сюжетов [7, 62]. Прецедентность связана с теорией интертекстуальности. Однако, ключевое различие между этими понятиями кроется в их природе и степени изменчивости. Прецедентность, в отличие от интертекстуальности, подвержена культурно-исторической динамике, т.е. может переосмысливаться в рамках определенной эпохи или вовсе утрачивать свою значимость. Если интертекстуальность объективна, то прецедентность субъективна. Данное высказывание подтверждает М.Я. Дымарский, отмечая, что использование прецедентных феноменов — результат осознанного авторского выбора, а интертекстуальность — это свойство текста, проявляющееся порой стихийно, без воли автора [3, 47].

Прецеденты, в широком понимании, включают в себя разнообразные культурные и языковые маркеры. В рамках данной статьи отдельное внимание уделено прецедентным феноменам — конкретным единицам, выполняющим прецедентную функцию.

Прецедентные феномены относятся к категории слов реалий, и их перевод может вызывать трудности, поскольку они могут не иметь прямых соответствий в других культурах. Об этом писал Л.С. Бархударов, отмечая, что главная проблема кроется в том, что лексемы исходного языка не совпадают с лексемами переводящего языка [1, 74]. Это также подтверждают слова Е.А. Морозкиной и А.Д. Корниловой: «Тексты оригиналов богаче переводов, поскольку переводчикам не всегда удастся выразительно перевести оригинал на другой язык, при этом сохранив уникальный стиль и лексическую выразительность авторов оригинала» [9]. В качестве возможных приемов перевода таких явлений, можно выделить те, которые предложил В.Н. Комиссаров: транскрипция, транслитерация, калькирование, освоение, введение неологизма, приблизительный перевод, гипонимический перевод, уподобляющий перевод, разъяснительный перевод и, наконец, прием опущения [5, 148-151].

Обилие данных феноменов обуславливает необходимость их систематизации. Одной из наиболее авторитетных в отечественной науке является классификация прецедентных феноменов, предложенная Д.Б. Гудковым, И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.В. Багатеевой [6, 47-49], которая включает в себя: прецедентную ситуацию, прецедентное имя и прецедентное высказывание. Материалом для анализа примеров данных феноменов послужил роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1967)

[2] и его перевод на английский язык, выполненный Майклом Гленни «The Master and Margarita» (1968) [11].

Прецедентная ситуация – некая «эталонная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в когнитивную базу языка. В качестве примера возьмем широко известную ситуацию, обладающую пророческим смыслом и обозначающую некую предопределенность, которую невозможно изменить: *Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже разлила/Anna has already bought the sunflower-seed oil, in fact she has not only bought it, but has already spilled it*. Ситуация напрямую связана с персонажем Берлиозом, который является агностиком и прямо отвергает идею божественной сущности, определяющей как существование всего живого на земле, так и события, происходящие в истории отдельной личности. Данная фраза, произнесенная представителем сил тьмы Воландом, несет иронический подтекст и предполагает, что судьба человека решена еще до его рождения и ее невозможно изменить. Перевод данного фрагмента текста был выполнен успешно, что позволило передать основную идею без потери смысла.

Прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом или ситуацией. Данный пункт необходимо рассмотреть тщательнее, поскольку именно прецедентные имена встречаются в романе наиболее часто. Однако, прежде чем перейти к их анализу, следует внести более общий термин – оним (имя собственное). Как отмечает Е.О. Опарина: «Онимы характеризуют объекты обозначения, способны развивать многозначность или, наоборот, сужать интенциональное значение; они апеллируют к энциклопедическим или общим культурным знаниям и стимулируют познание» [10]. В романе М.А. Булгакова встречается много онимов, которые можно распределить по разрядам. Это прежде всего мифонимы (имена мифологических персонажей) – *Прокуратор Иудеи Понтий Пилат/The procurator of Judea, Pontius Pilate*, который является одним из наиболее узнаваемых христианских образов, прочно закрепленным в мировой культуре; *Иешуа Га-Ноцри/Yeshua Ha-Notsri*, авторский вариант имени Иисус, который создает дистанцию между религиозным образом и литературным персонажем. Можно выделить топонимы (названия мест) – *Ершалаим/Yershalaim*, город, название которого является авторской идеей, подчеркивающей основную мысль, что это не тот Иерусалим из Евангелия, а другой, литературный. Важное место в художественном тексте занимают эргонимы (названия организаций). К примеру, организация *МАССОЛИТ/MASSOLIT*, которую можно расшифровать как Московскую ассоциацию литераторов. Однако, многим читателям на ум приходит мысль, что это сокращение от «массовой литературы», которая часто упоминается в романе. Следует упомянуть теонимы (имена божеств и демонов) – *Воланд/Woland*, заимствованное имя

из немецкого фольклора, где Воланд – это одно из имен дьявола в оригинале произведения И.В. Гете «Фауст»; *Абадонна/Abaddon* – ангел Бездны, демон смерти и разрушения. Отметим также антропонимы (имена людей) – Берлиоз/*Berlioz*, отсылающее к французскому композитору Гектору Берлиозу, с целью создать образ высоко культурного и интеллигентного персонажа. Отметим, что при переводе на английский язык чаще всего используются приемы калькирование и транслитерация, что является наиболее удачным решением для сохранения авторской идеи.

И, наконец, прецедентное высказывание – готовая, самостоятельная единица, которую можно узнать и повторить, сохраняющаяся в памяти как целостный образ. Такими высказывания зачастую могут выступать пословицы и поговорки. В романе М.А. Булгакова такими высказываниями становятся следующие фрагменты текста: *Рукописи не горят/Manuscripts don't burn* – фраза, ставшая символом бессмертия слова, а также победы творчества над идеологией и цензурой; *Нет документа, нет человека/No documents, no person* – фраза с сатирическим оттенком, символизирующая бюрократическую абсурдность, где жизнь человека абсолютно не важна, если у него нет официальных документов; *Осетрина второй свежести/Second-grade-fresh sturgeon* – фраза, означающая что-то устаревшее, неактуальное.

Ученые также выделяют такое понятие, как прецедентный текст – текст, известный широкому кругу носителей языка, отсылки к которому распознаются адресатом речи и понятны ему. В качестве примера прецедентного текста в романе М.А. Булгакова выступают знаменитые библейские сюжеты, описывающие известный разговор Понтия Пилата с Иешуа Га-Ноцри, а также сцены входа героя в Иерусалим (в версии романа Ершалаим) и эпизоды гибели персонажа, символизирующего Иисуса Христа, которые позволяют соотнести дальнейшие исторические события с современностью.

Отметим, что М.А. Булгаков широко использовал в своем романе явление прецедентности, составные элементы которого были успешно переведены на английский язык, что очевидно из примеров, приведенных выше. Кроме того, многие сцены из романа сами стали прецедентными явлениями, в частности, сцена с пролитым Аннушкой маслом и фраза о том, что рукописи не горят.

Исходя из вышесказанного, важно отметить, что прецедентность, и, в частности, прецедентные феномены, это важнейшие культурные маркеры, которые требуют к себе пристального внимания переводчика. Намеренное или случайное их искажение в процессе перевода или использование приема опущения может в значительной степени изменить смысл, заложенный автором произведения, что негативно скажется на восприятии иноязычным читателем художественных текстов, входящих в национально-культурное достояние страны. Как было сказано ранее, роман

часто отсылает нас к прецедентным библейским мотивам, что также вызывает проблемы при переводе. Поэтому, как отмечают Е.А. Морозкина, В.В. Воробьев, А.Р. Габдуллина, отдельное внимание стоит уделять переводу религиозных аллюзий и реминисценции, используя при этом переводческие заметки и комментарии, т.к. иначе «может произойти утрата метафорических смыслов религиозных претекстов» [8].

Список использованной литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 195. 240 с.
2. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита [Электронный ресурс] URL: (Дата обращения: 10.04.2026)
3. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 328 с.
4. Ковалев Г.Ф. Имя собственное как прецедент в рекламе [Электронный ресурс] URL: <https://rucont.ru/read/1958849?file=522591&f=1958849>
5. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. ин. яз. М.: Высш. шк., 2022. 253 с.
6. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
7. Кузьмина Н.А. Интертекст: тема с вариациями: Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации. М.: Либроком, 2018. 272с.
8. Морозкина Е.А., Воробьев В.В., Габдуллина А.Р. Актуализация библейских претекстов в англоязычных переводах рассказов А.П. Чехова // Доклады Башкирского университета. 2024. Т. 9. № 2. С. 95-99.
9. Морозкина Е.А., Корнилова А.Д. Автоматическая обработка художественных текстов А.П. Чехова и их англоязычных переводов с опорой на методы лемматизации и частеречной разметки // Доклады Башкирского университета. 2023. Т.8. №2. С. 59-69.
10. Опарина Е.О. Имена собственные (Обзор) [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imena-sobstvennye-1/viewer> (Дата обращения: 10.04.2026)
11. Bulgakov M. The Master and Margarita [Электронный ресурс] URL: <https://liteka.ru/english/library/5566-the-master-and-margarita> (Дата обращения: 28.03.2026)

© Морозкина Е.А., Гераськина Е.М., 2026

Морозкина Е.А.
д-р филол. наук, профессор УУНУТ,
г. Уфа, Россия
Мадияров К.Р.
г. Уфа, Россия

**МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ И СИНТАКСИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ
«VIOLENCE / НАСИЛИЕ» В РОМАНЕ С. КРЕЙНА «АЛЫЙ ЗНАК
ДОБЛЕСТИ» И В ЕГО РУССКОЯЗЫЧНОМ ПЕРЕВОДЕ**

*В статье рассматривается морфологическая и синтаксическая организация лексико-семантического поля *Violence / Насилие* в романе С. Крейна «Алый знак доблести» (1898) и в его русскоязычном переводе, созданном Э. Линецкой в 1989 г. Исследование направлено на выявление количественных и структурных различий в распределении частей речи внутри полевой структуры художественных текстов на английском и русском языках.*

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, логический анализ, репрезентация *violence / насилие*, художественный перевод, корпусные методы.

Объект исследования — лексико-семантическое поле «Violence» в романе С. Крейна «The Red Badge of Courage» и его русскоязычном переводе.

Предмет исследования — структурная организация ядра и периферии данного ЛСП *Violence / Насилие* в оригинале и её трансформация в процессе перевода.

Цель исследования — выявить особенности структурной конфигурации ЛСП «Violence» в оригинале и переводе с опорой на полевую теорию Л.М. Васильева.

Для достижения цели поставлены следующие задачи: определить состав единиц ЛСП «Violence» методом сплошной выборки; проанализировать количественные параметры поля; выявить соотношение ядерных и периферийных элементов; сопоставить морфосинтаксическую структуру поля в оригинале и переводе; интерпретировать выявленные различия с точки зрения теории семантического поля.

Материалом исследования послужили оригинальный англоязычный текст романа и его русскоязычный перевод. Общий объём английского текста составил 20 688 токенов (словоформ), русского — 21 073 токена (словоформы). Под термином токен понимается каждое отдельное употребление слова (словоформы) в тексте, учитываемое при

количественном анализе. В результате сплошной выборки и автоматической морфологической разметки были выявлены лексемы, относящиеся к ЛСП *Violence / Насилие*.

Полевой подход занимает одно из центральных мест в современной лингвистике, поскольку позволяет рассматривать лексику как системно организованное явление [4, 48]. Как отмечается в исследованиях, «в современной лингвистике усиливается научный интерес к исследованию языка как системы, выявлению его структурных связей на различных уровнях, включая лексико-семантический», что подтверждает актуальность анализа лексико-семантических полей в художественном тексте [5, 67]. Лексико-семантическое поле (ЛСП) представляет собой совокупность языковых единиц, объединённых общностью доминирующего семантического компонента и находящихся в отношениях иерархической и деривационной взаимосвязи.

Особый интерес в рамках полевого анализа представляет художественный текст, где семантические поля не только отражают фрагменты языковой картины мира, но и формируют концептуальную структуру художественного текста. В романе С. Крейна «Алый знак доблести», посвящённом событиям Гражданской войны в США, одной из ключевых тематических доминант выступает тема насилия как формы физического и психологического воздействия на личность в период военных действий.

Настоящее исследование направлено на анализ структуры ЛСП *Violence / Насилие* в оригинале романа [6] и его русскоязычном переводе [3] с позиций теории структурной организации семантических полей, разработанной Л.М. Васильевым.

Предметом исследования становится структурная конфигурация ЛСП *Violence / Насилие* в тексте оригинала и ее трансформация в тексте перевода.

Теория семантического поля получила развитие в трудах Й. Трира, Г.С. Щура, Л.В. Щербы и других исследователей. Системный подход к организации лексики в рамках ЛСП был последовательно разработан Л.М. Васильевым. В работе «О структурной организации лексико-семантической системы языка и методах её изучения» Л.М. Васильев рассматривает семантическую систему языка как иерархически организованное образование, включающее макрополя, субполя, ядро и периферию [1, 3]. Особое внимание уделяется предикатной лексике как основе семантических полей и системным деривационным связям между единицами [2, 4].

Несмотря на широкую разработанность теории семантических полей, структура ЛСП *Violence / Насилие* в оригинале и переводе конкретного художественного текста с опорой на работы Л.М. Васильева остаётся

недостаточно исследованной, что и определяет актуальность настоящей работы.

Теоретической основой исследования послужила концепция структурной организации лексико-семантической системы языка Л.М. Васильева. Согласно Л.М. Васильеву, семантическое поле имеет иерархическую организацию и включает ядро — предикатную лексику, выражающую доминирующий семантический компонент, периферию — именные семантические корреляты ядерных предикатов [1, 5]. Причем, ядро формируется прежде всего предикатами (глаголами и предикативными единицами), тогда как периферия включает существительные, прилагательные, наречия и другие части речи, соотнесённые с ядерными единицами словообразовательно или семантически [2, 6]. Периферийные корреляты могут быть словообразовательными (деривационными) и семантическими (опосредованными смысловой связью). Таким образом, периферия не является вторичной по значимости, а представляет собой системное продолжение ядерной зоны и отражает структурное своеобразие конкретного поля.

В современной лингвистике выделяются две семантические сферы: предикаты с доминирующим семантическим компонентом «быть» и предикаты с доминирующим компонентом «делать, осуществлять что-либо». Эти сферы делятся на макрополя, а макрополя, в свою очередь, делятся на субполя [1].

Макрополя — это крупные структурные объединения в лексико-семантической системе языка, представляющие собой обширные семантические сферы, внутри которых группируются более частные семантические поля и субполя на основе общности доминирующего смыслового компонента. Иными словами, макрополе — это высший уровень организации семантических полей, объединяющий лексические единицы (прежде всего предикаты), сходные по наиболее общему значению (например, «быть» или «осуществлять действие») [1].

Если построить ЛСП *Violence / Насилие* по теории, предложенной Л.М. Васильевым, то необходимо выявить в анализируемом художественном тексте сферу предикатов воздействия, входящих в макрополе «делать, осуществлять что-либо». Доминирующий компонент таких предикатов формулируется в тематике «осуществлять воздействие на кого-/что-либо». В таком случае в ядро поля попадают базовые предикаты действия (убивать, ранить, атаковать и т.п.) и воздействия (наносить удар, напасть и т.п.). Внутри ядра выделяются: каузативы, связанные со значением (причинять вред), инхоативы, передающие начало действия (начинать нападение), а также результативы (по типу быть убитым, быть раненым), и экспликативы (дрожать от страха и др.,

использующиеся при передаче сопутствующих войне эмоциональных состояниях).

Периферия поля включает: существительные (удар, рана, кровь, смерть), прилагательные (кровавый, смертельный), наречия (жестоко), номинации оружия и средств воздействия на личность.

Таким образом, ЛСП *Violence / Насилие* представляет собой иерархически организованную систему с предикатным ядром и разветвлённой именной периферией.

В английском тексте зафиксировано 982 употребления единиц поля, что составляет 4,75 % от общего числа токенов (словоформ). В русском переводе выявлено 817 единиц, или 3,88 % от общего объёма текста. Таким образом, относительная частотность репрезентации компонентов ЛСП *Violence / Насилие* в оригинале выше, чем в переводе.

Анализ распределения частей речи показал, что в английском тексте доминируют существительные (733 единицы) и глаголы (214 единиц), тогда как прилагательные (26), наречия (6) и собственные имена (3) встречаются значительно реже. В русском переводе также преобладают существительные (675 единиц) и глаголы, однако доля глаголов существенно ниже (78 единиц), при этом возрастает относительная представленность прилагательных (55 единиц) и наречий (9 единиц).

Из проведенного анализа можно заключить что в оригинале наблюдается доминирование предикатной зоны (глагольных форм), что указывает на активное функционирование ядерных элементов поля, соответствующих предикатам действия и воздействия. *Violence Насилие* в оригинале и переводе концептуализируется прежде всего как процесс, действие, динамическое воздействие на участников военных действий. При этом в переводе отмечается значительное сокращение числа глаголов и увеличение доли существительных и прилагательных, что свидетельствует о смещении акцента в сторону периферии поля, то есть именных коррелятов ядерных предикатов [4, 51].

Таким образом, в переводе происходит частичная номинализация предикатной структуры поля и перераспределение семантических функций между ядром и периферией. С точки зрения теории Л.М. Васильева, это означает изменение конфигурации поля при сохранении его доминирующего компонента, то есть тематическая доминанта остаётся неизменной, однако внутренняя иерархия поля претерпевает трансформацию.

С позиций теории семантического поля Л. М. Васильева выявленные различия интерпретируются как трансформация поля при сохранении его тематики. В английском оригинале поле организовано вокруг глагольного ядра, где предикаты воздействия выполняют системообразующую функцию, а именные единицы (периферия) служат преимущественно для номинализации. В русском переводе происходит переход глагольной зоны

в периферию и выдвижение на более значимые позиции именных и атрибутивных средств, которые в исходном поле занимали малозначительное положение. Таким образом, изменение морфологического и синтаксического распределения частей речи отражает не случайные переводческие решения, а системное переструктурирование лексико-семантического поля: его ядерная организация включает в себя больше глаголов, а периферийная организация больше существительных, а семантическая нагрузка распределяется между процессуальными, предметными и признаковыми компонентами поля.

Список литературы

1. Васильев Л. М. О структурной организации лексико-семантической системы языка и методах ее изучения. Уфа: Вестник башкирского университета, 2012, 1 с.
2. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика / Л. М. Васильев. – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 2005, 200 с.
3. Крейн С. Алый знак доблести. (пер. Э. Л. Линецкой). URL: <https://ilibrary.ru/text/4317/p.1/index.html> (дата обращения: 21.02.2026).
4. Морозкина Е. А., Хабибуллина Е. П. Статистическое исследование текста программными средствами (на мат-ле оригинала и перевода новеллы Э. А. По «Падение дома Ашероу») // Доклады Башкирского университета. 2025. Т. 10. №2. С. 48–54.
5. Морозкина Е.А., Воробьев В.В., Щанькин А.П. Лексико-семантическое поле «Финансы» в оригинале и переводе романа Т. Драйзера «Финансист». Доклады Башкирского университета. 2025. Том 10. №1 (67-72). Уфа
6. Crane S. The Red Badge of Courage. [Webpage] URL: <https://www.gutenberg.org/files/73/73-h/73-h.htm> (access date: 21.02.2026).

© Морозкина Е.А., Мадияров К.Р., 2026

УДК 81'42

Морозкина Е.А.

*д-р филол. наук, профессор УУНит,
г. Уфа, Россия*

Рабцевич А.Б.

г. Уфа, Россия

СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ И ЛОКАЛИЗАЦИИ PR-ТЕКСТОВ (НА ОСНОВЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Эффективная межкультурная коммуникация в сфере связей с общественностью требует не просто перевода, а глубокой адаптации сообщений к культурным, языковым и ментальным особенностям целевой

аудитории. Настоящая статья предлагает типологию стратегий локализации PR-текстов от минимальной языковой адаптации до полной культурной переработки содержания на материале трёх типологически различных языков: русского, английского и китайского. В работе анализируются конкретные механизмы культурной адаптации, включая трансформацию метафорических моделей перестройку аргументативных схем, а также адаптацию тональности. На основе анализа практик российских и международных компаний в период 2022–2026 годов, когда потребность в локализации резко возросла на фоне геополитических изменений, выявлены типичные ошибки формального переноса содержания без учёта культурного контекста.

Ключевые слова: локализация PR-текстов, адаптация контента, стратегии перевода, русский язык, английский язык, китайский язык.

Профессиональные коммуникаторы давно осознали, что прямой перевод корпоративного сообщения на другой язык редко достигает цели. Причина кроется в различие культурного кода, на котором строится убедительность влияния PR - текст на реципиента определённой лингвокультуре. В другой лингвокультуре тот же PR-текст может оказаться нерелевантным или даже контрпродуктивным. Исследование Чжан Мэй, проведённое на материале 150 китайских и российских пресс-релизов в 2023–2024 годах, демонстрирует, что около 60% русскоязычных текстов при механическом переводе на китайский воспринимаются аудиторией как «излишне прямолинейные» или «агрессивные» [9]. Впрочем, проблема не сводится к различиям между Востоком и Западом. Даже внутри европейской традиции, между англосаксонской и континентальной практиками PR заметны серьёзные расхождения. По данным О.Г. Смирновой и Т.А. Волковой, русскоязычные PR-тексты чаще используют развёрнутые причинно-следственные конструкции и эмоционально окрашенную лексику, тогда как англоязычные аналоги тяготеют к краткости, фактологичности и нейтральному тону [7].

Локализация, следовательно, представляет собой не технический процесс замены слов, а сложную когнитивную операцию по перестройке коммуникативной модели. Анализ практик крупнейших российских и международных корпораций, работающих на российском рынке в 2022–2026 годах, позволяет выделить несколько базовых стратегий локализации. **Стратегия минимальной языковой адаптации** заключается в замене имён собственных, географических названий, единиц измерения. Подобная стратегия применима только при сохранении структуры текста и аргументативной логики. Такой подход характерен для технических пресс-релизов, финансовых отчётов, юридических документов. В качестве примера можно представить следующую ситуацию: российское представительство технологической компании публикует квартальный

отчёт, адаптируя лишь валютные показатели и названия подразделений. Содержательная часть остаётся идентичной англоязычному оригиналу [3]. **Стратегия синтаксической и стилистической адаптации** подразумевает изменение синтаксиса, подбор культурно приемлемых аналогий идиом и метафор, корректировку тональности, причём базовая аргументация и композиция PR-текста сохраняются. М.В. Иванова, анализируя кампании западных брендов на российском рынке, отмечает, что около 40% локализованных текстов остаются в рамках именно этой стратегии [2].

Стратегия культурной переработки предполагает полную перестройку коммуникативной модели с учётом ценностных приоритетов аудитории, что позволяет передать сложный художественный эффект, заложенный в тексте автором [5].

Китайский рынок, пожалуй, один из наиболее требовательных к глубине локализации. Работа Ли Цзин на материале коммуникаций 80 иностранных компаний в Китае показывает, что упоминание семейных ценностей, социальной гармонии и долгосрочной перспективы повышает лояльность китайской аудитории на 35 - 40% по сравнению с прямолинейными утверждениями о качестве продукта [4].

На российском продаж и услуг демонстрируется иная картина. Здесь аудитория ценит экспертность, обстоятельность изложения. Короткие англосаксонские форматы «три пункта по десять слов» нередко считаются как поверхностные. В ряде случаев используется **стратегия гибридизации, которая** заключается в сочетании элементов глобального брендинга с локальными культурными маркерами. Международная компания сохраняет визуальный стиль и ключевое позиционирование, но встраивает в текст отсылки к национальным праздникам, событиям, актуальной социальной повестке. В качестве примера можно привести следующую ситуацию: в канун Нового года по восточному календарю западный бренд выпускает специальный релиз с пожеланиями и символикой года, не меняя при этом общую коммуникационную стратегию [8].

Конкретные инструменты локализации варьируются в зависимости от языковой пары и типа текста. Рассмотрим метафорические модели. Английский язык активно использует спортивные и военные метафоры в корпоративных коммуникациях: win the market, breakthrough of the year. Русскоязычная аудитория воспринимает такую образность как допустимую, но не всегда органичную. Китайская традиция, напротив, предпочитает метафоры природные и философские: 和谐发展 / héxié fāzhǎn / гармоничное развитие, 根基稳固 / gēnjī wěngù / прочные корни.

Ошибка прямого переноса наглядно проявилась в кампании одного технологического стартапа в 2024 году. Слоган «Прорыв года» (калька с английского breakthrough of the year) был воспринят российской

аудиторией нейтрально, но китайский вариант 年度突破 / niándù tūpò / *прорыв года* вызвал негативные коннотации, поскольку глагол 突破 / tūpò / прорывать (*окружение*) ассоциируется с нарушением границ, конфликтом. Пришлось менять на 年度创新 / niándù chuàngxīn / *инновация года* [1]. Также стоит рассмотреть структурную аргументацию, как инструмент локализации. Англосаксонская риторика строится по схеме: тезис - доказательство - вывод и предполагает короткие параграфы, буллет-пойнты, минимум вводных конструкций. Русская традиция допускает и даже поощряет более развёрнутое изложение с подчёркиванием причинно-следственных связей. Китайская риторика часто использует круговую структуру: от общего к частному и снова к общему с акцентом на контекст и взаимосвязи.

Тональность в контексте локализации представляет собой отдельную зону риска. Американской корпоративной культуре свойственен позитив и энтузиазм: Русская аудитория относится к избыточному оптимизму настороженно, предпочитая сдержанную уверенность. Китайская коммуникация балансирует между скромностью и демонстрацией достижений, избегая как самоуничижения, так и хвастовства [9]. Здесь же стоит отметить и частое употребление отрицательных частиц. Основным маркером отрицания в китайском языке является отрицательная частица 不 / bù / *не, нет*, которая добавляется перед глаголом или глагольным словосочетанием и передает отрицание некоего конкретного действия [6].

Локализация PR-текстов давно перестала быть вопросом технического перевода. Здесь речь идёт о глубокой культурной адаптации, которая требует понимания ментальных моделей, риторических традиций и ценностных приоритетов целевой аудитории. Сравнение некоторых практик на материале русского, английского и китайского языков демонстрирует тот факт, что то, что убедительно звучит в одной культуре, может оказаться неэффективным в другой.

Выделенные стратегии от минимальной адаптации до культурной пересборки позволяют выстроить гибкий подход в зависимости от типа текста, целей коммуникации и особенностей аудитории. Практика показывает: наиболее успешны те компании, которые не пытаются механически тиражировать единый глобальный месседж, а создают семейство взаимосвязанных, но культурно специфичных версий контента. Перспективы развития связаны с интеграцией аналитических инструментов, которые позволяют оценивать эффективность локализации в реальном времени.

Список литературы

1. Белова Е.С. Машинный перевод и культурная адаптация: границы возможного // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 3. С. 45–58. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54238912> (дата обращения: 15.04.2026).
2. Иванова М.В. Стратегии локализации PR-текстов западных брендов на российском рынке // Медиаскоп. 2023. Вып. 4. С. 12–27. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=52847633> (дата обращения: 15.04.2026).
3. Ковалёв А.Н., Петрова И.С. Межкультурные коммуникации в эпоху глобализации: теория и практика. М.: Аспект Пресс, 2023. 312 с.
4. Ли Цзин. Культурная специфика корпоративных коммуникаций: опыт иностранных компаний в Китае // Вопросы теории и практики журналистики. 2024. Т. 13. № 2. С. 201–217.
5. Морозкина Е. А., Исхакова Э. В., Янгирова Г. В. Актуализация рекурсии как вида языковой аномалии при переводе художественного текста (на материале оригинала и перевода романа Дж. Барнса «Попугай Флобера») // Филология: научные исследования. 2025. № 10. С. 159–164. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76487 (дата обращения: 11.04.2026).
6. Морозкина Е.А., Чжу Шуан. Маркеры отрицания в романе Ба Цзинья «Семья» и в версии его перевода на русский язык // CyberLeninka. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/markery-otritsaniya-v-romane-ba-tszinya-semya-i-v-versii-ego-perevoda-na-russkiy-yazyk> (дата обращения: 18.04.2026).
7. Смирнова О.Г., Волкова Т.А. Риторические традиции и PR-дискурс: сопоставительный анализ русскоязычных и англоязычных текстов // Политическая лингвистика. 2023. № 5. С. 78–92. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53156784> (дата обращения: 15.04.2026).
8. Соколов Д.В. Локализация контента в условиях геополитических трансформаций: российский опыт 2022–2025 гг. // Медиа альманах. 2025. № 2. С. 34–48.
9. Чжан Мэй. Прагматика PR-текстов в китайской и русской лингвокультурах: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2024. 198 с.

© Морозкина Е.А., Рабцевич А.Б., 2026

Морозкина Е.А.
д-р филол. наук, профессор УУНУТ,
г. Уфа, Россия
Щанькин А.П.
аспирант УУНУТ,
г. Уфа, Россия

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЛЕКСЕМЫ SHARE В РОМАНЕ Т. ДРАЙЗЕРА «ФИНАНСИСТ»

В статье рассматриваются особенности перевода лексемы share в романе Т. Драйзера «Финансист» и в его русскоязычной версии, выполненной М. Волосовым в 1987 году. Методом сплошной выборки выявлено 36 случаев употребления этой лексической единицы в оригинале, которые далее были сопоставлены с переводческими соответствиями. Установлено, что доминирующей стратегией является терминологическая унификация, в ходе которой данная лексема переводится как акция. Выявлены случаи контекстуальной замены, генерализации. Встречаются фрагменты текста, в которых лексема опускается, что обусловлено особенностями исходного текста.

Ключевые слова: терминологическая вариативность, перевод, финансовая лексика, share, «Финансист», Т. Драйзер, М. Волосов.

Творчество Теодора Драйзера, и в особенности его «Трилогия желания», открывающаяся романом «Финансист» (1912), представляет собой не только художественное, но и уникальное документальное свидетельство становления американской финансовой системы конца XIX - начала XX вв. Погружение в мир биржевых спекуляций, банковских махинаций, описание железнодорожных концессий, финансовых сделок потребовало от автора широкого использования специальной лексики. Текст произведения в значительной степени насыщен финансовой терминологией [5], при этом одним из ключевых элементов этой терминологической системы является лексема *share*.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения терминологической вариативности при переводе лексемы *share* в рамках художественного текста. Анализ того, как переводчик передает нюансы значения этой лексемы, позволяет выявить не только его стратегию, но и особенности восприятия иноязычных финансовых реалий в русской культуре первой половины XX века.

Целью данной работы является выявление частотности употребления лексемы *share* в оригинальном тексте романа Т. Драйзера «Финансист» и последующий сопоставительный анализ способов её перевода на русский

язык. Материалом исследования послужил оригинальный текст романа и его перевод на русский язык, выполненный М. Волосовым [2; 7].

Настоящее исследование рассматривается как часть анализа перевода компонентов лексико-семантического поля «Финансы» в художественном тексте. Обращение к лексеме *share* позволяет уточнить особенности терминологической вариативности в переводе финансовой лексики, а также проследить зависимость выбора эквивалентов от контекста и семантической структуры лексических единиц.

Перевод специальной лексики в художественном тексте представляет собой сложную задачу. С одной стороны, переводчик обязан сохранить терминологическую точность, чтобы донести до читателя реалии изображаемой профессиональной среды (в данном случае – финансового мира Америки рубежа XIX-XX вв.). С другой стороны, он должен учитывать законы художественного повествования, избегать излишней терминологической перегруженности, которая может затруднить восприятие текста рядовым читателем.

В теории перевода данное явление описывается понятием терминологической вариативности, т.е. способности языковой единицы иметь несколько вариантов перевода в зависимости от контекстуальных, стилистических или системно-языковых факторов. В широком смысле необходимость вариации терминологических единиц продиктована процессом поиска оптимальных переводческих решений и обязательностью обозначения многоаспектности конкретного лексического пласта, в рамках настоящего исследования – финансового [1, 358]. Как отмечают Е.А. Морозкина, Э.В. Исхакова, Г.В. Янгирова поиск аналогов перевода позволяет переводчику найти такой вариант, который позволит «передать сложный художественный эффект, заложенный в текст автором» [3, 159]. Кроме того, вариативность при передаче терминов может быть обусловлена как чисто лингвистическими причинами, например, отсутствием прямого эквивалента в языке перевода или многозначностью самого термина, а также и экстралингвистическими различиями в финансовых системах двух стран, временным разрывом между созданием оригинала и перевода.

Переводчику необходимо решить, что важнее в каждом конкретном случае: формальное соответствие, в ходе которого используется прямой перевод термина или функциональное соответствие, предполагающее передачу смысла с помощью иных лексических средств, доступных и понятных иноязычному читателю. В случае с романом Драйзера, насыщенным аутентичной финансовой лексикой, перед М. Волосовым стояла задача не просто перевести слова, но и адаптировать реалии американского фондового рынка к восприятию российского читателя середины XX века, что, вероятно, в должной степени повлияло на итоговые переводческие решения.

Рассмотрим терминологическую вариативность употребления лексемы *share*. Согласно словарю Cambridge Dictionary лексема *share* в форме существительного является полисемичной, поскольку в английском языке она реализует несколько значений. В зависимости от контекста она может обозначать как абстрактную часть чего-то целого, так и конкретизированное финансовое понятие – акция. В рамках данной статьи исследуется финансовое значение лексемы, т.к. оно является преобладающим в художественном тексте «Финансист». В выбранном значении Cambridge Dictionary задаёт единице *share* следующее определение: *one of the equal parts that the ownership of a company is divided into, and that can be bought by members of the public* [6] / одна из равных частей, на которые делится собственность компании и которая может быть куплена представителями общественности (перевод наш - Е.М, А.Щ.).

На русский язык, учитывая финансовый контекст, лексема чаще всего переводится как *акция*. В более узких или исторических контекстах возможны варианты *паи*, например, в паевых товариществах или *доли* при долевом участии. Как было выявлено «в рамках статистического исследования» художественного текста «Финансист», доминирующим и наиболее частотным соответствием является термин *акция* [4, 50]. Лексема *share* употребляется 36 раз в форме множественного числа. По итогу анализа терминологической вариативности перевода данной единицы было выявлено доминирование использования переводчиком прямого терминологического соответствия *акция*. В подавляющем большинстве случаев (28 из 36, то есть около 78%) лексема *share* переведена на русский язык устоявшимся финансовым термином *акция* с учётом разных падежных форм. При этом переводчик идентифицирует единицу прежде всего как маркированный, конкретный термин, обозначающий ценную бумагу, и стремится к унификации его передачи.

Кроме того, зафиксировано использование в переводе контекстуальной замены в рамках финансовой лексики *сертификаты* примерно в 5,5% случаев. Данный случай является показательным для понимания переводческой стратегии: в контексте, когда финансовые инструменты *shares* и *city loan certificates* тесно переплетены в рамках одной языковой палитры, переводчик меняет единицу в целях снижения перегруженности текста доминирующим эквивалентом *акция*. Следует отметить, что вариант *акция* также является наиболее популярным при переводе единицы *stocks* там, где её можно заменить, сохранив связность повествования. Контекстуально единица *сертификаты* была использована в следующих фрагментах текста: *Two hundred shares had been carried for him and sold at one hundred...* [7] / *Двести сертификатов, числившиеся за ним и проданные по сто долларов за штуку* [2]; *...while he used money secured by hypothecating the shares for speculative purposes* [7] / *...если*

деньги, полученные от заклада **сертификатов**, нужны были Каупервуду для его биржевых махинаций [2].

Было выявлено использование при переводе приема опущения. В 5 случаях (около 14%) лексема *share* была опущена при переводе. Данный феномен объясняется не столько вариативностью перевода отдельного слова, сколько общими переводческими стратегиями М. Волосова: компрессией текста, снятием терминологической избыточности, а также возможными различиями в объеме исходного и переводного текста. В некоторых контекстах информация, передаваемая лексемой *share*, действительно, полагаем, не являлась критически важной для понимания общего смысла высказывания с точки зрения переводчика. Приводим пример опущения целого предложения, в котором в оригинале лексема *share* была употреблена дважды: *Young Cowperwood gave them back after time, but not without a keen sense of the vast ramifications of finance. These shares in companies interested him. They made him think that he would handle shares of his own some day [7]* / Подержав пачку в руках, юный Каупервуд вернул ее отцу, дивясь огромной разветвленности финансового дела... [2]. Целесообразность опущения важного, на наш взгляд, фрагмента оказывается немотивированной. В опущенных в русском переводе двух предложениях оригинала автор вводит важную информацию о том, что уже в юном возрасте главного героя интересовали именно акции и что уже в это время он настойчиво думал о том, что когда-нибудь он сам будет управлять этими акциями.

В единичном случае (1 из 36) в переводе использована генерализация. В предложении *...about four thousand shares [7]* / ...пять тысяч **штуков** или около того [2], слово *share* было переведено как **штуков**. Использование данного приема обусловлено контекстом. Высказывание послужило ответом на вопрос о количестве проданных акций. В ответе терминологическая нагрузка могла оказаться излишней, лексическая единица **штуков** была воспринята переводчиком как общеязыковая, а не узкоспециальная.

Таким образом, вариативность перевода лексемы *share* в романе «Финансист» в целом невелика и носит преимущественно количественный (обусловленный полнотой переводного текста), а не качественный характер. Качественная вариативность присутствует, но в ограниченном виде. Доминирующей стратегией является терминологическая унификация, выражающаяся в выборе устойчивого терминологического эквивалента **акция**. Семантическое или стилистическое варьирование встречается редко и, как правило, мотивировано конкретными условиями контекста. Перспективой исследования в рамках изучения переводческой конъюнктуры данного произведения послужит анализ перевода единицы *stock* как синонимичной финансовой единицы, нередко переводимой тем же эквивалентом **акции**.

Список литературы

1. Гацук Е.Ю. Вариативность терминов в аспекте перевода // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти М.А. Черкаса, Респ. Беларусь, Минск, 24–25 марта 2022 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Е. А. Пригодич (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2022. – С. 358-364.
2. Драйзер, Т. Финансист / пер. М. Волосов, – М.: Азбука, 2025. – 544 с.
3. Морозкина Е.А., Исхакова Э.В., Янгирова Г.В. Актуализация рекурсии как вида языковой аномалии при переводе художественного текста (на материале оригинала и перевода романа Дж. Барнса «Попугай Флобера») // Филология: научные исследования. – 2025. – № 10. – С. 159-164.
4. Морозкина Е.А., Хабибуллина Е.П. Статистическое исследование текста программными средствами (на мат-ле оригинала и перевода новеллы Э. А. По «Падение дома Ашероу») // Доклады Башкирского университета. – 2025. – Т. 10. – №2. – С. 48–54.
5. Морозкина Е. А. Щанькин А.П. Компонент «деньги» лексико-семантической группы «деньги и денежные знаки» в оригинале и переводе романа Т. Драйзера «Финансист» // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – №2. – С. 477-479.
6. Share [Электронный ресурс] // Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/share> (дата обращения: 06.03.2026).
7. Dreiser, T. The Financier [Электронный ресурс] // Internet Archive. – URL: <https://archive.org/details/financier00drei/page/n5/mode/2up> (дата обращения: 06.03.2026).

© Морозкина Е.А., Щанькин А.П., 2026

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ СМЫСЛА И ПРАГМАТИКИ

В статье рассматривается гендерный аспект перевода как совокупность лексических, грамматических и прагматических параметров текста, влияющих на интерпретацию авторской позиции и образов персонажей. Показано, что переводчик сталкивается не только с необходимостью передать биологический пол или грамматический род автора, но и с задачей сохранить культурно обусловленные представления о маскулинности и фемининности, зафиксированные в исходном тексте. На основе работ по теории перевода и гендерной лингвистике выявляются основные зоны переводческого риска и формулируются стратегии, позволяющие минимизировать смысловые потери.

Ключевые слова: *гендер, перевод, художественный текст, прагматика, грамматический род, лексическая маркированность.*

Как известно, современное переводоведение все чаще обращается к тем аспектам текста, которые ранее воспринимались как второстепенные по отношению к факту передачи его содержания и смысла. К их числу относится и гендерный параметр высказывания. В лингвистике гендер понимается не как простое отражение биологического пола, а как социокультурный и дискурсивный феномен, который закрепляется в языке через выбор номинаций, систему оценок, способы речевого поведения и композицию текста [2, 155]. Именно поэтому при переводе недостаточно осуществить механическую замену одной языковой единицы на другую: для передачи смысла необходимо понять, какую роль гендерная маркированность играет в создании образа, в распределении ролей между персонажами и в формировании авторской интенции.

Актуальность проблемы определяется, прежде всего, тем, что в разных языках, как известно, гендер выражается неодинаково. В одних случаях он маркируется грамматически, в других выводится из контекста, а иногда вообще маскируется нейтральной формой. По этой причине переводчик вынужден принимать решение в тех случаях, где исходный текст сохраняет некоторую неопределенность. Как можно предположить, и как отмечают исследователи, гендерная составляющая особенно значима в художественном переводе, потому что напрямую влияет на восприятие

читателем образной системы произведения, его стилистики и скрытой прагматики [4, 130]. Чем сложнее устроен художественный текст, тем выше риск того, что формально точное решение окажется художественно неточным.

Гендерный аспект перевода проявляется, прежде всего, на лексическом уровне. Проблему могут представлять: обращения, обозначения профессий и социальных ролей, оценочная лексика, а также слова, которые в одном языке являются гендерно нейтральными, а в другом требуют обязательной конкретизации. Так, английские *friend*, *teacher*, *neighbour* или *cousin* в русском переводе нередко вынуждают переводчика выбирать между формами мужского и женского рода. Подобный выбор не является нейтральным: он перестраивает образ персонажа, меняет систему внутритекстовых отношений и может либо усилить, либо, наоборот, ослабить эмоциональный эффект. Следовательно, гендерно значимой становится не только семантика слова, но и его способность задавать уровень читательского ожидания.

Не менее важен и морфологический уровень. Так, например, исследование А.А. Свицовой, О.С. Рублёвой и М.М. Суслопаровой показывает, что при переводе рассказа Э.А. По «The Black Cat» решающим оказывается именно выбор грамматического рода в русской версии названия и последующих номинаций персонажа [4, 130-131]. Если английский текст допускает формальную неопределенность существительного *cat*, русский перевод требует определиться между вариантами кот и кошка. От этого решения зависит целостность художественного образа: неверная или случайная родовая корреляция ведет к смещению ассоциаций и может разрушить внутреннюю логику персонажа. Авторы статьи убеждают, что гендер в переводе часто скрыт не в отдельных словах, а в системе согласований, местоименных замен и повторных номинаций [4, 131].

Показательно и тот факт, что обсуждаемая проблема не сводится только к грамматике. О.А. Радчук подчеркивает, что перевод художественного произведения всегда находится между дословной точностью и художественной полноценностью, при этом сохранение гендерно-культурологических особенностей осложняет задачу переводчика еще больше [3, 94-95]. Исследовательница связывает гендерный аспект перевода с лексическим и синтаксическим уровнями текста. Здесь различия проявляются в степени эксплицитности, в выборе эпитетов, личных местоимений, в порядке слов и в характере речевой динамики [3, 95-96]. Для практики перевода это означает, что гендерно маркированным может оказаться не только отдельное слово, но и сам способ организации фразы.

Следует отметить, что особую трудность представляют те ситуации, в которых исходный язык стремится к нейтрализации, а язык перевода,

напротив, требует конкретизации. В таких случаях буквальная передача формы может исказить смысл, а чрезмерная компенсация – нарушить стилистическую меру текста. В подобной ситуации переводчику важно определить, является ли гендерная неопределенность значимой частью авторского замысла или же она обусловлена только структурой исходного языка. Если неопределенность функциональна, ее необходимо по возможности сохранить через контекст, синтаксис, описательные замены или перераспределение информации внутри фразы. Если же пол персонажа или речевая роль принципиальны для понимания текста, допустима более явная конкретизация, но она должна быть мотивированной.

Принимая во внимание все вышесказанное, можно было бы выделить несколько рабочих стратегий. Во-первых, переводчику нужно реконструировать гендерную перспективу текста, то есть установить, какие элементы действительно несут смысловую нагрузку: номинация, самоописание героя, авторская оценка, система сравнений, речевой жест. Во-вторых, ему необходимо учитывать взаимодействие уровней языка – одна и та же потеря может быть компенсирована в другой позиции текста, например, местоимением, эпитетом, уточняющим контекстом или синтаксической перестройкой. В-третьих, переводчику следует соотносить свое решение с жанром произведения. В лирике гендерный смысл часто концентрируется в интонации и порядке слов, тогда как в прозе он сильнее зависит от системы персонажей и повторяющихся номинаций [3, 96].

Наконец, гендерный аспект перевода связан с фигурой самого переводчика. Исследователи справедливо отмечают, что выбор языковых средств зависит не только от объективных различий между системами языков, но и от переводческой интерпретации, чувствительности к стилистическим оттенкам, культурному опыту и индивидуальной норме письма [3, 95]; [4, 132]. Это не означает, что перевод автоматически отражает биологический пол переводчика. Однако переводческое решение всегда является интерпретацией, а значит, включает и субъективный компонент. Именно поэтому адекватность гендерной передачи следует оценивать не по отдельному слову, а по тому, сохраняется ли в переводе общая прагматика текста.

Таким образом, можно утверждать, что гендерный аспект перевода представляет собой комплексную проблему, затрагивающую лексику, морфологию, синтаксис и прагматику художественного высказывания. При этом, сохранение гендерной маркированности не сводится к поиску формального эквивалента, оно предполагает анализ функции языкового элемента в структуре произведения и учет культурной специфики принимающего языка.

Нельзя не отметить, что адекватный перевод в этой сфере возможен лишь при условии сочетания филологической точности и интерпретационной ответственности. Именно такой подход может

позволить переводчику не только передать содержание оригинала, но и сохранить авторскую систему смысловых акцентов, через которую в тексте конструируются образы маскулинности и фемининности.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 155 с.
3. Радчук О.А. Гендерный аспект в переводе // *Lingua mobilis*. – 2013. – № 3 (42). – С. 94-96.
4. Свицова А.А., Рублёва О.С., Суслопарова М.М. Особенности передачи гендерного аспекта в переводе англоязычных художественных произведений (на примере перевода рассказа Э. А. По «Черный кот») // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 5 (59): Ч. 3. Раздел 2. – С. 130-132.

© Пешкова Н.П., Мигранова И.Х., 2026

УДК 81'25

Рюкова А.Р.

*канд. филол. наук, доцент УУНУТ,
г. Уфа, Россия*

Насырова Л.М.

г. Уфа, Россия

ПЕРЕВОД ИДИОМ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Статья посвящена переводу идиоматических выражений в художественной литературе. Рассматриваются основные трудности, с которыми сталкивается переводчик при переводе идиом, обусловленные их культурной спецификой, образностью и семантической неделимостью. В центре анализа – наиболее распространённые стратегии перевода идиом. Особое внимание уделяется сохранению стилистической окраски и прагматического эффекта оригинального текста.

Ключевые слова: *идиома, перевод, художественный текст, стратегии перевода, стилистическая окраска, функциональный эквивалент, описательный перевод, буквальный перевод.*

Перевод идиоматических выражений представляет собой одну из наиболее сложных задач в переводоведении, особенно при работе с художественной литературой. Вопросы перевода идиом и фразеологических единиц подробно рассматриваются в работах таких исследователей, как Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров и А. В. Кунин.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа стратегий перевода идиом и выбора наиболее эффективных способов их передачи на русский язык. Целью работы является выявление особенностей перевода идиоматических выражений и анализ наиболее эффективных переводческих приёмов. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: выявить идиоматические выражения в тексте произведения, проанализировать способы их перевода и определить наиболее эффективные переводческие стратегии.

Идиоматические выражения занимают особое место среди фразеологических единиц. Согласно А. В. Кунину, их ключевая особенность — семантическая непрозрачность: смысл идиомы не выводится из значений отдельных слов, что практически всегда делает буквальный перевод невозможным или неэффективным [3, 45]. Это значительно усложняет задачу для переводчика, поскольку необходимо не только передать основное значение, но и сохранить образность, экспрессивность и стилистическую окраску выражения, в противном случае возникает риск потери или искажения смысла.

Вместе с тем очевидно, что одной лишь языковой компетенции недостаточно для успешного перевода идиом. Не менее важным оказывается учёт прагматического аспекта и культурного контекста, в рамках которого функционирует выражение.

С точки зрения перевода, идиомы представляют значительную трудность, так как требуют от переводчика не только знания языка, но и владения культурной спецификой и способностью передавать экспрессивный и прагматический смысл. Как отмечает Л. С. Бархударов, при работе с идиомами приоритетом становится эквивалентность на уровне содержания, а не формы [1, 11]. В отличие от нейтральной лексики, идиомы не имеют прямых соответствий между языками, из-за чего переводчик вынужден прибегать к поиску функциональных аналогов и вникать в культурный код. Таким образом, выбор конкретной стратегии перевода определяется не только теоретическими установками, но и особенностями самого текста. В этом вопросе важную роль играет контекстуальный анализ.

В. Комиссаров подчёркивает, что выбор конкретной стратегии зависит от контекста, стилистических особенностей текста и степени совпадения культурных реалий [2, 47]. На практике это означает необходимость гибкого применения различных переводческих приёмов.

На основе рассмотренных теоретических положений в переводоведении выделяют несколько основных подходов: использование функциональных эквивалентов, описательный перевод, реже — буквальный перевод (калькирование). Именно гибкое применение этих методов позволяет максимально точно передать прагматический эффект оригинала.

Данные теоретические положения находят практическое подтверждение при анализе конкретных художественных текстов. Материалом для исследования послужил роман С. Кинга “The Green Mile” («Зелёная миля») и его перевод на русский язык, выполненный В. А. Вебером.

Далее рассмотрим случаи использования автором идиоматических выражений и стратегии, использованные переводчиком. Приведённые в примерах идиоматические выражения зафиксированы в специализированных англоязычных лексикографических источниках, таких как «Oxford Dictionary of English Idioms» [7] и «Longman Idioms Dictionary» [8]. В качестве материала для верификации русских эквивалентов переведённых фразеологизмов использовались «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова [5] и «Фразеологический словарь русского литературного языка» А. И. Фёдорова [6].

Пример «*Never hurt airy single hair on that boy's purty head*» [9, 128] интересен тем, что содержит диалектное слово «purty» (искажённое «pretty» — «красивый», «хорошенький»), используемое с иронией: заключённый, поиздевавшись над одним из персонажей, утверждает, что не причинил ему физического вреда. Ироническое использование символизирует минимальную, ничтожную частицу человеческого тела («single hair on ... head» — «волосок на голове»), передавая идею полной невинности и отсутствия ощутимого урона. Дополнительный слой иронии добавляет то, что персонаж, произносящий данную фразу, имеет длинный список судимостей и в момент повествования ожидает смертной казни за совершение особо тяжкого преступления.

В. А. Вебер переводит данный пример так: «*Не тронул ни единого волоска на пушистой головке этого мальчика*» [4, 175]. Это редкий случай использования **буквального перевода**, или **калькирования**, при передаче идиомы. Хотя у идиомы есть функциональный эквивалент в русском языке («ни волоска не упадёт с головы»), переводчик выбирает более близкую к оригиналу структуру, придавая фразе и манере речи персонажа в целом лёгкую стилистическую окраску.

Буквальный перевод также был использован в примере «*Pretty soon you'll be history yourself, Wild Bill*» [9, 117], переведённом как «*Скоро ты сам станешь историей, Дикий Билл*» [4, 160]. Как правило, идиому «to be history» или «to become history» не переводят на русский язык буквально, поскольку это звучит неестественно для русского языка, и прибегают к использованию функциональных эквивалентов вроде «ты — труп». В данном случае переводчик выбрал буквальный перевод из-за контекста. Перед этим в данном диалоге прозвучала фраза «Oh my suds and body, a history lesson!» («Господи, нам попался знаток истории!»), сказанная тем же персонажем с иронией и удивлением тому, что удерживаемый им

преступник разбирается в истории. Чтобы не потерять развитие шутки из оригинала, В. А. Вебер переводит её продолжение буквально, и, несмотря на неестественность звучания, ему удаётся сохранить эту связь между репликами и передать интеллектуальную дуэль персонажей.

Следующий пример — «*You've heard people say, "My blood ran cold", haven't you?*» [9, 158] — переводится В. А. Вебером как: «*Вы, разумеется, слышали, как люди ... говорят: "У меня кровь застыла в жилах"*» [4, 214]. Здесь при передаче идиомы «*blood ran cold*» (дословно — «кровь похолодела») используется стратегия **функционального эквивалента**. Подобранный русская идиома полностью совпадает по значению и стилистической окраске (ужас и оцепенение людей, ставших свидетелями страшного события) с оригинальной.

До этого функциональный эквивалент использовался в другом примере: «*It was one of those meals where you drink too much and eat too little, and tongues get loosened*» [9, 75]. В. А. Вебер переводит его так: «*Выпили мы много, съели мало, вот языки у нас немного и развязались*» [4, 106]. Выражение «*to get one's tongue loosened*» (или «*to loosen one's tongue*») является устойчивым и означает «разговориться», «стать болтливым» (обычно под действием алкоголя). В русском языке у неё существует полноценный аналог — «язык развязался». Он полностью совпадает с оригиналом по значению и стилистической окраске.

Эта же стратегия используется при переводе фразы «*There was a little block in my throat, and I tried to swallow it away*» [9, 266]. Главный герой описывает состояние волнения и эмоциональной тяжести в момент напряжённого события, и буквальный перевод — «в моём горле был маленький блок» — звучал бы неестественно в русском языке. В. А. Вебер переводит это следующим образом: «*К горлу подкатил комок, и я шумно глотнул, пытаясь избавиться от него*» [4, 346], и его перевод прекрасно передаёт подавленность, переживание и ком у героя в горле. Переводчик находит функциональный аналог («комочек в горле»), который является устойчивым выражением в русском языке и сохраняет значение и экспрессивно-стилистическую окраску оригинала.

Пример «*It feels like pieces of glass in my head*» [9, 267] при переводе на русский звучит так: «*Их мысли режут меня, как осколки стекла*» [4, 347]. Поскольку дословный перевод словосочетания «*pieces of glass in my head*» — «кусочки стекла в моей голове» — вновь невозможен из-за неестественности звучания и риска избыточного физиологизма, переводчик прибегает к стратегии **описательного перевода**. Такой перевод смещает фокус с внутреннего ощущения на внешний источник страдания: персонаж, умеющий читать чужие мысли и чувствовать чужие эмоции, описывает душевную боль от давления, которое они на него оказывают. Описание «кусочков стекла в голове» как «мысли, режущие,

как осколки» делает образ естественным для русскоязычного читателя и даёт понять, что речь идет о психологической боли, а не о физической.

Таким образом, анализ практического материала показывает, что переводчик В. А. Вебер гибко применяет различные стратегии в зависимости от прагматической задачи. Он успешно использует описательный перевод для передачи физических ощущений, прибегает к функциональным аналогам для устойчивых выражений и сохраняет буквальную структуру для передачи стилистических особенностей речи персонажей.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что перевод идиоматических выражений в художественной литературе требует от переводчика не только высокого уровня владения языком, но и глубокого понимания культурного контекста. Наиболее эффективными оказываются те приёмы, которые позволяют сохранить прагматический эффект и стилистическую окраску оригинала, даже если это требует отхода от буквального перевода. Гибкое сочетание стратегий, продемонстрированное В. А. Вебером в переводе романа С. Кинга «Зелёная миля», — пример успешного решения этой непростой задачи.

Список литературы

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода. М.: Высшая школа, 1990. 142 с.
3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс+, 1996. 381 с.
4. Кинг, С. Зеленая миля. Перевод с английского В. А. Вебера. Москва: АСТ, 2022. 384 с.
5. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1968. 543 с.
6. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ, 2008. 878 с.
7. Cowie, A. P., Mackin, R. Oxford Dictionary of English Idioms. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2010. 748 p.
8. Crowther, J. (Ed.). Longman Idioms Dictionary. Harlow: Pearson Education Limited, 1998. 416 p.
9. King, S. The Green Mile. New York: Scribner, 1996. 294 p. URL: <https://anylang.net/en/books/en/green-mile> (дата обращения: 04.04.2026)

© Рюкова А.Р., Насырова Л.М., 2026

Рюкова А.Р.

канд. филол. наук, доцент УУНУТ,
г. Уфа, Россия

Шаймарданова С.М.

г. Уфа, Россия

ПРИНЦИП ИНТЕРДИСКУРСИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

В работе рассматривается понятие интердискурсивности в контексте переводческой деятельности, а также анализируются особенности передачи интердискурсивных маркеров политического дискурса в художественном тексте на материале политического романа М. Доббса «Карточный домик». Автор выявляет ряд переводческих трансформаций, используемых при переводе интердискурсивных элементов, таких как транскрипция, транскрибирование, калькирование, грамматические замены, модуляция, конкретизация, членение предложений, опущения, перестановки и добавления. Разнообразные стратегии перевода взаимодействия художественного и политического дискурсов способствуют адекватной передаче намерений автора и успешному восприятию художественного произведения реципиентом.

Ключевые слова: дискурс, интердискурсивность, художественный дискурс, политический дискурс, интердискурсивные маркеры, переводческие трансформации.

Актуальность данной работы обусловлена возросшим интересом исследователей-лингвистов к особенностям перевода маркеров категории интердискурсивности в рамках политически ангажированных художественных текстов. В условиях глобализации адекватный перевод подобных произведений представляет собой востребованную задачу, решение которой способствует обеспечению диалога культур и корректной интерпретации иноязычным читателем идеологических и эстетических смыслов внутри текста. В настоящее время данный вопрос остаётся малоизученным и требует дальнейшего теоретического осмысления и практической разработки.

Цель работы – выявить основные стратегии и трансформации, применяемые при переводе элементов политического дискурса в англоязычном художественном тексте. Материалом для исследования послужил политический роман М. Доббса «Карточный домик», 1990 г. (M. Dobbs. House of cards) и его перевод на русский язык, выполненный В.А. Гольдичем и И.А. Оганесовой. В процессе работы были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, сравнительно-сопоставительный

анализ текстов оригинала и перевода, дискурсивный анализ, а также метод сплошной выборки при отборе эмпирического материала. Теоретическая база исследования включает в себя фундаментальные труды в области зарубежной и отечественной теории перевода (В.Н. Комиссаров, Л.С. Бархударов), лингвистики текста и дискурса (В.Е. Чернявская, Е.В. Белоглазова, А.А. Гордиевский), а также работы, посвященные специфике политического и художественного дискурсов (А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич, С.К. Сапиева, Н.Е. Маслова, А.Р. Шхумишхова и др.).

В современной лингвистике категория дискурса является объектом пристального внимания ученых-языковедов. В общем понимании под дискурсом подразумевается текст, обусловленный экстралингвистическими факторами, а также когнитивно-коммуникативный процесс его создания и интерпретации.

В рамках данного исследования наиболее релевантными являются политический и художественный дискурсы. А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич понимают под политическом дискурсом «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освещенных традицией и проверенных опытом» [1, 6]. Ключевая цель политического дискурса заключается в завоевании и удержании власти. Данному типу дискурса характерны клишированность, различные устойчивые формулировки, а также использование экспрессивных языковых средств, эвфемизмов, в том числе набора речевых стратегий и тактик, призванных эффективно воздействовать на аудиторию [9, 486].

Литературно-художественный дискурс представляет собой художественный текст как результат процесса художественной коммуникации в совокупности с различными вербальными и невербальными факторами, а также субъективной оценкой действительности писателя. К характерным особенностям литературно-художественного текста можно отнести фикциональность, субъективность, относительную истинность, диалогичность, полиморфность, а также наличие художественной перцепции. Основной прагматической функцией художественного дискурса является оказание эстетического воздействия на читателя, которое формирует у него «определенное духовно-ценностное отношение к действительности» [11, 4-5]. Стоит отметить, что художественный текст отражает не только внутренний мир писателя, но и культуру, ценности, а также социальные установки общества, присущие эпохе создания произведения.

В современных условиях глобализации исследовательский интерес к вопросу взаимодействия политического и художественного дискурсов обусловлен всепроникающей природой политики, пронизывающей все сферы жизни, с одной стороны, и неотъемлемой ролью художественной литературы в жизни человека, с другой [9, 485]. Результатом этого синтеза

становятся политически ангажированные художественные произведения, где сюжетная основа тесно переплетается с общественно-политическим контекстом. Подобное взаимовлияние и взаимопроникновение дискурсов неразрывно связано с понятием интердискурсивности.

Согласно Е.В. Белоглазовой, категория интердискурсивности определяется как «введение в текст, относящийся к одному дискурсу и манифестирующий свойственные тому черты, чуждых ему инодискурсивных элементов» [3, 360]. В.Е. Чернявская, представитель современной отечественной теории дискурса, понимает под интердискурсивностью связь между языковыми элементами, вызывающую в сознании реципиента переход между различными типами дискурса и мышления для усиления прагматического эффекта [13, 228].

При описании взаимодействия политического и художественного дискурсов целесообразно рассмотреть классификацию маркеров интердискурсивности. В рамках данного исследования обратимся к типологии, предложенной рядом отечественных ученых-лингвистов, которая выделяет [5, 13; 12, 222; 10, 5]:

- семантические маркеры (инородные сюжеты, темы, мотивы, образы);
- референциальные маркеры (антропонимы, топонимы, темпоральные элементы, исторические и культурные прецеденты);
- интертекстуальные маркеры (цитаты, парафраз, аллюзии, ссылки на тексты другого дискурса);
- маркеры иных семиотических систем;
- языковые маркеры (языковые средства, присущие иному дискурсу).

Перевод инодискурсивных фрагментов в политическом романе представляет собой комплексную задачу, сопряженную с рядом особенностей, обусловленных как лингвокультурными различиями, так и спецификой самого произведения. Адекватной передаче элементов политического дискурса в рамках художественного текста способствует применение различных переводческих трансформаций, разработке и классификации которых посвятили свои труды такие отечественные исследователи-лингвисты, как В.Н. Комиссаров, Л.С. Бархударов, А.Д. Швейцер, Я.И. Рецкер и многие другие. Согласно В.Н. Комиссарову, переводческие трансформации подразделяются на лексические (транскрибирование, транслитерация, калькирование, лексико-семантические замены), грамматические (синтаксическое уподобление, членение или объединение предложений, грамматические замены) и лексико-грамматические (антонимический перевод, экспликация, компенсация) [8, 172]. Типология Л.С. Бархударова включает в себя перестановки, замены, добавления и опущения [2, 191].

В качестве материала исследования нами были выбраны политический роман М. Доббса «Карточный домик», 1990 г. (M. Dobbs.

House of cards) и его перевод на русский язык, выполненный В.А. Гольдичем и И.А. Оганесовой. По сюжету главный герой, парламентский организатор Фрэнсис Уркхарт, не получив ожидаемого повышения в кабинете, начинает вести безжалостную политическую игру, чтобы в конечном итоге самому стать премьер-министром Великобритании.

Рассмотрим случаи проникновения политического дискурса в структуру авторского художественного текста и проанализируем особенности их перевода на русский язык.

1. «*I would be grateful for a silent moment in this great hall in which **Charles I** was tried and condemned and **Winston Churchill** lay in state*» [14, 47].

«Я был бы благодарен за возможность немного помолчать в том месте, где приговорили к смерти короля **Карла Первого** и прощались с **Уинстоном Черчиллем**» [6, 56].

В вышеприведенном фрагменте политический дискурс актуализируется посредством референциальных маркеров, в частности, упоминания реально существовавших политических деятелей прошлого: *Charles I* (король Англии, Шотландии и Ирландии из династии Стюартов, правивший в XVII веке), *Winston Churchill* (британский государственный и политический деятель, писатель, дважды занимавший пост премьер-министра Соединённого Королевства). При передачи инодискурсных включений переводчики используют прием транскрибирования, а также транскрипции в форме узуального эквивалента для перевода собственного имени монарха.

2. «*Margaret managed an extraordinary balance of personal toughness and sense of direction*» [14, 66].

«**Маргарет** удалось добиться замечательного баланса между личной жесткостью и чувством направления» [6, 78].

В рассматриваемом примере персонаж романа, Патрик Уолтон, министр внутренних дел, в ходе размышления о стилях лидерства, фамильярно упоминает собственное имя премьер-министра Великобритании, Маргарет Тэтчер, занимавшей пост в 1979-1990 годах. При переводе данного антропонима также применяется прием транскрипции.

3. «*The Chamber of the House of Commons is of relatively modern construction, rebuilt following the war after one of the **Luftwaffe's bombs** had missed the docks and carelessly scored a direct hit on **the Mother of Parliaments** instead*» [14, 38].

«**Зал заседаний Палаты общин** был относительно новым, восстановленным после войны, когда в **него** прямым попаданием угодила одна из **бомб Люфтваффе**, предназначенная для доков» [6, 45].

В этом примере политический дискурс реализуется за счет введения в текст политически маркированной лексики (согласно Cambridge

Dictionary), а именно выражения «*The Chamber of the House of Commons*», обозначающего место проведения заседаний нижней палаты парламента Великобритании [15]. При переводе данного включения используется устоявшийся эквивалент «Палата общин» как терминологическое соответствие [15], закреплённое в русском языке, а многозначное понятие «chamber» передается приемами конкретизации и дополнения как «зал заседаний». При передаче выражения «*Luftwaffe's bombs*», где под «Luftwaffe» подразумевается название германских военно-воздушных сил в период Третьего рейха, также знакомое русскоязычной культуре, используется прием транскрипции. Стоит также отметить, что в данном примере присутствует интертекстуальный маркер в виде аллюзии «*the Mother of Parliaments*», фразы произнесенной британским политиком Джоном Брайтом в Бирмингеме 18 января 1865 года [7, 16] и обозначающей Великобританию как родину парламентаризма или сам британский парламент. В переводе аллюзия заменена местоимением «него», в результате чего утрачивается смысловая глубина, а также историко-культурный подтекст оригинала. Подобное переводческое решение может быть оправдано с точки зрения культурной адаптации, необходимость которой может быть обусловлена возможным отсутствием у русскоязычного читателя фоновых знаний относительно британской парламентской истории, а, следовательно, и невозможностью понять заложенный в отсылке смысл.

4. «*After all, we have well over 300 MPs to look after*» [14, 34].

«В конце концов, нам приходится присматривать более чем за тремястами членами парламента» [6, 39].

В данном случае при переводе политического термина «MPs» происходит развёртывание аббревиатуры и последующее калькирование выражения с целью обеспечения адекватного понимания текста реципиентом [4, 200].

5. Следующий пример содержит фрагмент речи Генри Коллинриджа перед Кабинетом министров об отставке с поста премьер-министра Великобритании:

«... to re-establish and preserve that unquestioned integrity, I have today asked the permission of **Her Majesty the Queen** to **relinquish the office of Prime Minister** as soon as a successor can be chosen... I have devoted my entire adult life to the pursuit of my **political ideals**, and it goes against every bone in my body to **leave office** in this fashion» [14, 98].

«...чтобы восстановить и сохранить свое честное имя, сегодня я попросил **Ее величество королеву** об **отставке** с того самого момента, как будет избран мой преемник... Всю свою взрослую жизнь я посвятил стремлению к **политическим идеалам**, и теперь все во мне протестует. Я не хочу **покидать** свой **пост** при таких обстоятельствах» [6, 115].

Обращаясь к языковым маркерам интердискурсивного взаимодействия, отметим, что в данном отрывке политический дискурс представлен общественно-политической лексикой: *Her Majesty the Queen, prime minister, political ideals, office*. При переводе подобных включений ведущим приемом выступает калькирование. Однако многозначное понятие «office» передается на русский язык посредством приема конкретизации. Автор также вводит в текст эвфемизмы, используемые для смягчения факта вынужденной отставки: *relinquish, leave (office)*. Подобранные переводчиками русские эквиваленты обладают аналогичной смягчающей функцией, позволяют избежать прямых, стилистически сниженных или более жестких наименований ухода с должности.

При целостном рассмотрении представленного фрагмента речи премьер-министра как элемента политического дискурса следует отметить, что переводчики сохраняют официально-деловой стиль заявления, а также применяют ряд переводческих трансформаций, таких как членение предложений, грамматические замены (*relinquish* – *отставка*), лексические замены, в частности, модуляция (*unquestioned integrity* – *честное имя, it goes against every bone in my body* – *менерь все во мне протестует, in this fashion* – *при таких обстоятельствах*), перестановка, опущение (опускаются *permission, the office of Prime Minister, my*), добавления (*я не хочу, свой*).

Таким образом, анализ перевода элементов политического дискурса в художественном тексте показывает широкое разнообразие стратегий перевода, в частности, лексических и грамматических переводческих трансформаций, используемых переводчиками для передачи дискурсивных особенностей политической коммуникации. Применение подобных трансформаций адаптирует текст оригинала в к нормам принимающей культуры и способствует корректной интерпретации художественного произведения реципиентом.

В заключении отметим, что адекватный перевод интердискурсивного взаимодействия достигается на пересечении лингвистической точности, осведомленности о культурно-исторических и политических реалиях, а также учета дискурсивных норм как исходной культуры, так и культуры перевода.

Список литературы

1. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык (от ритуала к метафоре). М.: Знание, 1991. 64 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: «Междунар. отношения», 1975. 240 с.
3. Белоглазова Е.В. Интердискурсивность. Дискурс-Пи: научно-практический альманах. 2010. № 1-2 (9-10). С. 359-360.

4. Галлямова М.С., Кленовая Н.В. Приемы перевода при работе с аббревиатурами в рамках делового письма // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова Науч.-метод. журн. Т. 22, № 2. Кострома, 2016. С. 200.
5. Гордиевский А.А. Категория интердискурсивности в научно-дидактическом тексте (на материале лекций на русском и немецком языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2006. 23 с.
6. Доббс М. Карточный домик [пер. с англ. В.А. Гольдича, И.А. Оганесовой]. М.: Эксмо, 2019. 480 с.
7. Душенко К.В. Всемирная история в изречениях и цитатах: 2 700 цитат от древности до наших дней: справочник / Константин Душенко. 2-е изд., / перераб. и доп. М.: Эксмо, 2008. 767 с.
8. Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
9. Новиков И.А. Интердискурсивность: художественные элементы в современной публичной политической речи // Мир науки, культуры, образования: международный научный журнал. № 2 (99). Горно-Алтайск, 2023. С. 485-487.
10. Ротанова Е.В. Интердискурсивный аспект интерпретации литературно повествовательного текста: на материале прозы Кристи Вольф: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 21 с.
11. Сапиева С.К., Малова Н.Е., Шхумишхова А.Р. Литературно-художественный дискурс и его интерпретация в современной лингвистике // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики № 4. Пермь, 2021. С. 27-34.
12. Скугарева Е.В. Категория интердискурсивности в тексте художественного произведения (на материале романа Д. Брауна «Ангелы и демоны») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 6. С. 222–225.
13. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.
14. Dobbs M. House of cards. William Collins Sons Co. Ltd. Glasgow, 1990. 194 с.
15. Cambridge Dictionary. [Электронный ресурс] URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/prime-minister> (дата обращения: 25.03.2026).

© Рюкова А.Р., Шаймарданова С.М., 2026

Сафина З.М.

канд. филол. наук, доцент УУНУТ

г. Уфа, Россия

Губайдуллина С.М.

г. Уфа, Россия

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ ПАССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматриваются особенности перевода пассивных конструкций с английского языка на русский. Актуальность исследования обусловлена высокой частотностью употребления страдательного залога в английском языке и грамматической асимметрией между двумя языками, что создаёт устойчивые трудности при переводе. На материале романа Ф.С. Фицджеральда «Ночь нежна» и его перевода, выполненного Е. Калашиниковой, анализируются основные типы пассивных конструкций и выявляются наиболее эффективные переводческие трансформации. Работа носит прикладной характер и может быть использована в практике обучения переводу.

Ключевые слова: *пассивный залог, активный залог, переводческие трансформации.*

Перевод пассивных конструкций с английского языка на русский традиционно относится к числу сложных проблем переводоведения. Высокая частотность употребления страдательного залога в английском языке обуславливает актуальность темы: без адекватной передачи этих конструкций невозможно достичь ни точности, ни стилистической естественности перевода.

Грамматическая асимметрия между двумя языками проявляется в том, что английский язык тяготеет к обезличенным и номинализированным формам, тогда как русская традиция отдаёт предпочтение активным и личным конструкциям. Это порождает устойчивые трудности, требующие системного осмысления и выработки эффективных стратегий перевода.

Объектом исследования выступают пассивные конструкции в современном английском языке. Предметом исследования являются способы и приёмы передачи данных конструкций на русский язык с учётом их грамматических, семантических и стилистических особенностей.

Цель исследования заключается в выявлении, систематизации и анализе наиболее эффективных переводческих трансформаций, применяемых при передаче английских пассивных конструкций на русский язык.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных лингвистов-переводоведов Л.С. Бархударова, Я.И. Рецкера, В.Н. Комиссарова, а также работы по грамматике английского языка В.Л. Каушанской. Материалом для анализа выбран роман Ф.С. Фицджеральда «Ночь нежна» и его перевод на русский язык, выполненный Е. Калашниковой, что позволяет рассмотреть функционирование пассивных конструкций в художественном тексте и оценить эффективность конкретных переводческих решений.

Категория залога понимается в лингвистике как грамматическая категория, выражающая отношение действия к субъекту и объекту. Как отмечал В.В. Виноградов, «зalog есть такая грамматическая категория, которая при помощи соответствующих форм и конструкций выражает отнесенность действия к субъекту и объекту» [3, 504]. Активный залог выражает действие, выполняемое самим предметом, тогда как пассивный залог показывает, что предмет становится объектом, над которым совершается действие [4, 137].

Как известно, «грамматическая категория залога формируется оппозицией скрытой и явной морфем. Действительный залог характеризуется нулевым маркером, в то время как страдательный залог, маркированный, образуется с помощью вспомогательного глагола *to be* и причастия II смыслового глагола» [7, 527].

В отличие от английского, в русском языке морфологическое выражение категории залога развито значительно слабее. Пассивный залог в русском языке чаще всего образуется при помощи присоединения аффикса *-ся* к глаголам в активном залоге, а также при помощи полных или кратких причастий. Некоторые группы переходных глаголов в русском языке не могут употребляться в пассивном залоге: глаголы перемещения, глаголы чувств и восприятия, глаголы с одноактным суффиксом *-ну* [4, 141].

В отечественной лингвистике сложилась традиция системного анализа пассивных конструкций. Л.С. Бархударов в своей работе «Грамматика английского языка» рассматривает конструкцию, где субъект действия выражен агентивным дополнением с предлогом *by*, называя её собственно-страдательным (прямым) пассивом [1, 144]. Я.И. Рецкер, в свою очередь, анализирует случаи, когда английскому глаголу в страдательном залоге соответствует переходный глагол в русском языке [6, 65]. В.Л. Каушанская выделяет так называемый предложный пассив, где первый элемент конструкции соответствует предложному дополнению активной конструкции, причём предлоги сохраняют своё место после глагола [4, 141].

Проведённый анализ показывает, что передача английского пассива в русском языке может осуществляться несколькими способами, выбор

которых зависит от грамматических, семантических и стилистических факторов.

В некоторых случаях переводчик сохраняет пассивную форму, используя в русском языке эквивалентную конструкцию в страдательном залоге. Это позволяет точно передать структуру исходного высказывания, например:

*So that while Rosemary was a "simple" child she **was protected** by a double sheath of her mother's armor and her own. — При всей своей детской непосредственности, она **была защищена** двойной броней.*

В данном примере русское краткое причастие *защищена* выступает функциональным эквивалентом английской пассивной конструкции *was protected*.

Наиболее распространённым приёмом, описанным Я.И. Рецкером, является замена страдательного залога активным, что соответствует стилистической норме русского языка [6, 74]. В исследуемом материале обнаружены следующие примеры использования данного приема:

*Recently an eighth of the area of his skull **had been removed** by a Warsaw surgeon... — Недавно польский хирург **удалил** ему восьмую часть черепной коробки...*

*This feeling **was surcharged** by listening to the sad tunes of the orchestra. — Тоску еще **усугубляли** унылые мелодии оркестра.*

В обоих случаях переводчик вводит активное подлежащее, что делает конструкцию естественной для русского восприятия.

В английском языке, помимо личной формы глагола, в пассивном залоге могут употреблять и неличные формы. В тексте романа встречаются пассивные конструкции с инфинитивом, рассмотренные В. Н. Комиссаровым. Такие формы распространены после модальных глаголов, использующихся в значении возможности или долженствования [5, 74]:

*Then they **can be released** on bail on some charge like disturbing the peace. — После этого, я полагаю, обе дамы **могут быть отпущены** на поруки.*

Здесь переводчик сохраняет пассивную форму, что позволяет точно передать модальность исходного высказывания.

При переводе предложного пассива или конструкций, где агентивное дополнение отсутствует, эффективным решением становится безличное предложение:

*The other one, a girl of the port, **could be more easily dealt with**. — Вторая была обыкновенная портовая девка, тут все обстояло проще.*

Как отмечает В.Н. Комиссаров, замена страдательного залога безличной конструкцией применяется в случае, когда в русском языке невозможно найти соответствующий оригиналу переходный глагол.

При значительных грамматических расхождениях между языками возникает необходимость в полной синтаксической реконструкции:

"I stand in the position of Nicole's protector until details can be arranged. You don't like me," he said to Rosemary, "but that can't be helped." — Вы ко мне плохо относитесь, — обратился он к Розмэри, — но тут уж ничего не поделаешь. С этой минуты и впредь до окончательного урегулирования вопроса Николь находится под моей защитой.

В данном случае английская пассивная конструкция *can be arranged* трансформируется в русское отглагольное существительное *урегулирования*, что позволяет сохранить смысловую структуру при естественном синтаксическом оформлении. Конструкция *can't be helped*, аналогично предыдущему случаю, передана на русский язык в виде односоставного безличного предложения *ничего не поделаешь*.

Проведённый анализ подтверждает, что перевод пассивных конструкций с английского на русский язык представляет собой сложную и многогранную задачу, решение которой лежит не в плоскости механического грамматического соответствия, а в области функционально-смысловой адаптации. Основная трудность проистекает из фундаментальной асимметрии в выражении категории залога: если для английского языка характерна высокая частотность и стилистическая нейтральность пассива, то русский язык тяготеет к активным, личным и безличным конструкциям, а книжный пассив с кратким причастием обладает ограниченной сферой употребления.

Как показало исследование на материале романа Ф.С. Фицджеральда «Ночь нежна», адекватный перевод требует от переводчика владения широким арсеналом трансформаций, а именно использование эквивалентных пассивных конструкций, замена пассива активной конструкцией, введение безличных предложений и полная синтаксическая реконструкция.

Успешный перевод пассива основывается на чётком понимании его коммуникативной функции в исходном тексте (акцентирование объекта, обезличенность, формальность) и творческом подборе такого синтаксического средства в языке перевода, которое выполняет аналогичную функцию, сохраняя при этом естественность и стилистическую гармонию итогового текста. Систематизация этих приёмов имеет непосредственную практическую ценность, служа надёжной основой как для обучения переводу, так и для профессиональной переводческой деятельности.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Грамматика английского языка. Изд. 3-е (стереотип.). Москва: Высшая школа, 1965. 425 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

3. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под. ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 719 с
4. Грамматика английского языка. Пособие для студентов педагогических институтов / В. Л. Каушанская, Р. Л. Ковнер. О. Н. Кожевникова, Е. В. Прокофьева и др. 5-е изд., испр. и доп. М.: Айрис-пресс, 2008. 384 с.: ил. (Высшее образование).
5. Комиссаров В.Н., Тархов В.И., Рецкер Я.И. Пособие по переводу с английского языка на русский. В 3 ч. Ч. 2. Грамматические и жанрово-стилистические основы перевода. М.: Высш. шк., 1965. - 287 с. с.
6. Рецкер Я. И. Пособие по переводу с английского языка на русский. М.: «Просвещение», 1982. 159 с.
7. Сафина З.М. Фрактальные свойства залоговых форм глагола // Доклады Башкирского университета. 2017. Т 2, №3. С. 523-530.
8. Фицджеральд Ф. С. Ночь нежна. Пер. с англ. Е Калашниковой. // URL: <https://fitzgerald.narod.ru/tend/noch01.html> (дата обращения: 29.03.2026).
9. Fitzgerald F. S. Tender is the Night. // URL: http://fitzgerald.narod.ru/tend/orig_tender_01.html (дата обращения: 29.03.2026).

© Сафина З.М., Губайдуллина С.М., 2026

УДК 81'25

Сафина З.М.

канд. филол. наук, доцент УУНУТ

г. Уфа, Россия

Хафизова А.Н.

г. Уфа, Россия

ПЕРЕДАЧА ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Данная статья посвящена анализу способов передачи русских глаголов движения на английский язык на материале оригинала повести «Гранатовый браслет» А.С. Куприна и перевода, выполненного Степаном Апресяном. В статье рассматривается классификация глаголов движения в русском языке, а также изучается типология данной группы глаголов, предложенная Л. Талми.

Ключевые слова: *глаголы движения, однонаправленные глаголы, неоднаправленные глаголы, типология Л. Талми, художественный перевод.*

Глаголы движения русского языка представляют собой «устойчивую структурно-семантическую группу глаголов несовершенного вида,

которые объединяются в пары слов с общим корнем» [2, 589]. Отечественная лингвистика предлагает множество различных классификаций парных глаголов. Традиционно глаголы движения подразделяются на неоднаправленные и однаправленные.

Глаголы неонаправленного движения относятся к неопредельным глаголам, поскольку они обозначают движение, осуществляемое в различных направлениях и, как правило, повторяющееся, например, «*Все знали, что если не усадить Густава Ивановича за карты, то он целый вечер будет **ходить** около жены...*» [7]. При присоединении префиксов к таким глаголам их лексическое значение существенно меняется: так, глагол *ездить* в форме *выездить* приобретает значение «приучить к езде» или «заработать посредством езды». В ряде случаев префикс может выражать дополнительные семантические оттенки, включая значение начала действия (*забегать*), его временной ограниченности (*побегать*), а также завершенности (*отбегать*).

Глаголы однаправленного движения, напротив, относятся к предельным, т.к. обозначают движение, ориентированное на достижение определенного предела, чаще всего пространственного. К таким глаголам относятся, например, *идти* (в университет), *плыть* (к берегу), *нести* (сумку домой). При добавлении префикса лексическое значение данных глаголов меняется во всех случаях (*идти* — *прийти, дойти, уйти, отойти*) [2, 593].

Американский лингвист Леонард Талми выделяет три типа языков в зависимости от способа выражения движения. Согласно его концепции, каждый язык опирается преимущественно на один из этих способов при выражении движения [5, 62].

1. Глаголы движения первого типа языков характеризуется формулой «motion + manner/cause». В корне глаголов наряду со значением движения выражается также способ или причина его осуществления. По мнению лингвиста, английский язык является ярким представителем данного типа. Например, в предложении «*The rock slid/rolled/bounced down the hill*» все три глагола описывают движение камня вниз по склону, но по-разному передают характер этого движения (manner). При употреблении глагола *slide* мы понимаем, что камень движется по гладкой или мокрой поверхности почти без вращения. Если используем *roll*, то камень будет непрерывно катиться вниз, вращаясь вокруг своей оси. Глагол *bounce* дает представление о том, как камень ударяется о землю, а затем подскакивает, т.е. движение происходит рывками.

2. Глаголы движения второго типа языков определяются формулой «motion + path», т.е. глагольный корень подразумевает не только движение, но и его направление. К языкам второго типа Л. Талми относит романские, полинезийские и семитские языки. Рассмотрим пример предложения на французском языке «*Le chat est monté sur le toit*» – «*Kom*

забрался на крышу», где глагол *monter* (подниматься) выражает не только само движение, но и направление этого движения – вверх. По тому же принципу можно проанализировать глагол *descendre* (спускаться) в предложении «*Le chien est descendu de la colline*» – «Собака спустилась с холма», где глагол *descendre* предполагает движение вниз.

3. Глаголы движения третьего типа языков в своем корне содержат не только значение движения, но и указание на субъект, осуществляющий это движение (motion + figure). Такая структура, по словам Л. Талми, встречается довольно редко. В качестве примера автор приводит английский глагол *to rain* (идти (о дожде)), в котором уже заложена информация о субъекте движения. Например: «*It rained in through the bedroom window*» – «Дождь проник через спальное окно» [5, 72].

Хотя типология Л. Талми легла в основу изучения кодирования событий движения, она не раз становилась объектом критики. Исследователи указывают на то, что, несмотря на детально проработанные семантические категории, данная система игнорирует специфику отдельных языков. В качестве примера приводится отсутствие учета направленности движения в русском языке. В результате автор упускает из виду существенные межъязыковые различия, что приводит к ошибочному объединению в одну группу языков с принципиально разной структурой и семантикой. Так, в английском и русском языках способ движения часто кодируется в корневой основе глагола. Однако в русском языке обозначение способа движения в глаголах, как правило, обязательно, в отличие от английского языка [1, 778]. Таким образом, особенность русских глаголов движения заключается в том, что их значение можно поменять посредством присоединения приставок. В английском языке, в соответствии с первым типом глаголов по классификации Л. Талми, разнообразие способов выражения движения реализуется преимущественно за счет лексической вариативности.

В рамках данной статьи исследовались глаголы движения на материале повести А.С. Куприна «Гранатовый браслет» и его перевода на английский язык «*The Garnet Bracelet*», выполненного С. Апресяном. Рассмотрим способы перевода глаголов однонаправленного движения на английский язык:

«*Идем* очень медленно вверх, по довольно крутому подъему». – «*It was creeping up a rather steep incline*».

В паре *идти-ходить* глагол *идти* является однонаправленным, означающим «двигаться в пространстве в заданном направлении, ехать, плыть, лететь по маршруту (о средствах передвижения и людях, пользующихся ими); син. перемещаться, следовать» [4, 28]. Глагол *to creep* имеет значение «to move slowly, quietly, and carefully, usually in order to avoid being noticed» (медленное, постепенное или незаметное движение) [6]. В значении английского глагола содержится не только указание на

движение, но и указание на образ действия – медленно, таким образом, переводчик отказывается от прямого соответствия русского глагола – *go*, конкретизируя значение глагола движения, использованного в оригинале.

В ряде случаев при переводе значение движения полностью пропадает, например:

«Вся местность спускается к морю, точно географическая карта».
– «*The whole landscape lay below like a map*».

Значение глагола *спускаться* – «двигаясь откуда-либо сверху, перемещаться (переместиться) вниз, занять более низкое положение в пространстве; син. опускаться; ант. подниматься» – также подразумевает однонаправленность [4, 33]. Однако в переводе использован глагол *to lie*, который сам по себе не является глаголом движения, в сочетании с наречием *below*, описывающим расположение чего-либо. Таким образом, идея движения полностью теряется в переводе и действие заменяется на описание состояния (местность подобно карте лежала у моря).

Теперь перейдем к анализу глаголов неоднаправленного движения и выявим, какими способами перевода воспользовался переводчик.

«А тут папа-мама ходят вокруг, за дверями подслушивают...». – «*Her papa and mamma slunk about us...*».

Ходить – «двигаться куда-л. с какой-л. целью в разных направлениях или в разное время; син. расхаживать» [4, 66]. В предложении использовано наречие образа действия *вокруг*, что подразумевает отсутствия определенного направления движения. В данном случае *вокруг* – значит по периметру комнаты. В тексте перевода использован глагол *to slink* – «to move somewhere quietly so that no one will notice you» (двигаться тихо, чтобы никто не заметил) [6]. В исходном тексте не подразумевается тихое, незаметное движение, описывающее поведение человека в ситуации подслушивания чужих разговоров, а в переводе уточняется образ действия в семантике самого глагола.

Этот же глагол можно увидеть в следующем примере, однако его значение и способ перевода отличаются:

«Он всегда ходил без оружия, в старомодном сюртуке, в фуражке с большими полями...» – «*He never carried arms, and he went about in a long, old-fashioned coat and a cap with a large top...*».

В данном примере вызывает интерес тот факт, что переводчик использовал два глагола для передачи значения русского глагола – *carry* и *go*. Вызвано это тем, что в выражении *ходить без оружия* глагол может быть передан на английский соответствующим глаголом движения *walk*, но такое употребление довольно редко, и поэтому переводчик прибегает к замене данного глагола на глагол *carry* в значении «нести»: *He never carried arms* – букв. Он никогда не носил оружия. Однако дальше переводчик прибегает к использованию глагола движения *go* в значении «move from one place to another; travel». Данный пример демонстрирует,

что «оттенки значения русского глагола не всегда передаются в процессе перевода» [3, 81]. Так, глагол *ходить* реализует значение «двигаться, переступая ногами», в то время как глагол *go* не передает этот способ движения.

Таким образом, при переводе русских неоднаправленных и однаправленных глаголов движения информация о способе движения не всегда сохраняется, так как эта информация необязательна в английском языке. Кроме того, для перевода глаголов движения используется большое разнообразие английских лексических единиц, не являющихся прямыми соответствиями русских глаголов. В ходе исследования было выявлено, что если в русском языке направление достаточно задать путем добавления приставки, то в английском языке в большинстве случаев направление передается при помощи использования предлогов и лексической замены. Сделан вывод о том, что глаголы движения в разноструктурных языках имеют сложную семантическую структуру, которую не всегда можно точно передать при переводе.

Список литературы

1. Морозкина Е.А., Морозкин Ю.Н., Сафина З.М. Фрактальные свойства глаголов движения в оригинале и переводе художественного текста // Вестник Башкирского университета. – 2018. – Т. 23, № 3. – С. 777–782.
2. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – 783 с.
3. Сафина З.М. Исследование фрактальных свойств в процессе перевода // Глобальный научный потенциал. – 2020. – № 9 (114). – С. 78–82.
4. Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание, английские эквиваленты, синонимы, антонимы / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.
5. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Vol. 2: Typology and process in concept structuring. – Cambridge: MIT Press, 2000. – 495 p.
6. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 20.03.2026).
7. Kuprin, A. I. The Garnet Bracelet [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://linguabooster.com/ru/en/book/garnet-bracelet> (дата обращения: 20.03.2026).

© Сафина З.М., Хафизова А.Н., 2026

**КОЭФФИЦИЕНТ ЛЕКСИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ
В ПЕРЕВОДАХ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»**

В статье проводится сопоставительный анализ трех вариантов перевода романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», а также рассматривается взаимосвязь между коэффициентом лексического разнообразия в тексте перевода и оригинала. Делается вывод о том, что высокий показатель данной величины, как правило, коррелирует с наиболее удачным переводом. Материалом для исследования послужили переводы, выполненные К. Гарнетт, Д. Макдаффом и О. Рэди. Статистическая обработка корпусов текстов производится с помощью программного продукта AntConc.

Ключевые слова: коэффициент лексического разнообразия, Достоевский, Преступление и наказание, AntConc.

На сегодняшний день роман великого русского писателя Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» насчитывает не менее пятнадцати различных переводов на английский язык. Первый перевод датируется 1885 годом и принадлежит британскому писателю и переводчику Фредерику Дж. Уишоу. Самый последний перевод романа выполнен Дэвидом Петолтом и опубликован в 2024 году в формате самиздата. В данной работе мы ограничимся рассмотрением трех вариантов перевода романа на английский язык, созданных в различные социально-исторические периоды. Один из таких переводов романа принадлежит английской переводчице Констанс Гарнетт (1914 год) и по сей день не теряет своей актуальности. Именно благодаря этому переводу, ставшему уже классическим, целые поколения англоязычных читателей смогли познакомиться с творчеством Ф.М. Достоевского. В 1991 г. вышла более современная английская версия перевода романа, выполненная британским переводчиком Дэвидом Макдаффом. В 2014 году Оливер Рэди, оксфордский русист, сделал попытку перевода романа с учетом недостатков всех предыдущих вариантов перевода. По мнению многих, данный перевод ничем не уступает и даже во многом превосходит более ранние переводы романа.

Попытка сопоставить три варианта перевода романа производится при помощи важного для статистической лингвистики показателя - коэффициента лексического разнообразия (далее - КЛР). Данная величина

обозначает «диапазон и вариативность словарного запаса, который говорящий реализует в тексте» [9, 459]. КЛР используется для определения лексического разнообразия художественных текстов и выявления особенностей авторского стиля. В основе данного коэффициента лежит соотношение числа уникальных лексических единиц (лемм) и количества их употреблений в тексте (всех словоформ). Для подсчета КЛР нами используется следующая формула: $k=(n/N)*100$, где k - коэффициент лексического разнообразия, n - количество разных слов в корпусе (лемм), N - количество токенов (всех словоформ) [8, 559]. Обработка корпусов текстов производится при помощи автоматизированной программы AntConc.

Процентное соотношение разных слов (лемм) к общему количеству словоупотреблений, использованных переводчиками, отражено в таблице 1:

Таблица 1. Коэффициент лексического разнообразия

Перевод	N	n	k
Ф.М. Достоевский (оригинал)	87098	10522	12,08
К. Гарнетт (перевод, 1914 г.)	96106	6518	6,78
Д. Макдафф (перевод, 1991 г.)	114728	7859	6,85
О. Рэди (перевод, 2014 г.)	99360	7141	7,19

Из приведенной выше таблицы можно проследить взаимосвязь между годом перевода романа и степенью лексического разнообразия текста (k). Как видим, чем современнее перевод романа, тем выше КЛР. Данную взаимосвязь можно объяснить тем, что язык эволюционирует и с каждым годом появляется все больше новых слов, понятий и явлений. Но также это можно объяснить тем, что каждый последующий переводчик романа старается привнести в текст что-то новое, разнообразить текст оригинала, а также разъяснить моменты, оставленные без внимания другими переводчиками и вызывающие затруднения у читателей. Может показаться, что разница в КЛР довольно незначительна, между первым переводом, выполненным К. Гарнетт, и последним переводом О. Рэди разница составляет всего 0,41. Однако, как верно заметили в своем исследовании Д. Бузаджи и В. Ланчиков, даже самые небольшие отличия в КЛР играют значительную роль, поскольку отражают разницу в подходах переводчиков к передаче смысла одного и того же текста [1, 20].

Чтобы подтвердить или опровергнуть наши выводы, обратимся к примеру ниже.

Ф.М. Достоевский (оригинал)	К. Гарнетт (перевод, 1914 г.)	Д. Макдафф (перевод, 1991 г.)	О. Рэди (перевод, 2014 г.)
Мужик убежит, модный сектант убежит - лакей чужой мысли, - потому ему только кончик пальчика показать, как мичману Дырке , так он на всю жизнь во что хотите поверит.	A peasant would run away, a fashionable dissenter would run away, the flunkey of another man's thought, for you've only to show him the end of your little finger and he'll be ready to believe in anything for the rest of his life.	A muzhik might run away, a fashionable sectarian might run away – the lackey of other men's thoughts – because you've only to show him the tip of your finger, like Warrant Officer Dyrka , and he'll believe anything you tell him for the rest of his life.	A peasant would run; and a fashionable religious fanatic - a slave to someone else's thoughts - would run, because you need only show him the tip of your little finger, as happened to that warrant officer in Gogol's play , for him to believe whatever you want for the rest of his life.

Можно заметить, что оригинальный текст произведения изобилует большим количеством реалий, отсылок, эмоционально-оценочной и этнокультурной лексикой, которую писатель использует для создания ярких художественных образов. Так, в данном примере слово *мужик* в оригинальном тексте имеет скорее негативную коннотацию, звучит несколько грубовато и просторечно. В своем переводе Д. Макдафф, пытаясь сохранить колорит культуры и пейоративную окраску данной лексической единицы, обращается к приему транслитерации, в то время как два других переводчика в данном случае используют более нейтральное слово *peasant*. Анализируя перевод Д. Макдаффа, можно заметить, что на протяжении всего романа к данному приему переводчик обращается довольно часто, его текст изобилует транслитерированными вариантами перевода и переводческими пояснениями. КЛР (*k*) этой версии перевода составляет 6,85, что также объясняет самый высокий показатель словоформ (*N*) в его тексте. Однако вряд ли можно назвать перевод Д. Макдаффа наиболее удачным из представленных, поскольку большое количество транслитерированных реалий, незнакомых иностранному читателю, могут вызывать определенные затруднения при прочтении

романа. Наиболее ёмким и содержательным, полагаем, можно считать перевод, выполненный К. Гарнетт, который и по сей день пользуется чрезвычайной популярностью и выдержал немало переизданий. Однако и этот перевод не лишен некоторых недостатков. Заметим, что КЛР перевода версии К. Гарнетт существенно ниже остальных - 6,78. В своём переводе К. Гарнетт нередко прибегает к излишнему упрощению, генерализации и редуцированности текста оригинала. Так, например, в переводе версии К. Гарнетт оказалась опущена сложная для понимания аллюзия на персонаж из пьесы Н. Гоголя, мичмана Дырку. В то же время два других переводчика в данном случае используют ссылки для разъяснения аллюзии, которая может быть не совсем понятна из-за разницы языков и культур. К сожалению, подобные опущения встречаются в переводе К. Гарнетт довольно часто, что, полагаем, весьма нежелательно. В то же время можно говорить о том, что в переводе К. Гарнетт довольно точно подобраны лексические соответствия, например, *сектант* (*dissenter*), *лакей* (*flunkey*) и др. Перевод О. Рэди, согласно приведённым выше подсчётам, имеет наиболее высокий показатель k (7,19) и является наиболее разнообразным в лексическом плане. На примере данного предложения мы видим, что переводчик стремится как можно более детально объяснить непонятные для иностранного читателя русские реалии, чаще других прибегает к таким приёмам, как смысловое развитие и лексическое добавление, за счёт чего его перевод содержит наибольшее количество лемм и словоупотреблений, и, следовательно, имеет более высокий коэффициент лексического разнообразия.

В то же время, говоря о КЛР текста оригинала, можно отметить, что он составляет 12,08 и почти в два раза превышает КЛР текстов перевода. Полагаем, что данное явление можно объяснить разноструктурностью английского и русского языков. Так, русский язык считается синтетическим (флективным), в то время как английский язык относится к аналитическому типу языков. Как заметили в своем исследовании Е.А. Морозкина и А.Д. Корнилова, «в англоязычном переводе, в отличие от оригинала, используется больше лексических единиц ввиду различий в грамматическом и синтаксическом строе русского и английского языков» [3, 408]. В русском языке грамматические значения выражаются внутри слова с помощью окончаний, суффиксов, префиксов и постфиксов, что объясняет значительно более высокий показатель числа уникальных лексических единиц (n) в тексте оригинала. В английском языке основные грамматические значения в основном выражаются через служебные слова (предлоги, союзы, артикли), что, в свою очередь, объясняет более высокий показатель числа всех словоформ (N) в англоязычных текстах по сравнению с оригиналом. Таким образом, снижение показателя k в текстах перевода может быть связано с особенностями русского и английского

языков, а именно с тем фактом, что данные языки имеют разные типы флективности.

Таким образом, данная работа позволила рассмотреть, насколько и каким образом переводы романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» способны «передать сложный художественный эффект, заложенный в текст автором» [4; с. 159]. В статье мы попытались сопоставить с точки зрения коэффициента лексического разнообразия наиболее известные на сегодняшний день переводы означенного романа Ф.М. Достоевского. В ходе исследования мы пришли к выводу, что наиболее удачной с точки зрения КЛР и передачи оригинального замысла можно считать версию перевода О. Рэди. В новом варианте текста перевода О. Рэди учитывает недостатки прошлых версий перевода «Преступления и наказания» на английский язык, а также находит пути решения проблемы перевода сложных для понимания современного читателя лексических единиц. Можно сделать вывод о том, что высокий уровень КЛР может являться одним из показателей наиболее удачного и адекватного перевода. Несомненно, данный вопрос требует более детального рассмотрения в дальнейших исследованиях.

Список литературы

1. Бузаджи Д. М., Ланчиков В. К. Буквализм и языковое разнообразие. Об использовании одного метода корпусной лингвистики в переводоведении // Мосты. Журнал переводчиков № 4 (32), 2011. С. 12-27.
2. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский. Москва: Изд-во АСТ, 2017. - 672 с.
3. Морозкина Е.А., Корнилова А.Д. Речевой объем, речевой поток и средняя длина реплик персонажей в оригинале и переводе пьесы а.п. Чехова «вишневый сад» - Мир науки, культуры, образования. №4 (113), 2025. - С. 407-409.
4. Морозкина Е.А., Исхакова Э.В., Янгирова Г.В. Актуализация рекурсии как вида языковой аномалии при переводе художественного текста (на материале оригинала и перевода романа Дж. Барнса «Попугай Флобера») // Филология: научные исследования. 2025. № 10. С. 159-164.
5. Dostoevsky F. Crime and punishment / Fyodor Dostoevsky; transl. by Constance Garnett. - Mineola (N.Y.): Dover Publications, 2001. - 430 p.
6. Dostoevsky F. Crime and punishment / Fyodor Dostoevsky; Transl. with an introd. a. notes by David McDuff. - London etc.: Penguin books, 1991. 647 p.
7. Dostoevsky F. Crime and punishment / Fyodor Dostoevsky; transl. by Oliver Ready - Penguin Books, Limited edition, 2024. - 720 p.
8. Goncalves L. L., Goncalves L. B., Fractal power laws in literary English. Physica A, 360 (2), 2006. P. 557-575.

9. McCarthy P. M. Voc-D: A theoretical and empirical evaluation / P. M. McCarthy, S. Jarvis // Language Testing. 2007. Vol. 24. No. 4. P. 459-488.

© Смакова А.Л., 2026

УДК 81'25

Черепанова Е.М.

ст. преподаватель УУНУТ

г. Уфа, Россия

Голинская Г.Я.

г. Уфа, Россия

МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена исследованию модальных глаголов как лингвистического способа выражения обязательности в юридическом дискурсе в английском языке. Анализ модальных глаголов shall, must, may показал, что их адекватный перевод требует точного понимания различия в их значениях с учетом контекста, а также системы права исходного языка.

Ключевые слова: *модальные глаголы, юридический дискурс, деонтическая модальность, юридическая обязательность, правовой текст.*

В условиях современной международной коммуникации крайне важно понимание особенностей использования модальности как способа предъявления директивной информации в юридической сфере, поскольку оно напрямую влияет на адекватность перевода юридических текстов.

Модальность является предметом особого внимания многих отечественных и зарубежных ученых-лингвистов, таких как В.В. Виноградов, А.В. Бондаренко, Г.А. Золотова, Ш. Балли, Д. Кристалл, Р. Латкофф. В последние годы растет интерес к исследованию функционирования различных видов модальности в тексте, например, алетической, эпистической, деонтической.

В современном отечественном языкознании деонтическую (нормативную) модальность принято рассматривать как способ репрезентации долженствования, разрешения и запрета. Этот вид модальности особенно актуален для юридического дискурса, поскольку право, будучи системой нормативного регулирования общественных отношений, часто оперирует понятиями «должен», «разрешено», «запрещено».

В юридическом дискурсе основными индикаторами деонтической модальности выступают модальные глаголы. В настоящем исследовании

рассматриваются особенности употребления глаголов *shall*, *must*, *may* как наиболее частотных средств выражения модальности в правовых текстах.

Способы функционирования модальных глаголов в профессиональных текстах могут по-разному отражать их смысловое содержание. Например, глагол *shall* в разговорном английском языке, как правило, используется для выражения будущего времени, предложения помощи или обещания. Однако, как указывает О.А. Крапивкина, его функции в юридическом тексте могут значительно меняться: «Он используется для выражения долженствования, предписания или обязательства» [1, 115]. В текстах международно-правовых актов этот глагол выражает императивную функцию, благодаря чему юридический документ превращается в систему четких и строгих предписаний.

Следует отметить, что глагол *shall* обладает значительным семантическим разнообразием, что осложняет выполнение перевода юридического текста в связи с необходимостью поиска адекватных лексических соответствий. Рассмотрим некоторые примеры использования глагола в сфере нормативно-правовой документации.

Одной из основных функций данного глагола в юридическом дискурсе является выражение долженствования, а также установление строгих обязательств. В этом случае глагол *shall* по своему значению близок к модальному глаголу *must*: “*The United States shall guarantee to every State in this Union a Republican Form of Government, and shall protect each of them against Invasion*” [3]. – «Соединенные Штаты обязуются гарантировать каждому штату в настоящем Союзе республиканскую форму правления и защищать каждый из них от вторжения» [4]. Данный пример наглядно демонстрирует функцию нормативного предписания, то есть обязанность совершить действие.

“... *he shall not receive within that Period any other Emolument from the United States, or any of them*” [3]. – «... в течение этого периода он не должен получать никаких других вознаграждений от Соединенных Штатов или от кого-либо из них» [4]. В данном примере глагол *shall not* вводит функцию запрета.

Иногда глагол *shall* демонстрирует менее императивное значение и утрачивает свою категоричность. В таком случае *shall* семантически приближается по смыслу к глаголу *may*, тем самым указывая на наличие права у субъекта или допустимость того или иного действия: “*The President shall, at stated Times, receive for his Services, a Compensation*” [3]. – «Президент вправе в установленные сроки получать вознаграждение за свои услуги» [4].

Модальный глагол *shall* может также использоваться для поддержания формального стиля документа и быть опущен при переводе, поскольку не несет значимой смысловой нагрузки: “*A Majority of all the States shall be necessary to a Choice*” [3]. – «Для принятия решения

необходимо большинство голосов всех штатов» [4]. Вместо фразы “*shall be necessary*” можно было использовать “*is necessary*” без искажения смысла.

О.А. Крапивкина отмечает, что сложная семантика глагола *shall* может вызывать серьезные трудности при переводе юридических текстов, в связи с тем, что вариативность его значений нарушает один из основных принципов юридических документов – «четкость, однозначность формулировок и отсутствие двусмысленности» [1, 114].

Модальный глагол ***must*** выражает беспрекословную, жесткую обязательность, обусловленную наличием внешних обстоятельств или приказа. В юридическом дискурсе *must* часто используется, чтобы «изложить требования закона, природу, обстоятельства, причину и следствие» [2, 90].

“*Police officers must not receive private or special advantage from their official status*” [2, 91]. – «Сотрудники полиции не должны извлекать личную или иную особую выгоду из своего официального статуса» [2, 91]. Модальный глагол *must* подчеркивает личную ответственность участников взаимодействия.

В качестве противопоставления системе долженствования в английском языке выступает глагол ***may***, выражающий свободу участников правоотношений. Он является средством передачи разрешения или свободы выбора. Использование глагола *may* показывает, что субъект имеет право совершить действие, однако не устанавливается строгая обязательность его выполнения: “*The Congress may determine the Time of chusing the Electors, and the Day on which they shall give their Votes*” [3]. – «Конгресс вправе определять время избрания выборщиков и день, в который они подают свои голоса» [4].

Проведенный анализ функционирования модальных глаголов в англоязычном правовом дискурсе показывает, что глаголы *shall*, *must*, *may* используются для выражения различных аспектов деонтической модальности: от императивности и принудительной необходимости (*shall*, *must*) до значительной свободы выбора (*may*).

Таким образом, модальные глаголы являются не только грамматической категорией, но и одним из важнейших лингвистических инструментов реализации правовых норм. Понимание их контекстуальных функций в юридических документах, выявление различий в значениях, а также поиск эквивалентов в русском языке способствуют эффективной межкультурной коммуникации в юридической сфере.

Список литературы

1. Крапивкина О. А. Многозначность глагола *shall* как проблема интерпретации и перевода юридических документов // Вестник Северного

(Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – С. 114-121.

2. Туганова С. В. Деонтическое значение модального вспомогательного слова “должен / must” в русских и английских прескриптивных юридических текстах // Вестник ТГГПУ. – 2018. – С. 88-95.

3. <https://constitutioncenter.org/the-constitution/full-text>

4. <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnstUS.htm>

© Черепанова Е.М., Голинская Г.Я., 2026

УДК 81'25

Черепанова Е.М.

ст. преподаватель УУНУТ

г. Уфа, Россия

Шлихменкина Е.С.

г. Уфа, Россия

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА СЛОГАНОВ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЫ

В статье рассматриваются языковые и прагматические факторы, влияющие на выбор переводческого решения в сфере рекламы в цифровом пространстве. На материале перевода англоязычных слоганов международных брендов на русский язык выявлены основные переводческие модификации для локализации слогана и показано, какие из них лучше сохраняют воздействующий потенциал в их русскоязычной версии.

Ключевые слова: интернет-реклама, рекламный слоган, переводческие трансформации, транскреация, адаптация.

Реклама выступает значимым фактором формирования потребительского поведения современного человека. Среди многих каналов продвижения товаров и услуг интернет-реклама сегодня занимает центральное место, в связи с чем, интерес к ее воздействию на потенциального потребителя постоянно растет.

Перевод слоганов интернет-рекламы особенно актуален в следствие роста конкуренции за внимание потенциального потребителя. По данным IAB, объем интернет-рекламы в США в 2024 году достиг 258,6 млрд долларов (+14,9% к 2023 году) [4]. В России динамика еще выше: по оценкам АРИР, отечественный рынок интерактивной рекламы за тот же период достиг 1,2 трлн рублей, а рост составил 53% по сравнению с предыдущим годом [1].

В аспекте перевода рекламного слогана на первый план выходит необходимость его локализации, поскольку от этого зависит его

доступность для иноязычной аудитории, то есть, обратит ли потребитель внимание на рекламное сообщение среди тысячи других текстов.

Цель данной статьи – проанализировать и выявить основные виды переводческих трансформаций при передаче англоязычных интернет-слоганов на русский язык.

Очевидно, что в настоящее время одним из наиболее эффективных способов воздействия на потребителя является размещение рекламы в интернет-пространстве. Под интернет-рекламой понимают средство маркетинговых коммуникаций, служащее для продвижения товаров и услуг. Основными целями такого типа рекламы является оперативное информирование потребителей и удовлетворение их потребностей [6, 179].

С лингвистической точки зрения, рекламная продукция в сфере интернет характеризуется рядом важных характеристик, таких как прагматичность установки рекламного текста, преобладание эмоционально-насыщенной и оценочной лексики, использование рекламных слоганов.

К изучению рекламных слоганов обращались как отечественные, так и зарубежные лингвисты, среди которых отметим А.И. Литвинова, К.Д. Шидо, Е.А. Терпугова, М.Н. Новиков, К. Бове, А. Годдгарт. В их трудах исследованы принципы построения текста слогана, его виды, а также его лингвостилистические и культурологические особенности.

Исследователь Е.Н. Ремчукова отмечает, что слоган – это один из наиболее интересных и актуальных видов рекламных продуктов в современной лингвистике [5, 193]. Рекламный слоган является одной из важных составляющих рекламного сообщения и представляет собой яркую, короткую, запоминающуюся фразу, которая выражает основную идею кампании. Основная функция рекламного слогана – привлечь внимание потребителя, создавая яркий, запоминающийся образ бренда, побуждающий к действию.

Особенности слоганов в интернет-рекламе обусловлены спецификой восприятия информации пользователями сети. Потенциальный потребитель сталкивается с огромным количеством рекламных сообщений в сети, поэтому рекламный слоган в интернете должен быть максимально кратким и способным вызвать эмоциональный отклик за короткий промежуток времени.

По отраслевому признаку лингвисты выделяют спортивные слоганы, слоганы в индустрии красоты, автомобильные слоганы, слоганы в индустрии питания, слоганы в индустрии техники и другие. В зависимости от отрасли, переводчик придерживается определенной стратегии. К примеру, для одних сфер на первый план выходит дословная передача смысла, а для других – культурная адаптация и эмоциональный отклик аудитории.

Перевод рекламных слоганов представляет собой сложную задачу для переводчика, он требует от специалиста не только знание языка, но и понимание специфики целевой аудитории, а также основ маркетинга. В связи с этим, на первый план выходит транскреация текста слогана, то есть, адаптация контента слогана к иноязычной культуре с учетом ее особенностей [7]. Таким образом, одной и наиболее важных задач при переводе иноязычных рекламных слоганов является их адаптация к переводящему языку с учетом возможных культурных и иных различий.

Адаптация текстов рекламных слоганов предполагает, в первую очередь, преодоление языковых и культурных ограничений. Одним из актуальных способов решения проблемы локализации рекламного слогана является использование переводческих трансформаций. Рассмотрим некоторые примеры использования таких приемов при переводе англоязычных интернет-слоганов на русский язык.

Перевод рекламных слоганов в спортивной индустрии требует передачи эмоции и духа бренда. Одним из самых известных слоганов бренда Nike является “Just Do It” [2]. На русский язык данный слоган переведен как «Просто сделай это» [3]. Переводчик применяет буквальный перевод с целью сохранения краткости слогана и призыва к действию.

“Impossible is nothing” [2] – «Невозможное возможно» [3]. В данном случае при передаче рекламного слогана кампании Adidas переводчик использует антонимический перевод. В оригинале с помощью слова “nothing” отрицается само существование невозможного, а в переводе на русский язык утверждается обратное «возможно» невозможное. Переводчик заменяет отрицательную конструкцию на утвердительную, при этом сохраняя основную идею слогана и делая его более убедительным для русскоязычной аудитории.

Перевод рекламных слоганов в сфере индустрии красоты предполагает сохранение эстетического эффекта и создание устойчивой ассоциации с прекрасным. Обратимся к рекламному слогану L’oreal: “Because You’re Worth It” [2]. Данный слоган переведен как «Ведь вы этого достойны» [3]. В переводе используется прием адаптации, что помогает сохранить основную идею слогана – повышение самооценки потребителя. Благодаря такому переводу увеличивается желание потребителя приобрести товар этого косметического бренда.

Слоганы автомобильной индустрии направлены на различные категории потребителей. К примеру, премиальные бренды, такие как Lexus или Mercedes-Benz, направлены на привлечение аудитории с высоким уровнем дохода. Слоган “The Star always shines from above” [2] – «Звезда всегда светит сверху» [3] подчеркивает стремление к совершенству. При переводе необходимо сохранить буквальное значение слогана, поэтому переводчик применяет буквальный перевод. В то время как бренды Honda или Volkswagen направлены на более широкую аудиторию, и,

соответственно, используют слоганы с акцентом на надежность и практичность: “If only everything in life was as reliable as a Volkswagen” [2] – «Если бы только всё в жизни было такое же надежное как Volkswagen» [3]. Здесь переводчик так же применяет буквальный перевод, сохраняя исходную лексику и структуру слогана.

Перевод рекламных слоганов брендов индустрии питания имеет свою специфику, например, “A taste of paradise” [2] – «Райское наслаждение» [3] (Bounty). В переводе слогана применяется прием адаптации и лексическая замена, поскольку переводчик заменяет английское “taste” на «наслаждение» в русском языке. Так, слоган становится более выразительным в языке перевода и сохраняет основную идею, выраженную в исходном языке.

Слоган рекламной кампании Pepsi “Ask For More” [2] передан на русский язык как «Бери от жизни всё» [3]. Переводчик использует прием модуляции с целью сохранения идеи оригинала и адаптации под культурные особенности русскоязычной аудитории. Еще одним примером является перевод слогана кампании Skittles: “Taste the rainbow” [2] – «Попробуй радугу» [3]. Здесь используется прием буквального перевода, так как порядок слов передан дословно, а синтаксическая связь сохранена.

Обращаясь к рекламным слоганам индустрии техники, в качестве примера можно проанализировать слоган кампании Apple: “Think different” [2] – «Думай иначе» [3]. В данном примере переводчик использует грамматическую замену и адаптацию к грамматическим особенностям целевого языка. Слово “different”, которое является прилагательным в английском языке, в русскоязычной версии изменено на наречие «иначе».

Среди самых распространенных переводческих стратегий при переводе рекламных слоганов можно выделить модуляцию, поскольку такой прием встречается в 35% случаев. Буквальный перевод так же применяется в 35% случаев. Что касается адаптации, ее применяют в 30% случаев. Антонимический перевод встречается реже – всего в 10% случаев. При передаче слоганов интернет-рекламы переводчики зачастую комбинируют различные стратегии. В случае, когда важно максимально точно передать структуру оригинала, переводчики используют буквальный перевод. А для сохранения прагматического воздействия на аудиторию переводчики прибегают к таким приемам, как модуляция и адаптация.

Эффективность рекламного слогана зависит от того, насколько грамотно переводчик подберет необходимую трансформацию. Для этого важно учитывать тип слогана и его прагматическую направленность.

Список литературы

1. Ассоциация развития интерактивной рекламы. АРИР: объем российского рынка рекламы и продвижения в интернете в 2024 году вырос на 53% до 1,236 трлн рублей // АРИР. 17.04.2025. [Электронный ресурс].

URL: <https://interactivead.ru/news-category/obemy-rynka/> (дата обращения: 05.04.2026).

2. База слоганов на английском языке [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sloganlist.com/> (дата обращения: 09.04.2026).

3. База слоганов на русском языке [Электронный ресурс]. URL: <http://www.textart.ru/baza/slogan/list.html> (дата обращения: 09.04.2026).

4. Бюро интерактивной рекламы (IAB). Рост доходов рекламы на 15% в 2024 году // IAB News. 17.04.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iab.com/news/digital-ad-revenue-2024/> (дата обращения: 04.04.2026).

5. Ремчукова Е.Н. Лингвокреативность рекламного слогана // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIV. Развитие и вариативность языка в современном мире. II. Отв. ред. О. Н. Паликова. Тарту, 2011. – С. 192-206.

6. Телепнева Т. Ю. Рекламный текст как объект исследования в лингвистике: теоретический аспект, 2022. – С.178-180.

7. What is Transcreation? Bridging the Gap Between Translation and Creativity // Language Intelligence. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.languageintelligence.com/post/what-is-transcreation-bridging-the-gap-between-translation-and-creativity> (дата обращения: 07.04.2026).

© Черепанова Е.М., Шлихменкина Е.С., 2026

**ПРОЦЕССЫ ВОСПРИЯТИЯ И ПОНИМАНИЯ: ИИ VS
ЧЕЛОВЕК**

В статье рассматриваются механизмы восприятия информации человеком и искусственным интеллектом с точки зрения когнитивной науки. Сопоставляются способы обработки информации у человека и искусственных систем в соответствии с уровнями иерархической модели, которая позволяет описать ключевые характеристики мыслительных процессов у человека и ИИ, а также выявить общие закономерности и специфические различия в их когнитивной деятельности.

Ключевые слова: интеллектуальные системы, восприятие, понимание, мыслительная деятельность, когнитивное мышление.

Проблема выявления сходств и различий когнитивных процессов, реализуемых человеческим сознанием и интеллектуальными системами искусственного интеллекта, в настоящее время приобретает фундаментальное значение для эволюции всех направлений, сопряжённых с разработкой и внедрением ИИ-технологий.

Особую актуальность этому исследовательскому вектору придаёт наличие универсального маркера, позволяющего верифицировать способность к мыслительной деятельности как у биологических субъектов, так и у искусственно созданных систем. Таким дифференцирующим и одновременно объединяющим критерием выступает владение языковой системой и речевыми механизмами - способность оперировать знаками, формировать высказывания и транслировать смыслы посредством лингвистических структур.

Согласно концептуальной модели А.Л. Шамиса - одного из ведущих российских экспертов в области искусственного интеллекта - феномен мышления репрезентируется совокупностью мозговых процессов, обеспечивающих осознанную переработку информационных стимулов [2]. К числу таких процессов относятся: перцепция окружающей среды, познавательная деятельность, регуляция поведенческих реакций, решение алгоритмизированных задач и генерация творческих решений.

При изучении проблематики ИИ методологически оправданно рассматривать мышление как многоуровневую функциональную систему, в которой выделяются следующие уровни: 1) уровень перцептивного

мышления (обработка сенсорных данных); 2) уровень когнитивного мышления (анализ и интерпретация информации); 3) уровень практического мышления (применение знаний в конкретных ситуациях); 4) уровень креативного мышления (создание принципиально новых решений).

Данная иерархическая модель позволяет, с одной стороны, описать ключевые характеристики мыслительных процессов у человека и ИИ, а с другой, выявить общие закономерности и специфические различия в когнитивной деятельности биологических и искусственных систем.

Сенсорное мышление не может быть квалифицировано как полноценное мыслительное действие. Его корректнее трактовать как предваряющий этап – первичную фазу когнитивной деятельности, заключающуюся в аккумуляции и элементарной обработке данных, поступающих в когнитивную систему посредством сенсорных каналов. Реализация данного процесса опирается на механизмы направленного восприятия и образного моделирования, которые дополнительно структурируются и опосредуются языковыми и речевыми компонентами.

При сопоставлении способов обработки информации у человека и искусственных систем можно зафиксировать определённое функциональное сходство. Оно проявляется в активации смысловых элементов (по терминологии А.И. Новикова) [1], осуществляемой за счёт динамического взаимодействия нейронных связей. В основе этого механизма лежит одновременное движение двух встречных информационных потоков: процесса укрупнения, или обобщения, - соответствующего мыслительной операции индукции; процесса детализации, или вычленения, - соотносимого с логической операцией дедукции.

Ключевое различие между человеческой и машинной обработкой информации носит количественный характер и определяется следующими параметрами: объёмом доступных информационных ресурсов; ёмкостью систем хранения данных (биологической памяти у человека либо электронных баз данных); скоростью выполнения операций: загрузки, обработки и извлечения информации из соответствующего хранилища.

Несмотря на распространённую практику синонимичного употребления понятий «когнитивное мышление» и «познавательное мышление», семантический объём этих терминов различается, что обуславливает их дифференцированное применение в научном дискурсе. Понятие «познавательное мышление» релевантно исключительно в контексте исследования естественного интеллекта. Его специфика определяется включённостью в целостную систему человеческой психической деятельности, где ключевую роль играет мотивационный компонент - как внутренний, так и внешний. Данный психофизиологический механизм, выступающий значимым регулятором

познавательной активности, присущ исключительно биологическому субъекту и неразрывно связан с его эмоционально-волевой сферой, ценностными ориентациями и целеполаганием. В свою очередь, категория «когнитивное мышление» обладает более широкой денотативной областью и применима к анализу обоих типов интеллекта - естественного и искусственного.

В системах ИИ когнитивные процессы реализуются детерминировано - алгоритм работы предусматривает селекцию из заранее заданного набора интеллектуальных процедур. Система выбирает те операции, которые: соответствуют заложенным критериям эффективности; обеспечивают достижение результата, удовлетворяющего формализованным параметрам задачи.

Таким образом, принципиальное различие между познавательным мышлением человека и когнитивным мышлением ИИ заключается не только в наличии мотивационного компонента, но и в самой природе целеполагания: у человека оно возникает эндогенно - под влиянием внутренних потребностей и внешних стимулов, с возможностью переосмысления целей; у ИИ оно задаётся экзогенно - через программирование, без способности к самостоятельной трансформации целевых установок. Эта дихотомия подчёркивает фундаментальное отличие между спонтанной, мотивированной познавательной деятельностью живого субъекта и алгоритмизированной когнитивной обработкой информации в искусственных системах.

Когнитивное (или познавательное) мышление человека выполняет ключевую функцию - исследование свойств воспринимаемых объектов на различных уровнях обобщения и укрупнения [2]. Этот процесс включает как выделение общих характеристик, так и детализацию частных признаков - с конечной целью достижения понимания.

В искусственных системах аналогичный процесс принципиально трансформируется. В контексте ИИ «понимание» замещается процедурами интерпретации, трансформации и переформатирования входных данных. Полученная информация не проходит этап образного опосредования, а сразу конвертируется в формализованную модель - структуру, оптимизированную для решения конкретной задачи.

Однако трактовка «эмоциональной оценки» как поверхностного, субъективного критерия представляется спорной, т.к. оценка в рамках практического мышления должна базироваться на объективных основаниях (эмпирических данных, рациональном анализе, накопленном опыте). Практическое мышление присуще как человеку, так и ИИ, но эмоциональный компонент в деятельности машины отсутствует по определению. В системах ИИ выбор стратегии определяется формализованными критериями эффективности, а не субъективными предпочтениями.

Таким образом, принципиальное различие между практическим мышлением человека и ИИ заключается в природе целеполагания и механизмах принятия решений: у человека они интегрируют рациональные и эмоциональные компоненты, у машины — строго алгоритмизированы и лишены субъективной окраски.

Список литературы

1. Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты: монография / Под ред. Н.В. Васильевой, Н.М.Нестеровой, Н.П. Пешковой. — М.: Институт языкознания РАН. — 2007. — 224 с.

2. Шамис А.Л. Пути моделирования мышления: Мышление и творчество; формальные модели поведения и «распознавания с пониманием». — М.: Леланд. — 2017. — 264 с.

© Моисеева А.В., 2026

УДК 81'23

Титлова А.С.

канд. филол. наук, доцент УУНУТ,
г. Уфа, Россия

О МЕСТЕ ИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

В статье поднимается вопрос о месте и роли искусственного интеллекта в современном медиапространстве. Рассматривается медиатекст как текст, состоящий из разных кодов. Приводятся примеры генерирования искусственным интеллектом как вербальной, так и невербальной частей медиатекста. Поднимается вопрос о соавторстве сгенерированного текста.

Ключевые слова: искусственный интеллект, медиатекст, поликодовый текст, нейронная сеть.

Вероятно, в настоящее время нет ни одной сферы человеческой деятельности, которой не коснулся бы процесс цифровизации. Коснулся он в огромной степени и медиапространства, в которое само является следствием технологического прогресса. Большинство средств массовой информации либо имеют две версии: печатную и цифровую, либо только цифровую. Даже архивы более не существующих традиционных печатных изданий в настоящий момент оцифрованы.

Однако к ставшим уже привычными цифровым технологиям добавилась еще одна, ставшая огромным прорывом и, в то же время, вызывающая несчетное число дискуссий — искусственный интеллект.

Технически искусственный интеллект способен создавать вербальную и невербальную (изображения, аудио и видео) составляющую любого

медiateкста, то есть, практически, полностью медiateкст, являющийся поликодовым феноменом. Тогда перед нами встает вопрос: если нейросеть генерирует весь спектр информационного контента, кто же тогда является автором текста? Можно ли при условии полного или частичного создания текста искусственным интеллектом назвать человека автором или следует такого рода сотрудничество называть соавторством?

Ответить на этот вопрос в настоящий момент вряд ли возможно, учитывая его комплексность. Поэтому рассмотрим в рамках настоящего исследования компоненты поликодового медiateкста и степень вовлеченность нейросетевых моделей в их создание.

Основным, «классическим» компонентом поликодового медiateкста является вербальный компонент. В эпоху зарождения инструментов автоматизации в медиапространстве новостные тексты генерировались по шаблону. Например, крупнейшие медийные агентства использовали статистические данные, собранные и проанализированные системами шаблонной генерации. Эволюционировавшие нейронные сети сейчас способны не просто находить и обобщать информацию, но и создавать креативный вербальный компонент, что делает их не просто вспомогательным инструментом, но, по сути, полноценным соавтором медiateкста.

При этом, искусственному интеллекту может быть задан не только смысл желаемого текста и его тематика, но и общая тональность и стилистика. Так, например, задание может быть сформулировано следующим образом: «напиши текст о ... так, будто его написал/а ... (известный блогер/политик/ученый)».

Однако если для выявления сгенерированных вербальных текстов существуют определенный инструменты (например, система Антиплагиат находит и выделяет сгенерированные текстовые фрагменты документа), то с невербальными компонентами медiateкста вопрос встает гораздо более остро.

Начнем с того, что психологически реципиент информации больше доверяет тому, что видит или слышит. То есть, в поликодовом тексте фото-, аудио- и видеoinформация принимается пользователем как более достоверная и не вызывает сомнений [2]. Однако, возможности современных нейронных сетей позволяют создавать контент с высокой степенью правдоподобности. Такой контент, к сожалению, используется не только в развлекательных целях, но и для разного рода манипуляций, особенно в политических медiateкстах. В качестве примера рассмотрим освещение недавнего конфликта между Ираном и Израилем/США. Некоторые новостные источники сообщали, что в ходе очередного удара погиб лидер Израиля Нетаньяху. Далее израильские каналы разместили ряд видео с живым премьер-министром. Однако, на некоторых из них внимательные зрители заметили лишние пальцы на руках политика и не

соответствующую анатомии человека форму ушных раковин. После публикации видео мнения пользователей разделились: одни утверждали, что видео сгенерированы израильской стороной, чтобы доказать, что лидер государства жив, вторые полагали, что иранская сторона «дорисовывала» реальные видео, пытаясь убедить зрителей, что они – результат работы ИИ.

Такого рода манипуляции не могут не привести к психологической реакции реципиента: исследователи утверждают, что «знание того, что материал создан машиной, может снижать уровень доверия, особенно в сфере новостей и аналитики» [1, 61].

Использование искусственного интеллекта порождает также и ряд этических и юридических вопросов. В связи с проникновением искусственного интеллекта во все сферы человеческой деятельности и последствиями такого повсеместного распространения, появляются ограничения и на законодательном уровне. Так, например, заместитель главы Министерства цифрового развития Александр Шойтов заявил, в нашей стране искусственный интеллект необходимо подвергать цензуре. При этом, ограничения должны касаться, по словам политика, как вводимых пользователями данных, так и ответов системы.

С точки зрения этики еще предстоит ответить на ряд вопросов о, собственно, авторстве текста и ответственности за создание и распространение фейковой информации, о необходимости маркировки участия ИИ в создании материала.

Следовательно, эволюция генеративных моделей потребует нового подхода к понятиям уникальности и авторства. Авторам, в свою очередь, необходимо осваивать новые инструменты, умело взаимодействуя с искусственным интеллектом и грамотно используя его помощь в своих креативных целях.

Список литературы

1. Осмоловская С. М. Нейросети и медиатексты: соавторство человека и искусственного интеллекта // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». – 2025. – № 3 (55). – С. 58-64.
2. Пешкова Н.П., Моисеева А.В., Титлова А.С. Интернет-общение и "жизнь языка": эрративы как одна из особенностей современной коммуникации // Вопросы современной лингвистики. – 2024. – №6. – С. 56-70.

© Титлова А.С., 2026

Сунь Чэнчэн
аспирант РУДН
г. Москва, Россия

**LINGUODIDACTIC ASPECTS OF LANGUAGE AND
TRANSLATION: THEORETICAL FOUNDATIONS, PRACTICAL
APPROACHES AND EDUCATIONAL INNOVATION**

Linguodidactics is the interdisciplinary study of teaching and learning language. This paper examines the following theoretical basis: communication-based language teaching; Second-language acquisition (SLA); Constructivist learning theory; Cross-cultural Interaction Theory. Defines the synthesis of linguistic pedagogy and translation training to identify problems such as outdated teaching methods, insufficient practicability, weak culture education, and lagging technology application in undergraduate English instruction. Focused Transformation is proposed for refined instructional frameworks; include practical Exercises and digitized Instruments, strengthen cross-cultural preparation to improve the effectiveness of language learning and enhance students' versatility as translators.

Keywords: *Linguodidactics, Translation training, foreign language teaching, Cross-cultural competence, Teaching innovation*

Linguodidactics is the combination of several disciplines: linguistics, education theory, cognitive psychology and Communication Sciences. Research on linguistic teaching and learning Patterns, construct structured instruction frameworks, enhance the efficiency of linguistics education. This section covers the theory foundation, pedagogical standard, methodology planning and actual operation implementation of enhancing students' linguistic, communication and translation abilities. In the process of globalisation and digitalisation, Languages and translations are indispensable for promoting cross-cultural communication. Therefore, clarifying the linguodidactic features, integrating language and translation pedagogy, upgrading teaching concepts and refining talent cultivation plans need to meet people's needs of all-round competent interdisciplinary talents in society.

Based on the conceptual framework of communicative language teaching, second-language learning, constructivism and cross-cultural engagement theory [Krashen 1982: 45]. Pragmatic interaction based on learners' interests in the learning process and encouraging participation among students [Wilkins 1976: 12]. Second-language-acquisition framework focuses on presenting comprehensible input and producing output to develop courses accordingly

[Krashen 1982: 50]. Constructivist learners build knowledge proactively; therefore, instructional design must be scenario-based or task-focused [Piaget 1954: 89]. Taking a look from the perspective of cross-cultural studies at present, Translation requires translators to understand and respect cultures as well when translating [Hymes 1971: 26].

Field of Language Pedagogy and Translation Instruction have a close relationship. Translation training is a more advanced form of language education based on solid listening, speaking, reading and writing skills. Translation requires an all-around ability to master grammar holistically and improve one's language application level through culture, logic and style. Translation practice helps students understand subtle differences in language usage and culture; therefore, both aspects should be covered by the teaching of the new course syllabus at one go.

College foreign language teaching faces multiple problems in practice. Mechanical recitation and narrow-based testing are caused by outdated theories; they lack communication ability and interpretation skills as well as inconsistency with reality. A large classroom Space limits interaction and Personalised guidance. Insufficient intercultural Education leads to cultural misinterpretation in practice. Pedagogical technology is still unutilised; the electronic materials serve only to supplement the teaching rather than promote smart learning.

In order to promote the practical development of linguodidactics, all aspects need reform. Initially establish a students-centred approach and reform the education system to act as guides. Integrate the training of languages and translation activities to improve students' basic skills in translation and interpretation. Thirdly, build real learning environment through role-playing and practical translation tasks. Fifthly, introduce advanced educational technologies such as AI devices for accurate guidance and automated testing. Finally, strengthen cultural education and improve cross-cultural communication skills [Savignon 1983: 71].

Linguodidactic realisation improves learning effects, promotes the development of learners and aligns with social needs. To improve the pedagogical structure, devise teaching methods, nurture outstanding teachers to become global spokespeople. Prospective studies should strengthen the concept of synthesis in digital teaching, improve empirical Classroom methods, enhance teachers' occupational abilities, and modernise course systems. The advanced linguistic-educational system should ensure high-quality international language education and promote global cultural exchange effectively.

References

1. Hymes D. H. On Communicative Competence. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1971.

2. Krashen S. Principles and Practice in Second Language Acquisition. Oxford: Pergamon, 1982.
3. Piaget J. The Construction of Reality in the Child. New York: Basic Books, 1954.
4. Savignon S. J. Communicative Competence: Theory and Classroom Practice. Reading: Addison-Wesley, 1983.
5. Wilkins D. A. Notional Syllabuses. Oxford: Oxford University Press, 1976.

© Sun ChengChen, 2026

УДК 37.02

Ян Мяо

аспирант РУДН
г. Москва, Россия

LINGUODIDACTIC ASPECTS OF LANGUAGE AND TRANSLATION IN CONTEMPORARY FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Linguistic Didactic Dimensions of Language and Translation are essential topics in modern foreign language education. Based on task-based Language Teaching (TBLT) framework and practice investigation, this paper synthesises its linguistic didactic characteristics; examines the internal relationship among language and translation instruction; Investigates integrated strategies; and addresses existing problems of instruction. Propose a unified teaching Plan including particular classes, Creative way and thorough Evaluation System to lead the synchronised progress of improving students' spoken English and Writing Skills, providing not only Theory support but also Practice Basis For Transforming Foreign Language Teaching into talent Training for Cross-Cultural Communication.

Keywords: *linguistics, Foreign Language Teaching, Language and Translation, task-based Language Teaching (TBLT), Integrated teaching*

Language and Translation's linguistic educational contents belong to foundational theoretical knowledge as well as operational issues in contemporary foreign language teaching, covering two parts: factual-information-based instructional content and basic-skill cultivation. Based on TBLT and cross-lingual pedagogical empirical research, this paper integrates their linguistic education characteristics to explore the internal connection among language teaching, translation instruction and integrated learning paths, provide conceptual and empirical support for balanced growth of students' linguistic knowledge, skill level and interpretation abilities [1, 120].

Translation is an act by which people learn a language through the other; it also involves using another person's speech to communicate with them across cultures or languages (translation)[3, 89]. From the perspective of linguodidactics, Language teaching is at its core terms, syntax and Aural Comprehension, oral expression, Literacy and Composition [4, 58]; Translation Instruction serves as an advanced level bidirectionally converting into Chinese/English, etc., needs to integrate with both basic skills at the heart and finally reach translation ability.

Linguistic pedagogy's linguistic-pedagogical facet possesses four basic attributes: First, communicative intention aligns with the core concept of TBLT - actual interactive situations; Second, situational and context-related factors require that real Environment be created (in line with constructivism); Third, hierarchical and gradual structures are necessary based on simple to complex learning principles for design Learning Assignments; Fourth, humanist trait combined with cross-cultural education is needed to achieve a synthesis of instrumentalism and humanism.

Modern pedagogy faces problems: the disconnection between language learning and translation training, too few teachers' recognition of linguistic educational dimensions (only 38.21 per cent understand teaching tasks' diversity) [2, 156], and isolation among curriculum design/techniques and linguistic didactic needs. Schooling focused on tests, and limited resources prevent success.

In response to these problems, a whole-class teaching strategy of integrating TBLT with linguistic educational perspectives was established: Firstly, set objectives for overall language and translation skill enhancement; secondly, refine the teaching content by including translation exercises in lexical, grammatical and discoursal learning contexts according to Willis' three-phases TBLT model. thirdly, enrich techniques through modern tools such as artificial intelligence-driven 5A models and various materials. Fourth, improve the multidimensional evaluation system that integrates both process orientation and final results; execute learner-oriented personalized education [5, 103].

Therefore, Linguistic Didactic Elements determine the course of foreign language pedagogy. By integrating language teaching with translation through TBLT to improve Design and Evaluation, it can address the conflict problem more efficiently, enhance the level of instruction in Foreign Language Education Innovation under the background of Educational Modernisation.

References

1. Ellis, R. (2023). *Task-Based Language Teaching: Theory and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press. – 324 p.
2. Munday, J. (2022). *Introducing Translation Studies: Theories and Applications* (5th ed.). London: Routledge. – 288 p.

3. Wilks, Y. (2021). *Linguistics and Translation: Theoretical Foundations*. Oxford: Oxford University Press. – 246 p.

4. Иванова, Т. А., & Соколов, В. П. (2022). Лингводидактические аспекты интеграции обучения языку и переводу в высшей школе. *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, (3), 56–68.

5. Петрова, О. Ю. (2025). Формирование комплексной системы оценки интеграции обучения языку и переводу на основе ТБЛТ. *Язык и культура в современном образовательном пространстве*, 1(45), 99–107.

© YangMiao, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Агеева А.В., Диярова К.И.

Лексико-семантическая организация франкоязычного
арт-дискурса в публицистических и художественных жанрах..... 3

Камалов Р.И.

Категория пространства: от философии к лингвистике..... 7

Лю Гэнцзюнь

Прототипическая организация видовых пар русского глагола:
когнитивный механизм профилирования событийных границ..... 12

Павлова О.Ю.

Концептуализация уступительных отношений в немецком языке:
когнитивный и этимологический аспекты..... 17

Пургин Е. А.

Редупликация и рекурсии как лингвистические приемы
в метаповествовании..... 21

Сафина З.М., Зираншина К.Ф.

Репрезентация концепта «красота» в русской и китайской
языковых картинах мира..... 25

Чжан Хэлинь

Механизмы реализации омонимического каламбура в рекламе..... 30

Шафиков С.Г.

Семантика сна сквозь призму языковых универсалий..... 32

Янгирова Г.В., Байгускарова А.Р., Нафикова Л.К.

Лингвопрагматические особенности передачи речевого акта
извинения..... 38

ПЕРЕВОД КАК СИНТЕЗ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Камалов Р.И.

Особенности перевода английских атрибутивных конструкций
с внутренней предикацией на русский язык..... 42

Латыпова Л.Ч., Абдулкадырова А.П.

Типы английских слов-слитков и их перевод на русский язык..... 47

Латыпова Л.Ч., Мухамадеев Р.И.

Специфика перевода юмористического сериала..... 53

Латыпова Л.Ч., Нургалиева А.С.

Перевод стилистических средств в современном женском романе
(на материале романа «Моя (не)идеальная жизнь»)..... 58

Латыпова Л.Ч., Сафонова А.А. Способы словообразования и перевода английских окказионализмов в текстах жанра фэнтези.....	63
Мифтахова Р.Г., Виноградов А.В. Перевод этнокультурных коллокаций с использованием корпусных данных.....	68
Мифтахова Р.Г., Понамарев И.К. Перевод поэзии с помощью технических средств.....	73
Морозкина Е.А., Ващенко А.П. Синтаксическая валентность каузативных глаголов при переводе художественного текста.....	77
Морозкина Е.А., Гераськина Е.М. Перевод прецедентных явлений в художественном тексте.....	83
Морозкина Е.А., Мадияров К.Р. Морфологическая и синтаксическая организация лексико- семантического поля «Violence / Насилие» в романе С. Крейна «Алый знак доблести» и в его русскоязычном переводе.....	88
Морозкина Е.А., Рабцевич А.Б. Стратегии адаптации и локализации PR-текстов (на основе русского, английского и китайского языков).....	92
Морозкина Е.А., Щанькин А.П. Терминологическая вариативность лексемы <i>share</i> в романе Т. Драйзера «Финансист».....	97
Пешкова Н.П., Мигранова И.Х. Гендерный аспект перевода: проблемы сохранения смысла и прагматики.....	102
Рюкова А.Р., Насырова Л.М. Перевод идиом в художественных текстах.....	105
Рюкова А.Р., Шаймарданова С.М. Принцип интердискурсивного взаимодействия в аспекте перевода...	110
Сафина З.М., Губайдуллина С.М. Способы перевода английских пассивных конструкций на русский язык.....	117
Сафина З.М., Хафизова А.Н. Передача глаголов движения с русского языка на английский в художественном переводе.....	121
Смакова А.Л. Коэффициент лексического разнообразия в переводах романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».....	126
Черепанова Е.М., Голинская Г.Я. Модальные глаголы как средство выражения юридической обязательности.....	131

Черепанова Е.М., Шлихменкина Е.С.	
Специфика перевода слоганов интернет-рекламы.....	134

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И НЕЙРОПСИХОЛИНГВИСТИКА

Моисеева А.В.	139
Процессы восприятия и понимания: ИИ vs человек.....	
Титлова А.С.	
О месте ИИ в современном медиапространстве.....	142

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА И ПЕРЕВОДА

Сунь Чэнчэн	
Linguodidactic aspects of language and translation: theoretical foundations, practical approaches and educational innovation.....	145
Ян Мяо	
Linguodidactic aspects of language and translation in contemporary foreign language teaching.....	147

При подготовке электронного издания использовались следующие программные средства:

- Adobe Acrobat – текстовый редактор;
- Microsoft Word – текстовый редактор.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научное издание

**СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ**

Материалы

*II Всероссийской научно-практической конференции
(г. Уфа, 23 апреля 2026 г.)*

Электронное издание сетевого доступа

*За достоверность информации, изложенной в статьях,
ответственность несут авторы.*

Статьи публикуются в авторской редакции

Подписано к использованию 06.07.2026 г.
Гарнитура «Times New Roman». Объем 2,14 Мб.
Заказ 169.

*ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
450008, Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 12.*

Тел.: +7-908-35-05-007
e-mail: red@uust.ru